3 1761 0[illegible]5 8
D

Chernetsov, Valerii
Nikolaevich
Naskal'nye izobrazheniia
Urala

GN
799
P4C44
ch.2

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

ВЫПУСК
В4-12

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ УРАЛА

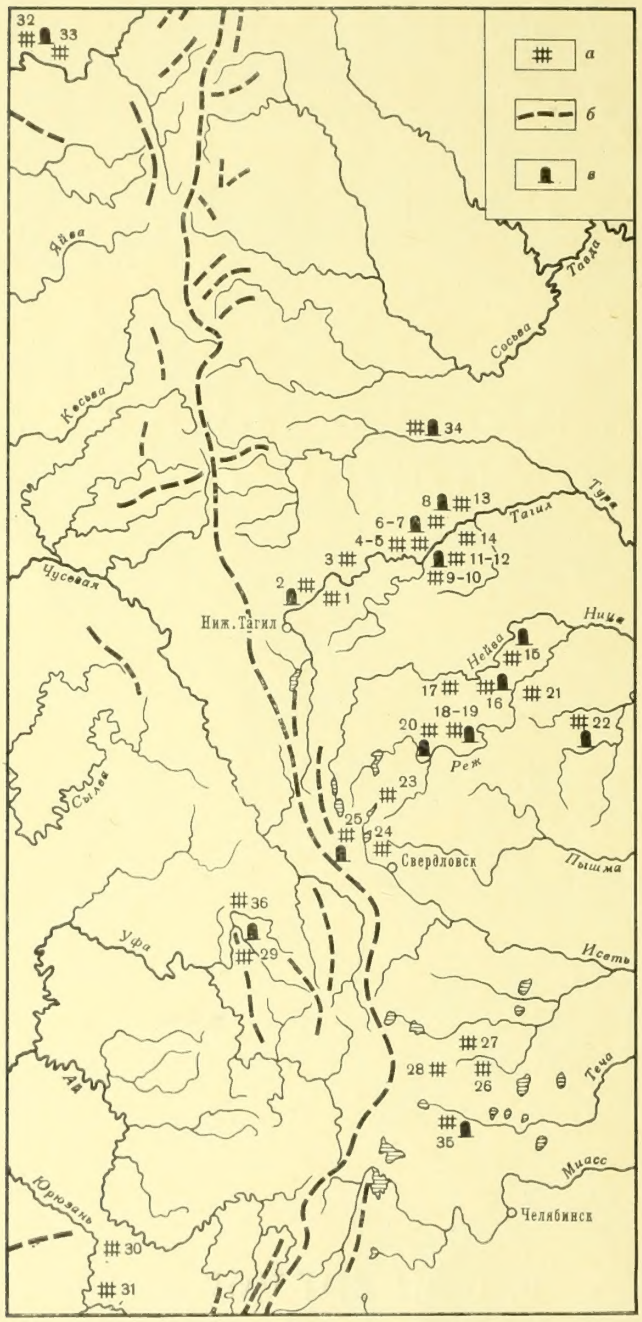


Рис. 1. Схематическая карта расположения наскальных изображений на Урале.

а — наскальные изображения; *б* — отроги гор; *в* — пещеры

АРХЕОЛОГИЯ СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б. А. РЫБАКОВА

В4 – 12(2)

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Chernetsov, Valerii Nikolaevich

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

Naskal'nye izobrazheniia Urala

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ УРАЛА

Ответственный редактор
О. Н. БАДЕР

[ch. 2]

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

Настоящий выпуск является второй частью работы, посвященной наскальным изображениям Урала. Первая часть, вышедшая в 1964 г., заключала в себе описание писаниц бассейна р. Тагила (№ 1—14 на общей схеме; см. рис. 1), сведения по истории изучения писаниц Урала и некоторые соображения по их датировке и возможному назначению. В настоящей работе приводится изложение материала по другим пунктам Зауралья и Приуралья. Большая часть из них дается в копиях, снятых во время работ нашей экспедиции, но некоторые писаницы, по тем или иным причинам оказавшиеся для нас недоступными, приведены лишь в зарисовках и фотографиях других авторов (преимущественно В. Толмачева, о работах которого уже говорилось в первой части). В книге дается анализ и классификация сюжетов и рассматриваются вопросы, связанные с содержанием, назначением и происхождением уральских писаниц.

В отношении полноты охвата материала должен отметить, что некоторые писаницы все же остались за пределами данной публикации (преимущественно — полоса Приуралья).

С технической стороны подача материала в данном издании остается той же, что и в первой части, но, принимая во внимание поступившие замечания, масштаб таблиц увеличивается до 1 : 10 (вместо 1 : 20). Теперь на каждой таблице передается площадь скалы 3×4 м.

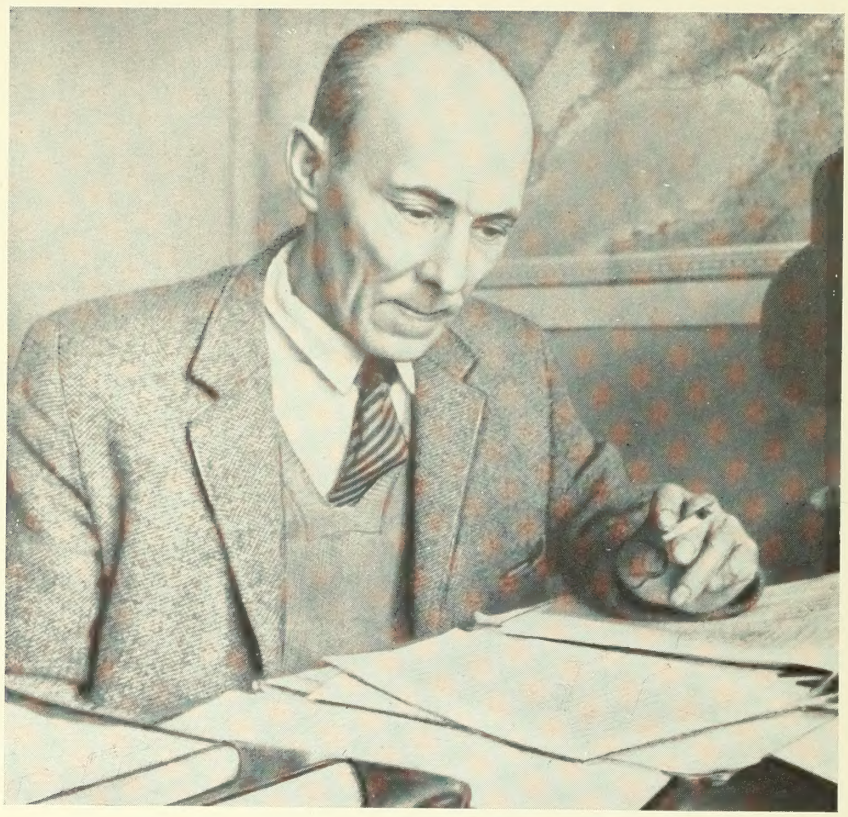
В историографической части первого выпуска в вопросе о наиболее ранних сведениях о наскальных изображениях Урала остались некоторые неясности, в частности существование писаницы на р. Туре. В результате поисков в архивах (ЦГАДА, ААН, Чертежная Книга Ремезова и др.) многие из этих вопросов удалось разрешить, что и следует из текста соответствующих разделов (см. Корелинская писаница, ирбитский Писаный Камень и др.).

При подготовке второй части большую помощь автору оказали как устные, так и письменные отклики на первый выпуск. Мне хотелось бы отметить замечания Сергея Васильевича Иванова, проф. Гуторма Йессинга и д-ра Карла Шустера, указавших мне ряд интереснейших параллелей и обративших мое внимание на наскальные изображения Северной Норвегии, которые неожиданно оказались столь важными для понимания многих явлений, связанных с историей формирования наскальных изображений Уральского ареала. Крайне существенным для рассмотрения этой же задачи явились опубликованные недавно исследования А. П. Окладникова по петроглифам Ангары и Ю. А. Савватеева по карельско-беломорским петроглифам. Без них и настоящая работа не могла бы быть выполнена в своей завершающей части. Также хотелось бы выразить свою признательность страстному исследователю писаниц Северной Канады Сэлвину Дьюдни, книги и рассказы которого и собранный им блестящий материал раскрыли передо мной комплекс чудесных и поэтических представлений индейцев Оджибва, связанных с древними рисунками на скалах. Близкие и дальние сопоставления и противопоставления в равной степени помогают проникнуть в тайны древних изображений. В этой работе я попытался понять внутренний смысл одной из групп таких изображений — писаниц Урала. Удалось ли мне в какой-то степени это сделать или нет — я надеюсь узнать из суждений моих будущих читателей.

LIBRARY
MAY 1 1972
UNIVERSITY OF TORONTO

GN
799
P4 C44
ch. 2

1-6-2
90—71 (I)



Валерий Николаевич
ЧЕРНЕЦОВ

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ УРАЛА

Редко можно встретить ученого столь разносторонних и глубоких знаний в области исторических наук, каким был Валерий Николаевич.

Он родился в Москве 17 марта 1905 г. в семье архитектора Николая Николаевича Чернецова. В Москве же прошли и все его школьные и частично юношеские годы.

В послереволюционное время он одно время учился на естественном факультете организованного в те годы Пречистенского института, затем перешел в Московский Электротехнический институт, но не закончил его, а в 1923 г. в качестве радиотехника был включен в состав Геодезической экспедиции и уехал на два года на Северный Урал. Эта поездка и определила направление всей его дальнейшей работы. История, археология и этнография народов Северного и Среднего Урала и Западной Сибири — это те науки, которым он посвятил свою жизнь.

За годы пребывания на Северном Урале Валерий Николаевич успел изучить мансийский язык и собрать очень большой фольклорный материал. Он же был одним из авторов первой азбуки и учебников мансийского языка.

В 1925 г. по совету известного исследователя нашего Севера В. Г. Богораза Валерий Николаевич поступает на 2-й курс Этнографического отделения Ленинградского Географического института, объединенного затем с Географическим факультетом Ленинградского университета. В 1930 г. он заканчивает его.

С 1925 по 1940 г. Валерий Николаевич интенсивно работает в этнографических экспедициях у лозьвинских, сосьвинских и обских манси и у ямальских ненцев. Собранный им этнографический материал огромен и при жизни Валерия Николаевича, к сожалению, увидел свет не полностью [1]. И даже в последующие годы, когда в центре его внимания оказались вопросы археологии и общие проблемы древней истории народов Урала в Северной Сибири, Валерий Николаевич не терял связи с этнографией. Так, в 1948 г. в Юртах Вижакарских на Оби ему удалось снять уникальный кинофильм: медвежий праздник у манси.

До последних дней своей жизни он был членом редакционной коллегии журнала «Советская этнография».

Начиная с 1929 г. и в 30-е годы Валерий Николаевич вел археологические исследования на Ямале (стоянки Хэйн-Сале и Тиутей-Салэ и др.) [2] и на Сосьве (стоянка Чэстый-Яг, Хулюм-Сунт, Сортынья и др.). Открытые им, обследованные и частично раскопанные стоянки прочно вошли в золотой фонд древних памятников Урала и Западной Сибири, а на некоторых из них, как, например, на стоянке Чэстый-Яг раскопки продолжаются и до сих пор.

С 1940 г. и до конца своей жизни Валерий Николаевич был сотрудником Института археологии АН СССР.

В 40-х и 50-х годах Валерий Николаевич руководил Западно-Сибирской экспедицией Института археологии и занимался исследованием археологических памятников, некоторые из которых имеют большое научное значение: в Нижнем Приобье (Усть-Полуй, Салехард, Зеленая Горка), Нижнем Прииртышье (Сузгун и другие памятники в районе Тобольска), Среднем Прииртышье (Омская и Екатерининская стоянки, Большой Лог, Красноярка и др.).

Результаты этих археологических исследований опубликованы во многих работах Валерия Николаевича [3], но далеко не полностью. Смерть оборвала жизнь Валерия Николаевича 29 марта 1970 г., на 66-м году жизни.

Необходимо сказать о теоретических работах Валерия Николаевича. Многообразие источников, над которыми он работал, с неизбежностью подводило его к их синтезу в плане этногенеза народов Урала и Сибири [4]. Валерий Николаевич, будучи председателем межсекторальной урало-сибирской группы Института археологии, в подлинном смысле являлся и ее душою.

[1] Важнейшие из работ: Фратриальное устройство Обско-угорского общества (Сб. «Советская этнография», т. 2, 1939); К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье («Труды Ин-та этнографии», нов. сер., т. I, 1947); К истории родового строя у обских угров (Сб. «Советская этнография», т. VI—VII, 1947); Орнамент ленточного типа у обских угров («Советская этнография», 1948, № 1); Представление о душе у обских угров («Труды Института этнографии», т. II, 1959); Исчезнувшее искусство (Узоры, выдавленные зубами на бересте у манси). («Советская этнография», 1964, № 3); Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем («Congressus secundus Internationalis Fenno-Ugristarum». Pars 2. Helsinki, 1965.

[2] В. Н. Чернецов. Древняя Приморская культура на полуострове Ямал. «Советская этнография», 1935, № 4—5.

[3] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953; он же. Бронза устьполуйского времени. МИА, № 35, 1953; он же. Усть-полуйское время в Приобье. МИА, № 35. 1953; он же. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957.

[4] В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования уральской общности». «Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1963; *он же.* К вопросу о сложении уральского неолита. Сб. «История, археология Средней Азии». М., 1968.

Его близко интересовали и широкие проблемы этнической истории народов Урала, Сибири и Восточной Европы с древнейших времен [5]. В докладе на экспедиционном пленуме Института археологии в 1970 г. во Львове, Валерий Николаевич устанавливает критерии для выделения археологических культур, их более обширных, региональных общностей и еще более обширных ареалов. Вслед за этнографами-антропологами М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым, он приходит к выводу, что «при определении характерных черт той или иной культуры необходимо выделять два аспекта: культурно-хозяйственный и этнокультурный. К первому относятся функционально-обусловленные черты материального быта, которые возникли и развились в процессе освоения местной экологической среды. Ко второму следует отнести те функционально не обусловленные формы и детали, которые составляли специфические, традиционно сохраняющиеся черты культуры данного общества (например, орнамент, украшения жилища и одежды, характерные приемы обработки камня и т. д.). При выделении этнокультурных ареалов основным материалом служит археологический, но необходимо и привлечение данных по смежным дисциплинам: антропологии, этнографии и лингвистике» [6].

На территории Сибири Валерий Николаевич выделил для эпохи неолита три основных этнокультурных ареала: урало-сибирский, байкальско-ленский и ареал культур даурского типа. Уже совсем больной он заканчивал сопоставление антропологических, этнографических и языковых данных по указанным ареалам с данными археологии.

Валерий Николаевич был одновременно археологом и историком, этнографом и фольклористом, историком первобытного общества и лингвистом, тесно соприкасался с естественными и техническими науками и историей искусств. Это придавало широту и прочность его научному синтезу.

О разносторонности научных интересов В. Н. Чернецова свидетельствует и данная работа, к глубокому сожалению, одна из последних.

Уральские наскальные рисунки — писаницы,— которым посвящена эта книга, занимали особое и немалое место в научной биографии Валерия Николаевича. Их поискам, копированию, кропотливому изучению, датировке и интерпретации он посвятил многие годы упорного труда.

Наскальные изображения Урала известны в литературе со времен Витзена и Страленберга, т. е. с XVIII в., и изучались многими авторами. Но сводных работ по этим памятникам не было. Между тем уральские писаницы представляют собой одну из ценнейших и редчайших категорий исторических памятников. Поэтому работа В. Н. Чернецова приобретает еще большую важность.

Сбор материалов по наскальным изображениям Урала был начат Валерием Николаевичем в 1927 г. на р. Тагил. Следующую поездку, и снова на Тагил, ему удалось совершить только через 11 лет, в 1938 г., но уже по поручению Музея антропологии и этнографии Академии наук, где он тогда работал. В последующие годы, как сообщает Валерий Николаевич в автореферате своей диссертации, им делались неоднократные попытки обобщить собранный материал, но эту работу приходилось оставлять незавершенной из-за недостаточно полных данных.

И в 1927, и в 1938 гг. Валерий Николаевич работал один, что крайне ограничивало его возможности в поле, особенно в труднодоступных местах. Продолжить исследования удалось только в 1957—1960 гг. с экспедицией Института археологии АН СССР. Они оказались более продуктивными: удалось исследовать и зафиксировать наскальные рисунки в Среднем Зауралье и даже отчасти в Приуралье — по берегам Тагила, Нейвы, Режа, Туры, Серги и других рек. Материал оказался исключительно ценным и обильным, достаточно хорошо отражавшим проблему в целом и позволявшим приступить к его обобщению.

С этого времени Валерий Николаевич начинает чаще использовать материалы уральских писаниц в своих работах [7]. В 1964 г. выходит в свет первая часть свода наскальных изображений Урала [8]. Она, по словам Валерия Николаевича, заключает в себе введение, касающееся истории изучения наскальных изображений Урала, и описание наиболее крупной и компактной группы писаниц, расположенных по р. Тагил. К этой части добавлена глава, содержащая предварительные соображения о датировке уральских писаниц, их содержании, назначении и о наиболее вероятной этнической принадлежности их предкам обских угров. «Связь между наскальными изображениями и отдаленными предками современных манси и хантов подчеркивается и тем,— говорит Валерий Николаевич через 6 лет,— что ареал уральских писаниц весьма точно соответствует территории распространения ранних неолитических культур Зауралья, развитие которых надежно прослеживается в последующих этапах, вплоть до исторического времени» [9].

Настоящая работа — выпуск II свода «Наскальные изображения Урала», является итоговой. Ее выводы построены с учетом всей суммы собранных автором данных о материальной и духовной культуре обских угров и других народов Сибири. Параллельно, по ходу изложения в ней суммированы многие факты и наблюдения этнографического характера, собранные автором в разные годы. Это исследование можно считать одним из основных и необходимых для познания истории западно-сибирских народов. Такой труд был посилен поистине большому ученому.

О. Н. Бадер

---

[5] В. Н. Чернецов. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. Доклад на VII Международном конгр. антр. и этн. наук. М., 1964; *он же*. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии. Сб. «Происхождение аборигенов Сибири». Томск, 1969, стр. 112.

[6] В. Н. Чернецов. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Сибири в эпоху неолита. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г.». М., 1970.

[7] N. V. Csernecov. Hyugat-sziberiai szikiarajzok.: «Ethnographia», 1—3 sz. Budapest, 1959; В. Н. Чернецов. О приемах сопоставления наскальных изображений. «Советская этнография», 1969, № 4.

[8] В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала, ч. I. САИ, В4—12, 1964.

[9] В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. М., 1970. Автореф. докт. дисс.

Глава I

ОПИСАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПУНКТОВ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ УРАЛА

КОРЕЛИНСКАЯ ПИСАНИЦА

На карте расположения наскальных изображений Урала, помещенной в первой части [1] (см. рис. 1, № 34), указана писаница на р. Туре близ д. Корелиной. Этот пункт нанесен на основании данных, приведенных геологом Зайцевым в описании Николае-Павдинского округа. Он пишет, что «в 11 верстах выше деревни Корелиной и саженях в 50 ниже устья речки Писаной левый берег Туры имеет высоты до 10,7 м... Отсюда начинается так называемый Писаный Камень, тянущийся вниз по реке сажень на 350 и более. На скале имеются идеографические знаки, выполненные красной краской» [2].

Эти сведения повторил И. Кривощеков, опираясь как на данные Зайцева, так и на сообщение «страхового агента по Верхотурскому уезду г. Устинова», но он же приводит несколько иные данные: «Выше деревни Корелиной в версте на одной из прибрежных скал имеются идеографические знаки...» [3] В 20-х годах с целью археологической разведки и поисков Корелинского писаного камня по Туре спустился на лодке П. А. Дмитриев. Однако найти камень ему не удалось. В 1958 г. снова была сделана попытка отыскать скалу. Поиски, производившиеся С. В. Зотовой, П. Н. Кожиным, В. И. Мошинской и автором, оказались безуспешными. Местные жители давали очень сбивчивые указания и чаще всего направляли нас к скале у одного заброшенного прииска, на которой кто-то выбил свои инициалы. Поиски особенно затруднялись тем, что на самой Туре в этих местах селений нет и лодку достать негде. Берега же в большинстве случаев скалистые, круто падающие к воде да к тому же заросшие густым лесом и кустарником. После долгих поисков удалось найти скалу, наиболее полно отвечавшую описанию Зайцева, но осмотреть ее на всем протяжении без лодки оказалось невозможным. Таким образом, вопрос о существовании Корелинской писаницы остался открытым и в первой части я даже высказал некоторое сомнение в ее существовании.

Уже после выхода в свет первого выпуска я обратился в поисках дополнительных сведений к архивным материалам, и в частности, к так называемым Портфелям Миллера. Просматривая записи знаменитого историка Сибири, я обратился к статье «Описание некоторых Вогуличских идолов», которую вскользь упоминает Ю. Б. Симченко, говоря о каменном идоле с высеченными на нем сакральными знаками [4]. Какова же была моя радость, когда одним из этих «божеств», или «идолов», оказалась Корелинская писаница. Так как это сообщение Миллера еще ни разу не публиковалось, а если и упоминалось, то не совсем точно, привожу его здесь полностью и даю факсимиле рукописи с изображением писаницы (рис. 2).

«Описание некоторых Вогуличских божеств, которые рядом и невдалеке от Благодатских заводов находятся.

От тех Благодатских заводов в 64 верстах по дороге на Верхотурье находится деревня, именуемая Корелина. При этой самой деревне, реке Туры на левой стороне, в одной горе имеется место, высеченное вроде свода, 3 аршина высотой, 3 аршина ширины и сверху в закруглении около 2 аршин. На нем находятся письмена, написанные красной краской, от которых, однако, лишь очень немного букв разобрать возможно по причине того, что гора во многих местах осыпается от текущих сюда многих... (ручьев) и с камня также и буквы в различных местах постерты.

Как устроен этот свод и что в нем из букв находится, показывается на следующей приводимой фигуре.

Из букв, обретающихся по обе стороны, вверху в закруглении и внизу только две разобрать возможно.

О вышеупомянутом своде не могут даже старейшие жители вспомнить, в какое время и кем таковой высечен был и подобия написаны были. Также им совершенно неведомы, говорили ли об этом месте предки их народа» [5].

Приведенное здесь сообщение Герарда Миллера не имеет даты, но в той же рукописи он дает еще описание «так называемого Божка ... который в трех верстах от Туры на Кушву, к правой (стороне), на одной высокой горе, у заложенного Благодать Туринского Завода, неким рекрутом найден был» [6]. Как известно, Благодатский Туринский или Нижне-Туринский завод был заложен в 1754 г., причем на его постройку направлялись рекруты, которые «вместо военной службы обязаны были отбывать горнозаводские работы» [7]. К 1766 г. завод был построен. Так как Миллер упоминает завод, «заложенный построй-

[1] В. Н. Чернецов, 1964.
[2] А. Зайцев, 1888, стр. 47.
[3] И. Я. Кривощеков, 1910, стр. 787.
[4] Ю. Б. Симченко, 1965, стр. 38.
[5] Г. Ф. Миллер, Описание, л. 1 об.
[6] Там же, л. 2, 4.
[7] И. Я. Кривощеков, 1910, стр. 600.

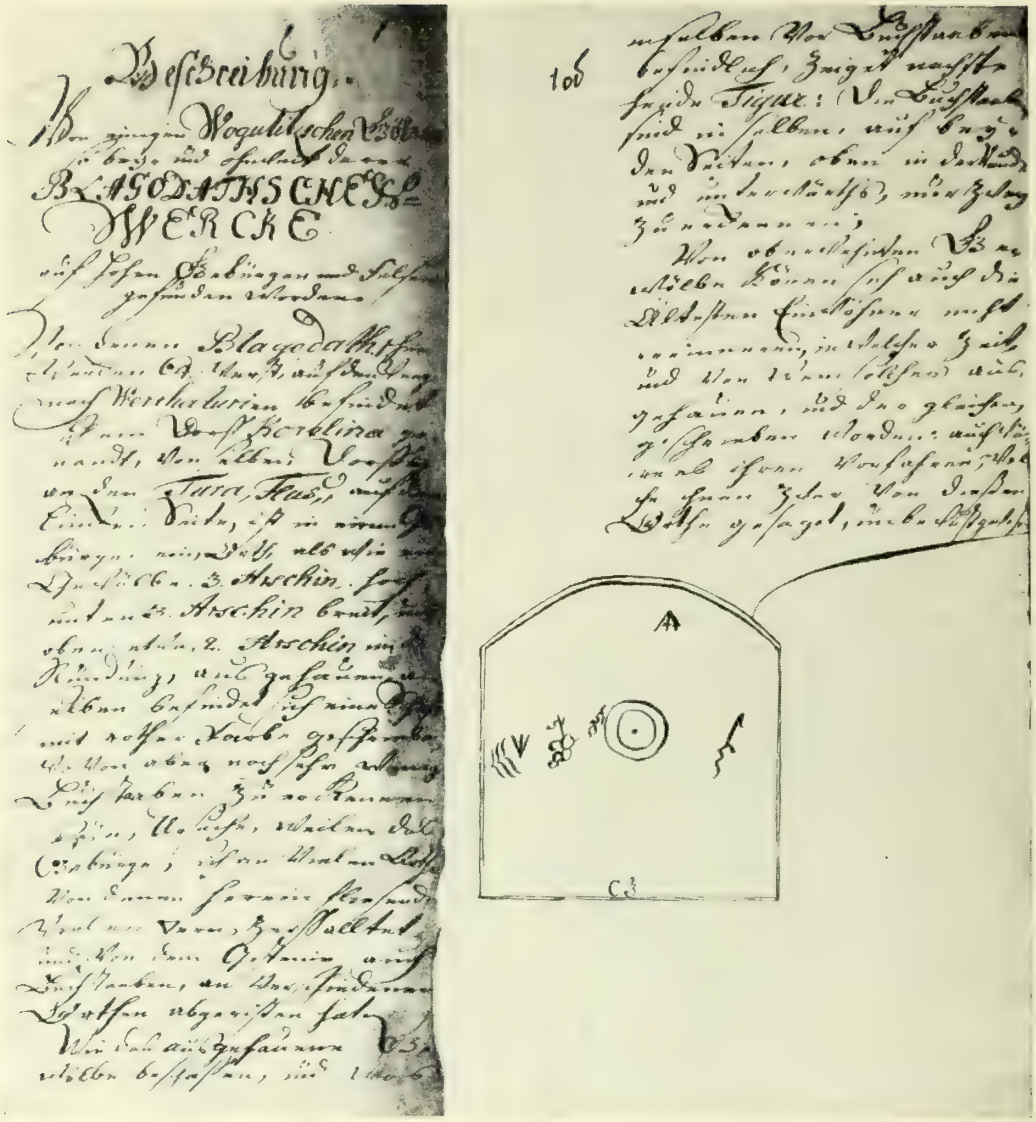


Рис. 2. Факсимиле рукописи Герарда Миллера с рисунком Корелинской писаницы (портфели Миллера, ЦГАДА).

кой», то, скорее всего, это должно относиться ко времени между 1754 и 1760 гг. «Высокая гора», о которой он пишет, по всей видимости, не что иное, как гора Шайтан, находящаяся в непосредственном соседстве с заводом, на которой, согласно церковной летописи Нижне-Туринского завода, «еще в период возведения заводских сооружений... окрестные вогулы имели кумирню и на вершине приносились жертвы» [8]. В этой связи интересно добавить, что «когда же вогулы узнали (о похищении божка), то они его у оного рекрута обратно откупили и до настоящего времени у себя сохраняют» [9]. Привожу эти дополнительные сведения в связи с тем, что у Г. Ф. Миллера, видимо, не появилось никаких сомнений относительно принадлежности Корелинской писаницы, которую к тому же он отнес к числу «вогулических», т. е. мансийских «божков», или «идолов». В те годы туринские манси были еще в очень слабой степени затронуты христианизацией. И. Я. Кривощеков, ссылаясь на метрические книги Верхотурской Знаменской церкви, пишет, что еще «в 1799 г. в приходе этой церкви значились новокрещенные вогулы в деревнях: Салтановой, Тараканковой и Корелиной» [10], хотя, однако, и полагает при этом, что крещение должно было происходить в период с 1714 по 1718 г. Шишонко, который в этой же связи упоминает «деревни Тараканкову в 40 верстах на северо-восток и Корелину в 46 верстах на юго-запад от Верхотурья», считал, что жителей этих деревень крестили лишь в конце XVIII в. [11] На самом деле, обстановка была, вероятно, более сложной. Судя по тому, что пишет В. Павловский, туринские вогулы были крещены, очевидно, около 1730 г., но после открытия горы Благодать (1735 г.) и появле-

[8] И. Я. Кривощеков, 1910, стр. 787.
[9] Г. Ф. Миллер. Описание, л. 2.
[10] И. Я. Кривощеков, 1910, стр. 459.
[11] В. Шишонко, 1882, стр. 429.

ния в связи со строительством Кушвинского завода русских вогулы ушли из этих мест и вместо горы Благодать «стали совершать жертвоприношения на горе Шайтан. Верхотурское духовенство, узнав об отпадении их, предприняло к ним поездку для возвращения их к христианству» [12]. О том, каковы могли быть эти поездки, можно судить по случаю с одним из наиболее рьяных деятелей просвещения, который как раз в эти годы «обыскал у вогулич несколько кумирниц со идолы по исчислению семьдесят пять, которые кумирницы со идолы все без остатку сжег» [13]. Правда, за такую деятельность манси «учинили ему смертную язву», но тем не менее они и тогда и столетия спустя тщательно охраняли и скрывали от русских свои обряды и священные места. Не удивительно, что в этой сложной обстановке и из страха перед начальством вогулы отговорились незнанием и отказались сообщить Миллеру какие-либо подробности о Корелинской писанице.

Рисунок этой писаницы, приводимый Миллером, по всей вероятности, довольно далек от ее истинного вида, так что судить по нему о содержании писаницы трудно. Отчетливо различим лишь солярный знак, подобный некоторым из тагильских, изображенный в виде двух концентрических окружностей с точкой в центре. В верхней части композиции, «в закруглении», по выражению Миллера, и в левой имеются фигуры в виде трезубца. Ю. Б. Симченко, который приводит копию рисунка Миллера в качестве вогульских «сакральных знаков», сравнивает эти фигуры с широко распространенной среди манси и хантов тамгой «птичья лапа» [14]. Быть может, он и прав, хотя, как можно было заметить по камню Змиеву на Тагиле и Писаному на Вишере, тамги если и встречаются на писаницах, то неизменно в самой нижней части скалы. Две довольно сложные фигуры, расположенные непосредственно слева от центральной солярной, Ю. Б. Симченко объясняет как знак «ель», тоже известный по тамгам. Однако, учитывая стилизацию, встречающуюся в зарисовках начала XVIII в., в частности в передаче Семеном Ремезовым некоторых фигур ирбитского Писаного Камня, в этих знаках, скорее, следует видеть сильно стилизованные антропоморфные изображения типа фигуры *32* на тагильском Писаном Камне [15] или фигуры *2*, *3* Ирбитского Писаного Камня [16] Ю. Б. Симченко находит параллель и стреловидному знаку, расположенному в правой стороне корелинской композиции, сопоставляя его с группой близких по начертанию тамг. Здесь особенный интерес представляет сочетание этого знака с луком в тамге одного из вогул Туринской волости, относящейся к 1646—1647 гг. [17] По аналогии с широко распространенным в угорских тамгах знаком «лук со стрелой» только что упомянутую тамгу можно рассматривать как изображение лука с однозубой гарпунной стрелой и привязанным к ней линем. Вне сочетания с луком подобную фигуру допустимо объяснять как гарпун. Такие одиночные изображения гарпуна, графически довольно близкие фигуре на Корелинской писанице, достаточно обычны среди вогульских тамг как Туринской, так и других волостей Верхотурского уезда — Мулгайской (Мугайской) [18], Даяцкой (Аятской) [19] и др.

Крайние левые знаки, изображенные Миллером в виде фигурных скобок, можно сопоставить с ломаными линиями в пятой группе изображений на горе Зенковской на Тагиле [20], с которой Корелинская писаница сближается и присутствием антропоморфных фигур и солярных знаков.

Конечно, все это лишь предположения, и в какой степени они соответствуют истине — мы сейчас сказать не можем. Это будут решать те, кому удастся в конце концов найти Корелинскую писаницу. Крайне существенным является лишь то, что благодаря сообщению Г. Ф. Миллера верховья р. Туры можно теперь уверенно включить в территорию распространения наскальных изображений Урала.

ИРБИТСКИЙ ПИСАНЫЙ КАМЕНЬ

Как уже говорилось в предыдущем выпуске, описание Ирбитской писаницы было первым сообщением об уральских наскальных изображениях, опубликованном в печати. Сообщение это связано с именем Николая Витзена и с его трудом «Северная и Восточная Тартария». Странная история этого во многих отношениях замечательного произведения привела к тому, что и теперь, по прошествии 250 лет, оно осталось практически мало кому известным и почти не использовано как источник. Не вдаваясь в подробности, касающиеся труда Витзена, приведу здесь лишь перечисление его основных изданий, поскольку это существенно для установления некоторых дат. Считается, что голландских изданий было три — в 1692 г.— однотомное, в 1705 г. [21] — также однотомное с расширенным и дополненным текстом, но без таблиц и указателя и в 1785 г.— двухтомное со всеми таблицами и указателями. На самом деле, это не совсем так. Второе издание было полностью подготовлено, и весь текст напечатан уже к 1705 г. книгоиздателем Франсуа Гальма в Амстердаме. К этому времени была готова и та часть гравюр, описание которых имеется в тексте. В числе их находится и изображение Ирбитского Писаного Камня, отнесенное к тексту на стр. 759 и носящее название «Сибирская Крестовая гора, иначе скала Писанец именуемая, находящаяся невдалеке от города Верхотурье» (см. рис. 3). Однако при жизни Витзена второе издание практически не вышло из стен издательства, да и первое, по всей видимости, не поступало в продажу, по крайней мере на Западе. Во всяком случае, 1 июня 1709 г. Г. Кюпер в своем письме к Ля Крозе пишет, что «... его Тартария не опубликована, но я имею ее почти целиком отпечатанной; этот достойный Магистрат мне ее подарил

[12] В. Павловский, 1907, стр. 95.
[13] В. Шишонко, 1882, стр. 429.
[14] Ю. Б. Симченко 1965, стр. 33.
[15] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XI.
[16] Табл. I наст. изд.
[17] Ю. Б. Симченко, 1965, табл. 9 (стр. 25), рис. 29.
[18] Там же, стр. 27, табл. 11, *2*, *3*.
[19] Там же, стр. 29, табл. 15, *3*.
[20] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XXIII, *1*.
[21] F. Adelung, 1846, S. 33.

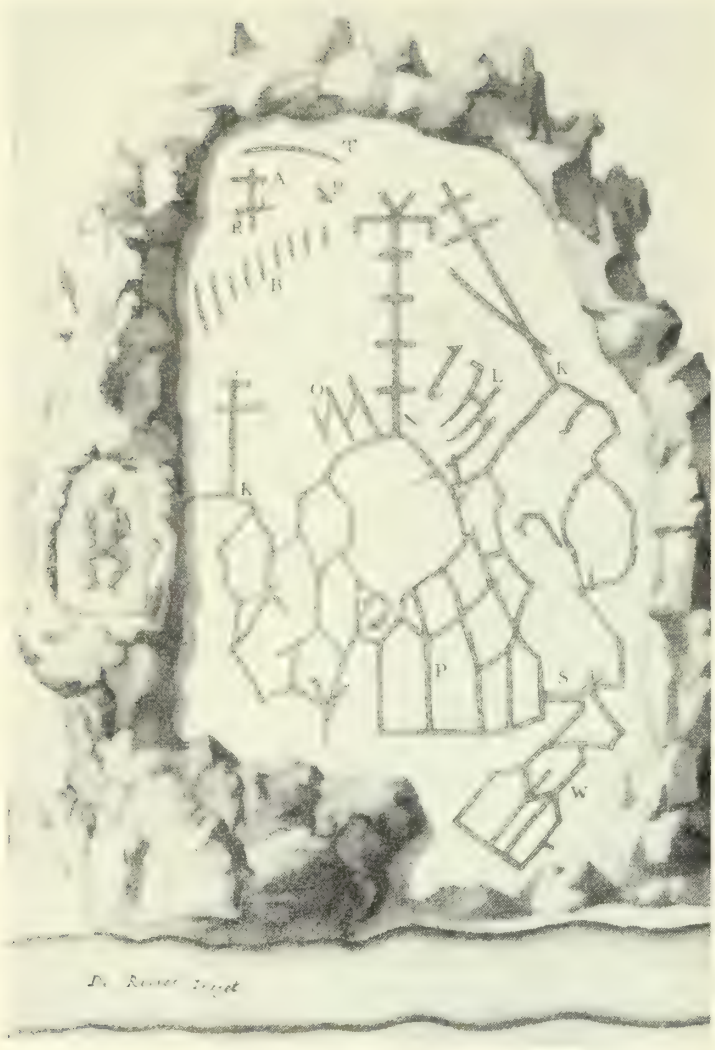


Рис. 3. «Сибирская Крестовая Гора, или скала Писанец, именуемая, на реке Ирейет» (Витзен, Изд. 2).

вот уже около двадцати лет под условием, что я не выпущу ее из моего дома»[22]. Но уже на следующий год, 7 октября 1710 г., тот же автор пишет аббату Бинье, что Витзен сообщил ему о скором выпуске в свет Тартарии, «у него готово уже все, кроме некоторых гравюр на меди и географических карт»[23]. К этому периоду относятся, видимо, всего несколько экземпляров, сверстанных в одном, реже двух томах[24], но без дополнительных таблиц и указателя. Все же надо думать, что еще при жизни Витзена книгу отпечатали в типографии Ф. Гальма и частично сброшюровали в двух томах со всеми основными и дополнительными таблицами и указателем. Однако это полное второе издание (точнее — второе тиснение Tweede Druck) было выпущено, по всей видимости, в очень ограниченном количестве. Во всяком случае, в литературе упоминаний о нем как будто нет и мне известен лишь один экземпляр[25]. В этом завершенном втором издании, кроме упомянутого уже рисунка ирбитской скалы находятся и четыре дополнительные таблицы, имеющие общий заголовок, помещенный у первого рисунка,— «In Siberen Gevondenen oude merk letteren». Эти таблицы (рис. 4, *1—4*) отнесены к стр. 758, а по указателю иллюстраций — к стр. 760, однако в тексте о них ничего не говорится.

После смерти Витзена работа над выпуском в свет Тартарии прекратилась. «Лишь 70 лет спустя амстердамский книготорговец Шалекамп,— пишет Аделунг-старший, ссылаясь на «Историю Открытий» Форстера,— приобрел от наследников Витзена еще сохранившиеся экземпляры второго неполного издания и собирался пустить его в открытую продажу»[26]. Действительно, снабженная предисловием П. Боддерта и новым титульным листом, на котором в качестве издателя числился уже не Франсуа Гальма, а М. Шалекамп в Амстердаме, Тартария в 1785 г. появилась в свет. Однако Аделунг ошибался, говоря, что Шалекампом было закуплено «неполное», т. е. незавершенное, второе издание. Ни набором, ни пагинацией, ни бумагой издание 1785 г. ничем (кроме предисловия) не отличается от полного двухтомного 1705 г. Надо сказать, что и на титуле нет никакого указания на третье издание, а лишь на новый выпуск второго (Tweede Druck, Nieuwe Uitgaaf).

Таким образом, никаких новых материалов в издании 1785 г. не содержится, и все они, а в част-

[22] G. Cuper, 1742, p. 25.

[23] Там же, стр. 250.

[24] О двухтомном варианте, хранившемся в Курфюрстской библиотеке в Берлине, пишет Иоган Аделунг (1806, стр. 660).

[25] Хранится в Исторической библиотеке в Москве. На форзаце первого тома печать: «ex Libris Православной Миссии в Харбине».

[26] J. Ch. Adelung, 1806, S. 661. О крайней редкости книги Витзена упоминают многие авторы. Г. Ф. Миллер пишет даже, что «во всем этом есть нечто, чему справедливо удивляться можно, а именно, что издание этой работы осталось в своего рода тайне, так что даже друзья Витзена, которые поддерживали с ним постоянную переписку, ничего об нем не узнали» (G. F. Müller, 1732, 218). Табберт-Страленберг, который недолюбливал Петра I, склонен был объяснять это деятельностью последнего, считая, что именно Петр задержал оба издания работы Витзена, так как многое в нем для него было неприемлемым (P. Strahlenberg, 1730, S. 3). Это предположение повторили некоторые авторы, однако Иоганн Аделунг определил его как «крайне неправдоподобное». По мнению Аделунга, дело было в самом Витзене, который предельно ревностно относился к своей работе, преследуя правильность и точность сообщаемых им сведений. Едва напечатав первый вариант, Витзен задержал его продажу и неутомимо принялся за новое и лучшее описание, напечатанное в 1705 г. Но и это он удерживал от распространения, желая довести его до надлежащей степени полноты (J. Ch. Adelung, 1806, 660). Малая правдоподобность предположения Страленберга подтверждается и тем, что Витзен, как известно, находился в очень хороших отношениях с Петром и уж, конечно, без содействия последнего не смог бы собрать столько ценнейших сведений о России. Говоря об усердии, с которым Витзен собирал материалы для своей книги, Кюпер отмечает, что он получил «карты из Японии и самой Тартарии; и царь (т. е. Петр I) ему позволил получить редкости, которые там находят. Он прислал мне эстами четырех золотых фигур»... [Кюпер к Ля Крозе от 15 октября 1710 г. (G. Cuper, 1752, p. 74)]. Со своей стороны допускаю, что Петр мог сыграть известную роль, но совершенно не в том смысле, как полагал Страленберг. Скорее можно думать, что экземпляры первого и второго изданий были почти полностью закуплены по распоряжению Петра и вывезены в Россию.

Рис. 4. Сводная таблица рисунков и конец с изображений на Ирбитском Писаном Камне

1—4 — вариант, опубликованный во втором издании Николая Витзена (1705 г.); *5—8* — вариант из IV «Раппорта» Мессершмидта (1720 г.); *9—12* — вариант, опубликованный Страленбергом (1730 г.)

ности и интересующие нас основная и дополнительные таблицы изображений Ирбитской писаницы, были известны Витзену при его жизни. Что касается первого рисунка, отнесенного к стр. 759 и принадлежащего к числу основных таблиц, то его, как говорилось, Витзен должен был получить уже за несколько лет до 1705 г., чтобы успеть подготовить не только текст, но и гравюру, помещенную в тексте. О второй группе изображений, размещенных на четырех дополнительных таблицах (здесь рис. 4, *1—4*), впервые встречаем упоминание лишь в письме Кюпера к Ля Крозе от 26 апреля 1711 г., когда он писал, что «г-н Витзен сделал меня обладателем Сибирских надписей, это буквы или, скорее, фигуры весьма необыкновенные... имеются четыре таблицы» [27]. Рисунки эти приведены у Кюпера. Как можно видеть, они почти не отличимы от опубликованных в Гартарии. Можно еще добавить, что изображение Ирбитской писаницы Кюпер называет «рисунок (peinture) на скале, на реке Irejet (Ирбить)», а фигуры на четырех таблицах — «Сибирскими Письменами (Inscriptions) или Знаками (Caracteris)» [28]. Существенно также добавить, что Кюпер, отправляя Ля Крозе экземпляры четырех таблиц, называет их оттисками, из чего можно сделать вывод, что уже к 1711 г. клише этих таблиц были готовы.

Суммируя имеющиеся данные, можно сделать вывод, что рисунок Ирбитского Камня (Крестовая Гора — у Витзена) находился у автора Тартарии, скорее всего, не позднее 1702—1703 гг., а рисунки «Письменных знаков жителей Сибири»,— соответственно не позднее 1707 или 1708 гг. Кем же были авторы оригиналов этих рисунков? Как уже говорилось (см. часть I), все они не могут быть связаны с Ремезовыми, которые срисовали Ирбитскую писаницу лишь в 1703 г. Сам Витзен пишет, что «эти изображения (Крестовая Гора.— *В. Ч.*) в их настоящую величину некий концелярист по имени Коим вычертил» [29]. Тут можно было бы снова не повторять, что «Коим», конечно, никакое не имя, а не что иное, как неправильно понятое русское местоимение. Но кто же и когда в действительности сделал рисунок Ирбитского Камня? До недавнего времени это оставалось неизвестным, пока автор книги «История открытий рудных месторождений в России» А. А. Кузмин не обнаружил одного документа, который он частично и опубликовал. Документ этот находится в делах Верхотурской приказной избы и относится к 1699 г. Привожу его здесь полностью:

«Лета 7207 году генваря 14 день. По указу Великого Государя и по приказу Стольников и воевод Кузьмы Петровича Козлова с товарищи память Верхотурские Приказные палаты подъячему Якову Лосеву стрельцу Петрушке Сапожникову стрельцу Петрушке Кантыреву ехати им с Верхотурья Верхотурского уезда в Храмаиевскую слободу. А приехав взяти им прикащика Ивана Албычева а буде иво в той Слободе неизъедут им взять старосту да беломесного (беломестного) казака и ехать из Арамашевскй слободы в деревню Писанец. А приехав и взяв тое деревни жителей крестьян старых людей и им велеть указать Гору, на которой каменях написаны слова и иные какие письма. А приехав к той горе тое гору осмотреть и описать сколь велика и высока и в котором месте на камени написаны слова или иные какие письма. И сколь высоко те письма на камени написаны от воды и сколько написано слов. Написать на чертеже тое гору и подписать слова слово в слово ничем не разно и вовсем бы сходно» [30].

Итак, неведомый канцелярист оказался подъячим Верхотурской приказной палаты Яковом Лосевым. К сожалению, до сих пор не удалось найти отписки, при которой должны были находиться и чертежи, им сделанные, или их копии. Возможно, что они не сохранились и погибли во время пожаров, имевших место вскоре как в Сибирском приказе в Москве, так и Верхотурской приказной избе, но, быть может, еще и обнаружатся в каком-либо архивном хранилище.

В связи с приведенным указом возникают вопросы, на которые мы пока не имеем ответа. «Указ Великого Государя» мог быть послан из Сибирского приказа лишь с ведома Петра I. Отсюда неизбежен вывод, что Петру или кому-то еще, стоявшему близко к нему и к делам Сибирского приказа, уже заранее было что-то известно об Ирбитском Писаном Камне. Невольно на мысль приходит имя Андрея Андреевича Виниуса, думного дьяка Сибирского приказа, служившего там с 1695 по 1703 г. Широко образованный человек, А. Виниус был хорошо знаком с Н. Витзеном и, по словам А. Н. Андреева [31], во многом содействовал последнему в получении материалов по Сибири. Что касается Петра, то и он, по всей видимости, не отказывал в содействии Витзену, который после знакомства с русским царем в 1697 г. сделался, по словам посланника А. А. Матвеева «нашим истинным и верным служителем во всем» [32]. Однако все это лишь объясняет причину посылки указа в Верхотурье и скорость, с какой полученный материал был доставлен Витзену, но не то, от кого и когда поступили первые сведения о скале Писанец на р. Ирбить.

На гравюре, опубликованной Витзеном (рис. 3) и сделанной, как теперь следует думать, по рисунку Якова Лосева, Писанный Камень изображен в виде высокой, очень картинной скалы, средняя часть которой представлена нарочито гладкой, чтобы разместить на ней (без соблюдения масштаба) фигуры самой писаницы. Еще одна фигура, сделанная в совершенно иной манере и изображающая человека, помещена отдельно и левее прочих. Перед скалой показана река с надписью на ней «De River Irejet». Слева и как бы в отдалении виднеется церковь с цифрой 1 возле нее. Надпись сверху: «Сибирская Крестовая гора, иначе скала, Писанец именуемая, расположенная недалеко от города Верхотурье». Под рисунком снизу имеется легенда: «1. Это деревня

[27] G. Cuper, 1742, p. 93.
[28] Там же стр. 101, 103.
[29] N. Witsen, 1705, p. 759.

[30] ЦГАДА, ф. 1111, оп. 1, ч. 2 (Верхотурская приказная изба), д. 54/4, л. 148.
[31] А. Н. Андреев, 1940, стр. 37.
[32] С. Соловьев III, стр. 1314.

Писанец. 2. Это скала шириной 7 фатомов [33]: вся ее высота 18 фатомов, перед ее гладкий и, как печь, отвесный: высота над водой $1^1/_2$ фатома». Кроме того, на стр. 759 имеется дополнительное описание, которое привожу в переводе Герарда Миллера: «В Сибири, недалеко от города Верхотурье, на одном утесе найдено несколько изображений, которые принимаются за неизвестный нам род письма или за клейма, означающие определенные вещи. О возрасте их самые старые жители этого места утверждают, что эти изображения существовали еще до прихода русских в этот край, т. е. более ста лет назад. Когда же именно и кем они сделаны, никому не известно. Цвет их, как сообщают, буро-желтый; они имеют семь пядей вышины, шесть в ширину, находятся на горе на гладком камне, который возвышается над рекой на $1^1/_2$ сажени. Здесь в былое время вогулы и другие народы, жившие по соседству, имели обыкновение приносить жертвы богам. Вся скала имеет в ширину 7 саженей, в высоту 18. Река, протекающая рядом, Ирбит, ближайшая деревня — Писанец, равным образом и скала носит то же название. Эти изображения в их настоящую величину некий канцелярист по имени Коим вычертил помощью сорванной с дерева ветки за отсутствием иных необходимых для росписи предметов, пользуясь какой-то темноватой краской, которая в этих местах выкапывается из земли» [34]. Это описание и размеры, за исключением несколько преувеличенной общей высоты скалы, довольно близко соответствуют истине, но остается неясным, откуда Витзен почерпнул эти сведения. Заключались ли они в отписке, поданной Яковом Лосевым, или относятся к неизвестному нам более раннему сообщению — сказать ничего нельзя.

Надо отметить, что Герард Миллер весьма скептически отнесся к изображению Ирбитской писаницы, бывшему у Витзена, хотя и не видел его, так как пользовался экземпляром Тартарии без гравюр и считал, что никакой точности от него ожидать нельзя. «Витзен... упомянул канцеляриста,— писал по этому поводу Миллер,— который, без сомнения, принадлежал к низшему разряду писцов... Коль скоро это был писец, то, насколько нравы людей этого рода нам известны, не будем ожидать тщательности и искусства в сделанной им зарисовке; она не могла быть выполнена «помощью сорванной с дерева ветки»; отсюда я заключаю, что по небрежности и невежеству или по отсутствию нужных для рисования принадлежностей было сделано притом много ошибок...» [35]

Теперь, имея данные для сравнения, мы можем сказать, что Миллер был неправ, подозревая неведомого ему «канцеляриста» в небрежности и невежестве. Следует отметить, что рисунок Лосева сделан с исключительной для того времени точностью и вниманием. Сопоставляя его с рисунками, сделанными другими лицами, легко можно убедиться, что он гораздо непосредственнее рисунков Ремезовых, в некоторых частях полнее зарисовок Булычева и Люрсениуса и ближе всего стоит к рисункам, сделанным В. Я. Толмачевым в 1914 г. В связи с этим несколько иначе звучит и последняя фраза Витзена относительно ветки и темноватой краски, так возмутившие нашего знаменитого историка Сибири. Надо думать, что гусиное перо и чернила, которыми располагал Яков Лосев, показались ему малопригодными для передачи широких линий писаницы да еще «в настоящую величину», как сообщает Витзен. Стараясь, видимо, точно выполнить порученную ему работу, Лосев, скорее всего, использовал местную охру, которой сделана и сама писаница. Какой он применил инструмент — можно только гадать. Не исключено, что им была и соответствующей ширины надколотая щепка, которые и теперь, случается, применяют вместо широкого плакатного пера.

Четыре года спустя после поездки Якова Лосева к Писаному Камню, в апреле 1703 г., боярский сын Семен Ремезов с сыном своим Леонтием отправились по указу великого государя из Тобольска на Верхотурье и в Кунгур для составления Чертежа Земли Города Кунгура. Тогда же попутно они составили план Кунгурской пещеры и посетили Писаный Камень на р. Ирбить, с изображений которого сделали зарисовки. Все свои материалы Ремезовы заносили в Служебную Чертежную книгу. В этой книге на обороте 68 листа заканчиваются материалы, касающиеся Кунгурского уезда, а последующие два листа (69 и 70) с оборотами отведены под рисунки наскальных изображений. Такое расположение материала, а также и то, что относятся они к одному и тому же году, очевидно, и ввело в заблуждение А. Андреева, который написал, что «тавра» были сняты ими в Кунгурской пещере. Мнение А. Андреева было повторено А. Окладниковым и частично мной[36]. Однако собственные данные Ремезовых, записанные ими в Служебной книге, не оставляют в этом отношении никакого сомнения. Обратимся в таком случае непосредственно к первоисточнику. Зарисовки Ремезовых занимают, как указывалось, четыре страницы, перемеченные ими порядковыми номерами. Вверху каждой страницы в рамке помещены легенды, относящиеся к каждой из четырех групп зарисованных ими изображений. Над первым листом (рис. 5, *1*) имеется заголовок:

«Лист 52: Тавры Снятые Скаменей.

Лета 7211 году, а от рождества Христова 1703 году, месяца июня в 19 день списано сие древних лет чюдское письмо скамени писанца посланным на Кунгур для отписки чертежа блискость рек с верхотурским уездом по имянному Великого Государя указу тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым и сыном ево Леонтием с восточную сторону с плиты гладкой подмостясь над рекой Ирбитью не знатем (знатьем) носиемом (но съемом) слов скамени набумагу каковы писаны на местах гладких камени».

На листе 2 (рис. 5, *2*):

«Здругова камени сие списано сплиты меж щелей под вислым каменем известном (известковым) стоящим на полдень. Анаверху камени того чюдское городище здвемя окопи было жилье. Ввелико крепости недознаемым людей у жителей».

[33] Фатом — шестифутовая сажень.
[34] Г. Ф. Миллер, 1937, стр. 526.
[35] Там же, стр. 529.
[36] А. Н. Андреев, 1940, стр. 79; В. Н. Чернецов, 1964, стр 9.

На листе 3 (рис. 5, *3*):

«Сие списано чюдское неведомое письмо с трети глади каменной выше наберегу. На полдень Писаного Накамени сером извесном Анаписаные слова все составом что червленю длиною повершку ипотри а иные и пополу аршина. Ипоаршину слишком».

На листе 4 (рис. 5, *4*):

«Счетвертого меж щелей глаткого слоя сия страница. Списана имущая наберегу видение к западу. Писано чюдски отземли высоко сажени в две и втри А всего камени вышиною сажен впять и в 6 стоит поирбите реке (по Ирбите) реке ниже деревни Писанца сверсту на той же стороне» [37].

Таким образом, Ремезовы отмечают четыре группы изображений, которые они локализуют в разных частях Писаного Камня. В настоящее время удается обнаружить только три. Четвертая западная группа, видимо, исчезла вместе с взорванным куском скалы. Поражает и количество зарисованных отдельных изображений, хотя отчасти оно может быть отнесено за счет специфичной манеры их письма. В отличие от выполненных Лосевым рисунки Ремезовых предельно стилизованы. Хотя они и пишут, что исполняли их «не знатьем, но съемом», т. е. не на взгляд, а копированием, рисунки их далеки от объективности, изобилуют барочными завитками, а в некоторых случаях и симметризованы. Лишь немногие из них удается с уверенностью увязать с оригиналами. По всей видимости, эта работа не совпадала с кругом обычной деятельности Семена Ульяновича и Леонтия Ремезовых — архитекторов, картографов и художников.

Невольно возникает вопрос, почему Ирбитская писаница вообще оказалась в кругу их интересов и, мало того, была занесена в Служебную книгу. Несколько странно и то, что в то время, когда Ремезовы были заняты составлением Чертежа Земли Города Кунгура — делом большого государственного значения, они отвлекаются на копирование Ирбитской писаницы. Скорее всего, и это дело было им одновременно поручено из Москвы. На такую мысль наталкивает наказ «из Сибирского приказу думнаго дьяка Андрея Андреевича Виньюса», который упоминается в преамбуле к чертежу [38]. Кроме того, осенью предыдущего, 1702 г., и сам Виниус был в Тобольске, где, без сомнения, мог видеться с Семеном Ремезовым. Надо думать, что и поручение срисовать писаницы, данное Ремезову в 1703 г., так же как и четыре года назад Якову Лосеву, было сделано по просьбе Н. Витзена, поддерживать добрые отношения с которым было так важно в те годы [39]. Выполнив рисунки Писаного Камня, С. Ремезов нанес его и на кунгурский чертеж. Хотя на последнем р. Ирбити и нет, у самой восточной рамки чертежа находим: «к[амень] писанец и пещеры» [40]. Отсюда следует, что Ремезов знал о существовании пещер в Писаном Камне, хотя почему-то и не отмечает их в легенде.

Копии рисунков С. Ремезова, очевидно, в скором времени были отправлены Н. Витзену, так как уже в 1711 г. он посылает оттиски с них Г. Кюперу, в то время как оригиналы оставались в Тобольске у Ремезовых. С 1711 по 1721 г. в Тобольске находился Страленберг, тогда еще Табберт, участвовавший затем в путешествии Д. Мессершмидта. Табберт хорошо был знаком со Служебной чертежной книгой, из которой он почерпнул много материалов для своей работы. Скопировал он и наскальные изображения. Опубликованные им копии, несомненно, происходят от ремезовских рисунков, но вместе с тем и не вполне идентичны им [41] (рис. 4, *9—12*). Различия заключаются в том, что рисунки Страленберга имеют неровные контуры. Они не «зализаны», как ремезовские, и производят более живое впечатление. Имеется и существенная деталь — одна из антропоморфных фигур на табл. IV Страленберга изображена с признаком пола, отсутствующим у соответствующей фигуры на таблицах как Ремезова, так и Витзена и Мессершмидта. Создается впечатление, что Табберт копировал не из Служебной книги, а пользовался каким-то другим источником, скорее всего черновыми или, вернее сказать, полевыми зарисовками Ремезова. Последний, перенося рисунки в Служебную книгу, а тем более подготавливая чертежи для отписки в Сибирский приказ, очевидно, их несколько пригладил и сделал более благопристойными, чем окончательно лишил их документальности. Полагаю поэтому, что из всех вариантов ремезовских копий наилучшим является именно опубликованный Страленбергом. Совершенно очевидно, что на месте сам он рисунков не делал (повторить специфику произведений Ремезова невозможно), но у Ирбитской скалы Страленберг был и в его описании есть несколько интересных мест: «Скала же, на которой начертаны эти письмена, вышиной приблизительно в 18 локтей и выдается тремя сторонами к реке. На табл. XIII представлена восточная, на табл. XIV и XV — южная, а на табл. XVI — западная сторона. Некоторые фигуры вышиною в $^1/_4$ локтя, другие поменьше; все они начертаны красною краскою, как уже указано было выше в главе «о письменных знаках». По одну сторону скалы находятся могильные бугры (tumuli sepulchrales), над которыми скала или отломана, или вырублена, или самой природой так устроена, что могилы имеют над собою как будто крышу. Одним словом, это такая прекрасная древность, какую трудно найти в другом месте, и если бы мне в то время, когда я был там, было понятнее ее значение, то я непременно составил бы более точное описание ее: Но... в то время я... так был занят географическими исследованиями, что всего этого не осматривал с должным вниманием» [42].

В выделении групп изображений, Страленберг, видимо, следует Ремезову, но последний ни о какой восточной группе не говорит, да ее и на самом деле нет. Все три первые группы расположены в той

[37] С. Ремезов. Служебная книга, лл. 69, 69 об., 70, 70 об.

[38] Там же, л. 67.

[39] Русский посланник в Голландии Матвеев продолжает в своем письме к Петру: «Надежнее его (т. е. Витзена) из голландских персон к стороне вашей здесь нет. Будучи президентом Штатов в три самые опасные для нас месяца, удержал от посылки помощи и денег шведу» (С. Соловьев, т. XV, стр. 1314).

[40] Служебная чертежная книга, л. 67 об.

[41] P. Strahlenberg, 1730.

[42] P. Strahlenberg, 1730, стр. 336—340 (цит. по: Радлов, 1891, стр. 30).

Рис. 5. Сводная таблица рисунков и копий с изображений на Ирбитском Писаном Камне

1—4 — из Служебной Чертежной Книги Ремезовых (1703 г., Эрмитажное собрание в рукописном фонде Государственной Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)

части скалы, которая обращена на юг. Очень интересно замечание о могилах под «крышей», но к этому вопросу мы вернемся несколько позже того, как будут рассмотрены данные и комментарии Г. Миллера.

Еще одна копия с рисунков Ремезова была сделана Даниелем Мессершмидтом или, скорее, по его поручению в 1720 г. Д. Мессершмидт тогда находился в Тобольске, куда приехал в декабре 1719 г. и пробыл до мая [43]. К этому периоду, очевидно, и относится время изготовлений копий, так как они отправлены в Петербург с первым из четырех его тобольских рапортов. В настоящее время они хранятся в Архиве АН СССР в Ленинграде [44]. Эти рисунки выполнены очень тщательно на четырех листах бумаги твердой рукой, несомненно, опытного рисовальщика. В верхнем левом углу каждого листа поставлена дата: A°1720, в нижнем углу той же стороны — IV-й рапорт, а справа внизу помечено карандашом и тоже по-немецки: «также у Страленберга, как табл. XIII» (стр. 364). На других листах — табл. XIV, XV, XVI, на других соответственно — стр. 365, 366, 367. Эти пометки сделаны, конечно, значительно позже (после 1730 г.). Копии Мессершмидта (рис. *4*, *5—8*) почти не отличаются от рисунков Служебной книги. Они сохраняют тот же стиль и очертания фигур, но расположение их несколько иное, а на листе рапорта Мессершмидта, соответствующем XIV таблице Страленберга, отсутствует одна из тех фигур, которые на листах 2 и 3 у Ремезова, видимо, являются дополнительными. Они сделаны очень небрежно и в отличие от остальных пером, а не кистью. Следует отметить, что эти дополнительные фигуры отсутствуют в копии Витзена и у Страленберга.

В рапорте Мессершмидта рисункам предшествует титульный лист, в верхней части которого имеется заголовок: «Specimen Philologicum Orientis Hiperborei» (далее по-немецки), «или копии некоторых неизвестных иероглифических знаков, которые сами находятся в одной скалистой пещере, недалеко от Фетковских железных рудников, однако далее от того места к башкирской границе, написанные почти не исчезающей красной краской».

Эти сведения, несомненно, почерпнуты также из Служебной книги, в которой, как уже упоминалось, на восточном листе чертежа Земли Города Кунгура, между р. Реж и восточной рамкой плана изображена гора с подписью «к[амень] писанец и пещеры». Несколько западнее, на р. Нейве, приблизительно на месте Невьянского завода, у Ремезова стоит «Завод Фетковский и несколько выше р. Феткова». Некоторая неясность подписи на Кунгурском чертеже, очевидно, и обусловила появление у Мессершмидта указания на «иероглифические знаки... в пещере».

Следующим после Страленберга Писаный Камень посетил Герард Миллер в 1741 г. [45], который впоследствии, примерно в 1748 г., написал статью «О сибирских писаных камнях». К этому времени вышли не только книга Страленберга, но и «Письма» Кюпера. Критические замечания Миллера на «Письма» в отношении Ирбитского камня представляют определенный интерес.

«Когда я находился около Ирбита,— пишет Миллер,— мне показалось стоящим делом съездить к писаной скале для того, чтобы выяснить истинное состояние ее и чтобы дать рисунок ее, исполненный более исправно и искусно, чем прежние. Имя этой скалы Писанец Камень, что иначе означает, как я указывал раньше, Писаный. Она находится на левом или западном берегу Ирбит, выступая к реке с несколькими более выдающимися частями и возвышаясь над поверхностью воды вопреки сообщению Страленберга не более шести саженей. Я не наблюдал, чтобы скала выступала в реку тремя сторонами. Она выступает, конечно, но только в виде некоторой округлости, около которой река делает поворот. Изображения на беловатой известковой скале писаны... красной краской неумело, грубо и беспорядочно, как обыкновенно делается самыми неискусными рисовальщиками. Можно даже сказать, что они сделаны пальцем, потому что почти равняются ему по толщине. Многие стерлись благодаря действию воздуха. Оставшиеся представлены на таблице верно (рис. 6, 7) [46]. Я не колеблюсь сравнить их с рисунками детей или произведениями праздных людей, неопытных в искусстве письма и живописи, когда они делают на бумаге или пишут на песке разные беспорядочные изображения... Здесь изображения людей, там — животных, ничем органически не связанные...

Я хочу добавить кое-что в связи с описанием Ирбитской скалы. Упоминаемых Страленбергом могильных холмов я не нашел ни одного и не могу понять, что послужило поводом к сложению басни о них. В том же, что мы читаем у него о пещере, сделанной людьми или природой, где курганы якобы укрываются под кровлей, имеется какая-то путаница в рассказе: пещеры, расположенные с северной стороны скалы, приблизительно на половине высоты скалы, довольно несообразно соединяются с фиктивными курганами. Кто и когда наблюдал могильные курганы в пещере? И кто ответет для них место там, когда размеры входа в пещеру не превышают полфатома? В горах, состоящих из известкового камня и алебастра, находятся многочисленные пещеры. Такую же природа устроила здесь; она внутри бóльших размеров, чем это представляется извне. Чтобы основательнее ее исследовать, я велел войти в нее мальчику из соседней деревни, который вполз туда не без затруднения; внутри же он стал прямо и, щупая пальцами, не заметил ничего, что казалось бы достойным примечания. Страленбег не отметил, что на вершине горы заметны следы земляного вала, опоясанного рвом полукруглой формы, края которого касаются крутого бока горы, противостоящего реке. Отсюда очевидно, что место это служило прежним обитателям для обеспечения безопасности против вражеских набегов».

---

[43] G. Messerschmidt, 1962.

[44] G. Messerschmidt, IV^ter Rapport.

[45] Г. Ф. Миллер, 1937, стр. 539, прим. 5. А. Н. Андреев указывает эту дату на основании: ААН, ф. 21, оп. 5, № 28, лл. 31—32.

[46] И. В. Люрсениус, л. 7.

Рис. 6. «Камень Писаный на реке Ирбить»
Рисунок И. Люрсеннуса, начало XVIII в.; портфели Миллера, ЦГАДА

Миллер отмечает также, что рисунки, опубликованные Страленбергом и Кюпером, по всей видимости, и есть те, о которых писал Витзен, но «они почти ничего общего не имеют с Ирбитской скалой, как она выглядит в наше время» [47].

Из приведенного выше текста следует, что Миллер указывает существование здесь нескольких пещер, хотя и описывает лишь одну. Как увидим далее, вопрос о количестве пещер, существовавших на Писаном Камне, и теперь остается неясным. Словам Страленберга о «могильных холмах», якобы находившихся в пещере, едва ли следует придавать особое значение. Скорее всего, он по прошествии ряда лет смешал воедино следы городища на скале и пещеру, у которой тогда еще могли сохраняться кости жертвенных животных.

После Г. Миллера Писаный Камень надолго выпал из круга интересов исследователей. Лишь более чем через сто лет его посетил член Уральского общества любителей естествознания Н. П. Булычев, который затем опубликовал свои наблюдения и зарисовку основной группы изображений в записках общества. Сведения Н. Булычева представляют значительный интерес. Писаный Камень, пишет он, «находится на конце села Писанца, на левом берегу реки Ирбити, возвышаясь над нею около 6 сажен; на стороне, обращенной к реке, на пространстве около 2 кв. сажен, виднеются различные фигуры, начертанные красно-бурой краской; из них бо́льшая часть очень явственна, а некоторые уже стерты временем и кажутся неясными красноватыми пятнами. У подошвы утеса, с левой стороны его, виднеется отверстие, в которое с трудом может войти человек среднего роста. Отверстие не горизонтально, а направлено вниз. Длина пещеры до 5 сажен. ...в 1853 г. некоторые из местных обывателей, основываясь на предании, что под камнем скрыт клад, и заметив в скале отверстие, заваленное землею, приступили к выноске ее; работали до тех пор, пока не дорылись до слоя глины, перемешанной с углем, и в нем же нашли два медных наконечника, по-видимому, копья и стрелы. После этой находки дальнейшая разработка пещеры прекращена, хотя, как говорят, до конца пещеры еще не дойдено. Найденные вещи, как мне передали ныне, находятся в руках наследников Мироновского священника Вениамина Хлебина ...возле утеса при рытье ямы для овина было найдено каменное орудие в виде песта» [48].

[47] Г. Ф. Миллер, 1937, стр. 528.

[48] Н. П. Булычев, 1876, стр. 120, табл. III.

Рис. 7. Изображения на Писаном Камне по зарисовке И. Люрсениуса

В заметке Н. Булычева особенное значение имеет сообщение о пещере. Он указывает положение ее «у подошвы утеса с левой стороны». В настоящее время в этом месте имеются лишь довольно круто нависающая скала и некоторое углубление, как бы уходящее под нее, заполненное щебенкой и землей. Сама пещера уже не существует, так как этот угол скалы был взорван в конце прошлого или в начале нашего столетия все с той же целью, т. е. поисков кладов, заключенных в скале. Следы шпуров, которые были высверлены для закладки взрывчатки, хорошо различимы на краю камня. Если, как пишет Н. Булычев, пещера действительно простиралась более чем на 10 м, то, судя по конфигурации этой стороны скалы, глубинная часть ее должна была сохраниться после взрыва, но раскопки ее представят, вероятно, немалые трудности. Судя по всему, Миллер писал не об этой, а о другой пещере, которая находится с противоположной стороны камня. О ней скажем несколько ниже.

Рисунок, сделанный Н. Булычевым, очень схематичен, но довольно верно отражает основные фигуры (рис. 8, *2*).

В. Я. Толмачев ознакомился с Писаным Камнем в 1914 г., когда он собирал сведения об уральских наскальных изображениях по поручению Археологической комиссии. Кроме краткого отчета о его работах, опубликованного в ОАК за 1914 г.[49], сохранились фотографии и зарисовки, в том числе и с Ирбитского Камня. Здесь В. Я. Толмачев зарисовал две группы — самую большую (первая по нумерации Ремезова и нашей) и расположенную влево от нее, которая у Ремезова и у нас числится как вторая. В целом Толмачев очень верно схватил изображения, хотя и упростил их несколько, что неизбежно при визуальной зарисовке (рис. 9). Существенно отметить, что копии изображений 1-й группы, сделанные Лосевым (Витзен, Крестовая Гора), Люрсениусом, Булычевым, Толмачевым и нами, в основных чертах сходны между собой (рис. 8, *1—4*). Из этого сравнения можно сделать один очень важный вывод, касающийся сохраняемости наскольных изображений. В данном отношении Ирбитский Камень особенно интересен, так как между посещением его Лосевым и нами прошел 261 год — срок уже достаточно ощутимый. В результате можно сказать, что как в отношении общей сохранности, так и в количестве фигур существенных изменений до начала XX в. не произошло. Как краска, так и поверхность известняка оказались достаточно стойкими против атмосферных воздействий. Несколько больше разрушений, в частности в центральной и правой ниж-

[49] В. Я. Толмачев, 1918, стр. 175.

Рис. 8. Ирбитский Писаный Камень. Сводная таблица зарисовок и копий

1 — на основе рисунка подъячего Верхотурской Приказной избы Якова Лосева (1699 г.); *2* — рисунок Н. Булычева (1873 г.); *3* — рисунок В. Толмачева (1914 г.); *4* — первая группа писаницы по копии 1960 г.

Рис. 9. Вторая группа изображений Ирбитского Писаного Камня в зарисовке В. Я. Толмачева (архив ИА)

ней частях первой группы, произошло за последние 45 лет, но причиной в данном случае оказался фактор не природный, а антропогенный, так как на Ирбитской скале, да и некоторых других можно легко различить следы пуль — результат развлечений местных охотников. Кроме того, западная часть скалы была взорвана кладоискателями.

Наши работы на Писаном Камне относятся к 1960 г. Предварительно в 1958 г. место будущих работ было обследовано сотрудником экспедиции П. Кожиным, который установил степень сохранности писаницы и расположение изображений.

Как и сообщают почти все авторы, Писаный Камень находится на левом берегу р. Ирбить (рис. 10, *2*) недалеко от с. Писанец, причем Миллер указывает, что оно расположено в одной версте ниже скалы. Последнее неверно. Село Писанское, как оно теперь именуется, находится действительно на расстоянии немногим больше километра, но выше камня, а непосредственно около него расположена небольшая деревня Одина. Хотя на рисунке И. Люрсениуса по берегу у Писаного Камня и показан лес, нет основания полагать, что Одина возникла лишь в последнее время. Скорее можно допустить обратное и думать, что она существовала и ранее, до возникновения русского с. Писанец. Селений с таким названием, как правило, очень небольших, в этом районе довольно много. Два из них находятся на р. Тагиле, два на Нице, два на Реже и одно на Синячихе. Но не только это позволяет их связывать с местным вогульским (мансийским) населением: на Реже они расположены вперемежку с селениями, носящими названия: деревни Вогульская, Большая Вогульская и Малая Вогульская, а на Синячихе деревня Одина именуется также и Ясашная [50], из чего следует, что население ее платило ясак, т. е. было нерусским. К этому можно еще добавить, что «ясашные» и «пашенные» остяки и вогуличи упоминаются по Туре и у «Тагильского устья» и по реке Нице в наказах Голове Епанчинского (Туринского) острога Федору Якову [51]. В связи с этим интересно отметить, что жители Одиной относятся к Писаному Камню не безразлично. С одной стороны, у них чувствуется некоторый страх к этому месту, смешанный с известной долей почтения, а с другой — площадка на вершине скалы и по сей день является излюбленным местом гулянок и увеселений. Некоторые жители Одиной даже пытались препятствовать нам в проведении работ.

Ирбитский Писаный Камень представляет собой скалистый мыс, сложенный из светлого известняка, высотой около 30 м. Поверхность мыса, за исключением его оконечности, лишенной почвенного слоя, вся изрыта ямами, основную массу которых, вероятно, следует отнести за счет деятельности кладоискателей. В настоящее время никаких строений на камне нет, но, судя по фотографии Толмачева, относящейся к 1914 г., там была какая-то постройка хозяйственного типа, возможно, тот самый овин, при строительстве которого, по сообщению Н. Булычева, нашли каменный пест.

В юго-восточной части скалы, в полгоры от уровня реки, находится небольшая пещера, возможно, та, о которой упомянул Г. Миллер и изобразил на своем рисунке И. Люрсениус (рис. 6). Пещера имеет узкий вход, за которым следует небольшое расширение, заканчивающееся щелью, идущей круто вверх. Пещера заполнена грунтом, и не исключено, что пол ее расположен значительно ниже и что на этом уровне площадь ее больше. Несомненно, детальное обследование этой пещеры может дать интересный материал. Никаких следов рвов на поверхности мыса, о которых писал Миллер, в настоящее время различить невозможно, тем более что вся она нарушена позднейшими перекопами. Было бы, конечно, очень важно провести раскопки на Писаном Камне, но, учитывая вероятную нарушенность слоя, надо вскрывать всю поверхность мыса. К сожалению, мы имели в своем распоряжении очень мало времени и еще меньше средств, в силу чего не смогли произвести раскопок ни на мысе, ни в пещере.

Своей отвесной стороной Писаный Камень обращен на юг и к реке. Здесь на отдельных плоских камнях находятся три группы изображений, четвертая, отмеченная в ранних зарисовках, как уже говорилось, не сохранилась, так как была расположена на взорванной части скалы. При работе на Писаном Камне нами была применена люлька, которую

[50] И. Я. Кривощеков, 1910, стр. 623; 10-верстная карта Ген. штаба, 1891, л. 137.

[51] Г. Ф. Миллер, 1750, стр. 361 и сл.

Рис. 10. Ирбитский Писаный Камень

1 — общий вид со стороны реки (фото В. Толмачева. Архив ИА); *2* — общий вид с западной стороны

Рис. 11. Ирбитский Писаный Камень. Работа по осмотру и копировке изображений

подвешивали с помощью капроновой веревки. Последнюю крепили на вершине скалы вокруг выступающих камней, фиксируя ее с помощью скальных крючьев. Копировку производили, как обычно, на бумажную кальку, промазывая ее скипидаром для большей прозрачности.

Первая группа изображений Писаного Камня находится на высоте трех метров и состоит из довольно большого количества тесно расположенных и частично налегающих друг на друга фигур (табл. I). Из них больше всего бросаются в глаза две условно антропоморфные, близкие к фигурам Писаного Камня на Тагиле и 1-й Бородинской скалы (табл. I, *2, 3*). Остатки аналогичных изображений можно рассмотреть и в левой части этой группы. В левом верхнем углу — слабо различимая композиция, по всей видимости, типа небосвод и олень. Частично она сливается с ниже расположенными изображениями. В центральной части можно разобрать довольно крупные сотовидные фигуры, налегающие на остатки более древних изображений. Из последних различимы два или более птицевидных изображения в сочетании с Z- и Г-образными, напоминающими «бумеранги» из композиции на Змиевом камне на Тагиле, частично перекрытые правой антропоморфной фигурой. Ниже ее как будто можно различить остатки изображения оленя. Вторая группа расположена левее первой и приблизительно на той же высоте (табл. II). Ей, вероятно, соответствуют второй лист рисунков Ремезова, второй лист рапорта Мессершмидта и XV таблица Страленберга, но в то же время следует помнить, что в этих зарисовках имеется много искажений.

Сохранность данной группы оставляет желать лучшего. Совершенно отчетливо различима лишь одна антропоморфная фигура, и, возможно, вторая, расположенная под ней. Левое верхнее изображение сохранилось не полностью, и с уверенностью трактовать его трудно. Некоторую аналогию для него можно, пожалуй, указать в фигурах 2-й Бородинской скалы (см. ниже), частично приведенных в первом выпуске, где они расшифровывались как ловушки. Возможно, что подобное же значение следует приписать и двум нижним фигурам, из которых одна достаточно отчетлива, а другая сильно смыта, как и упомянутое уже антропоморфное изображение. В целом композиция несколько напоминает вторую группу писаницы на р. Серга (см. ниже), но, возможно, здесь имеются два разновременных слоя, причем на месте старой композиции была нанесена совершенно идентичная новая.

Третья группа находится над второй, на высоте четырех метров, на гладкой светлой плите. Этой группе, очевидно, соответствует третий лист С. Ремезова, в экспликации к которому сказано: «...с третие глади каменной выше наберегу». Если это так, то следует признать, что данная группа пострадала с тех пор больше всего, так как количество фигур, зарисованных Ремезовым, значительно больше, чем можно различить теперь. Но даже и сохранившаяся часть дает хорошее представление о композиции, достаточно типичной для уральских писаниц. В верхней части этой группы расположены два (или три) солярных знака, а ниже их — очень обобщенная фигура какого-то копытного.

Трудно сказать, что представляли собой остальные фигуры в зарисовках Ремезова, тем более что его листы, видимо, все же не вполне точно совпадают с существующими группами. С достаточной уверенностью можно лишь связать правую среднюю фигуру на его втором листе и левую среднюю на третьем с № 9 и 10 второй группы нашей копии.

О четвертой группе изображений мы можем судить лишь по рисунку Ремезова, отчасти по Якову Лосеву и очень мелкой зарисовке И. Люрсениуса. По всей видимости, основную часть ее составляли антропоморфные и антропоморфизированные фигуры, не исключая и того, что некоторые из них были представлены действительно в танцевальных позах, как это изображено у Ремезова.

Описание изображений Писаного Камня можно закончить упоминанием одной одиночной фигуры, расположенной справа от первой группы и несколько ниже ее (табл. I, рис. 1). Эта фигура имеет вид гребенки с отростками, направленными как вверх, так и вниз. Подобные ей изображения довольно

обычны среди наскальных изображений Урала, причем некоторые из них довольно уверенно могут объясняться как ловчие загороди. Подробнее о них скажем несколько ниже.

ПИСАНИЦЫ РЕКИ НЕЙВЫ

По Нейве наскальные изображения известны лишь в небольшой части ее течения, выше города Алапаевска. Ближайшим пунктом является скала Писанец, расположенная в одном километре выше д. Алапаихи, в самой верхней части заводского пруда, на правом берегу Нейвы. Как будто первым о ней сообщает И. Кривощеков, ссылаясь на рукопись Екатеринбургской духовной консистории, хранившейся в УОЛЕ.

«Писанец,— пишет Кривощеков,— в одной версте от д. Алапаихи, береговая скала высотою до 6 сажень, здесь были прежде какие-то изображения, но с разрушением горной породы от действия дождей, морозов и пр. постепенно уничтожились. Теперь только название «Писанец» удостоверяет нахождение бывших здесь идеографических знаков» [52]. В 1914 г. алапаевский Писаный Камень посетил В. Я. Толмачев, который подтвердил отсутствие там наскальных изображений, но в то же время сообщил о пещере, находящейся в этой скале. Толмачев произвел там небольшие разведки и обнаружил в ней зубы и кости медведя, оленя и других животных [53]. Согласно рукописи Н. Прокошева, коллекция, собранная Толмачевым «из завалившейся пещеры близ г. Алапаевска», хранилась в «северо-восточной секции Отдела истории культуры доклассового общества Гос. Эрмитажа» [54].

В 1931 г. по Нейве производил археологические работы А. И. Тереножкин, заведовавший в те годы районным музеем в Алапаевске. Сам он не опубликовал результатов своих работ, но впоследствии предоставил для использования свой дневник Н. А. Прокошеву. Несколько лет назад я спрашивал у А. И. Тереножкина о его работах в пещере скалы Писанец, но он ответил, что никаких материалов у него уже не сохранилось. Таким образом, единственным известным мне источником является рукопись покойного Н. А. Прокошева «Пещерные археологические памятники Урала», в которой он приводит подробную выписку из дневника А. И. Тереножкина. Привожу ее здесь полностью.

«На правом берегу Нейвы близ д. Алапаихи имеется скала Писанец. Название камня может указывать на бывшие здесь когда-то писанцы. Сейчас на камне Писанец они не обнаружены, но открыты на нескольких скалах в близком соседстве. Один из наклонно стоящих пластов известняка у третьей скалы камня Писанца в процессе своего разрушения упал на стоящий рядом камень и образовал, переломившись надвое, как бы гигантский двускатный шатер. Таким образом, получилось три пещеры: две по бокам и одна небольшая в виде «чердака» наверху. Устье пещеры — в шести метрах высоты от современного уровня реки. Правая от реки пещера окончательно разрушилась в 1930 г. и осмотру почти недоступна [55]. На склоне реки упавшие со скалы камни, пробороздив скат, обнаружили в нескольких местах расколотые кости животных. Довольно крутой и каменистый скат к реке покрыт редкими березками и слабым травяным покровом. Пол левой пещеры довольно сильно наклонен к реке. Длина пещеры 13 м, ширина — от 2 до 2,5 м. Высота в задней части пещеры 1,5—2 м, но ближе к устью она достигает 5—6 м. На 7-м м от входа на высоте 3,5 м имеется узкий проход вверх, где находится камера около 4 м длины и ширины, высотой 2,5 м. На потолке и стенах, так же как и в нижней пещере,— обильные следы копоти. Устья пещер обращены на северо-восток. Современная поверхность левой пещеры носит следы позднейших кострищ. Обследователем был заложен раскоп площадью около 15 кв. м. Раскоп прорезал слой в 10 см поздних отложений кострищ и обожженной земли. Вторым слоем идет стерильный буроватый суглинок мощностью 30—36 см. На глубине 40—45 см залегает более темный суглинок с включением расколотых костей крупных животных, угольков, золы, обожженных костей, кремневых и костяных орудий. Мощность этого культурного слоя достигает 15—20 см. Ниже идет опять стерильный, более светлый суглинок мощностью 10—15 см, покоящийся на каменном кострище размерами 150×125 см при толщине кострищного слоя 3—4 см. Культурный слой оказался довольно бедным находками. На всей вскрытой площади было найдено лишь 6 плоскочерешковых наконечников стрел, сделанных из трубчатых костей крупных животных. Длина наибольшего — 75 мм, наименьшего — 45 мм. В сечении большинство из них дает прямоугольник и один экземпляр близок к ланцетовидному типу. Найдены два кремневых наконечника треугольной формы с усеченным основанием (как у наконечников из Турбино) и один небольшой кремневый скребок. Участки № 12, 13 полностью занимает яма глубиной до 40 см. Слои в яме перепутаны. Это, по-видимому, следы работы кладоискателей. Находок нет» [56].

Материал из раскопок А. Н. Тереножкина был сдан им в Алапаевский музей, где и находился до момента ликвидации последнего. В дальнейшем коллекция, по всей вероятности, поступила в Свердловский областной музей, где, возможно, и находится.

В 1939 г. небольшие раскопки в пещере произвел Д. Н. Эдинг, но результаты их мне неизвестны. В его материалах обнаружились зарисовки части коллекции Алапаевского музея, которые привожу здесь на рис. 12. Хотя этот материал и скуден, он все же не противоречит сближению с Турбиным (по крайней мере в отношении хронологии),

---

[52] И. Я. Кривощеков, 1910, стр. 12.
[53] В. Я. Толмачев, АИА, стр. 11.
[54] Н. А. Прокошев, АИА, стр. 43 (44).
[55] Видимо, в этой «заваленной пещере» и произвел сборы В. Толмачев.
[56] Н. А. Прокошев, АИА, стр. 40 (41).

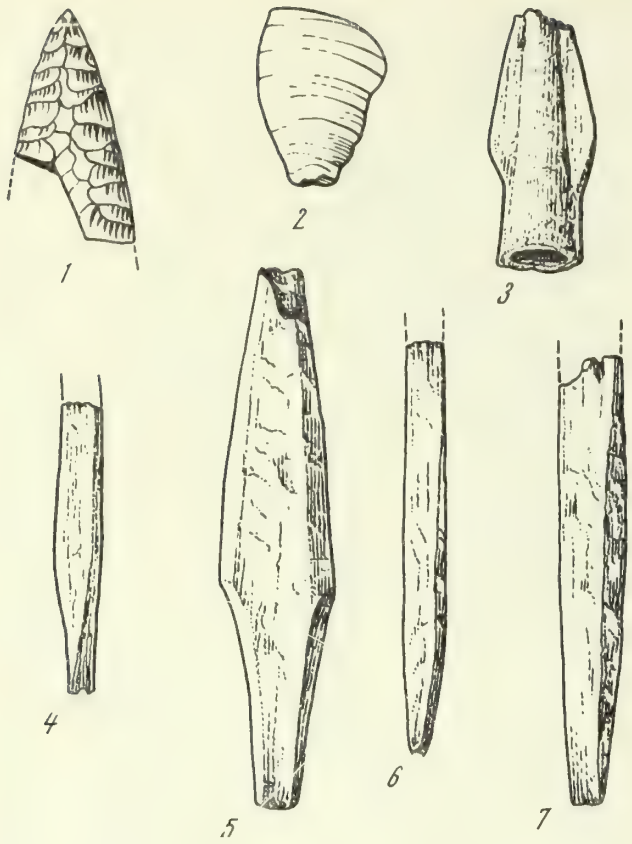


Рис. 12. Предметы, найденные в пещере Писаного камня на р. Нейве близ г. Алапаевска

По материалам Д. Эдинга (*1*—*7*)

предложенному Н. Прокошевым, и, по всей видимости, культурный слой пещеры в скале Писанец на Нейве действительно можно отнести к эпохе бронзы, т. е. ко II тысячелетию до н. э. Эту дату, хотя бы и с известными оговорками, можно иметь в виду при рассмотрении сохранившихся писаниц Нейвы, расположенных недалеко от Алапаевской скалы.

Первые сведения о них поступили в 1938 г. от алапаевских краеведов. Летом того же года рабочий Зырянского рудника П. И. Фролов обнаружил на одной из прибрежных скал р. Нейвы писаницу, о которой он сообщил в Алапаевский музей. Находкой заинтересовался местный краевед П. И. Чернавин, и уже в августе он вместе с Г. Масловой, Литуевым и Ивашевским обследовал место находки и зарисовал найденные изображения. Большинство фигур было срисовано с уменьшением, но некоторые, наиболее выразительные, скалькированы. Краеведы продолжали поиски и несколько выше по Нейве; на том же берегу нашли вторую скалу с наскальными изображениями, которую также зарисовали. О своих находках П. И. Чернавин сообщил в Свердловский областной музей и дал заметку в местную газету. В 1939 г. из Свердловского музея мне прислали копию письма Чернавина и вырезку с его заметкой. В письме Чернавин высказывает мнение, по которому «древние идеографические письмена» могли принадлежать только ранее жившим здесь вогулам-манси. В подтверждение своего предположения он привел ряд названий рек и селений, как «деревни Вогулка, Вогулье, реки Шакиш, Норна, Нейва и др.» По словам Чернавина, скала, на которой Фроловым были открыты писаницы, названия не имеет. Высота ее 16 м, форма — копнообразная, и сложена скала из известняков. Чернавин выделил на скале две группы изображений. Первая группа «расположена в середине скалы, от подножия в 438,5 см и занимает площадь 4,7 кв. м.» Писаница, открытая Чернавиным, в которой он выделил тоже две группы, находится, по его словам, «на прибрежной скале, называемой Коптелов Камень, вверх по Нейве в двух километрах от первой». К письму были приложены и зарисовки, некоторые из них приведены здесь; общий вид скалы (Двуглазый Камень) по рисунку Литуева (рис. 13); изображения первой группы — по зарисовке того же Литуева (рис. 14, *1*); вторая группа изображений на скале — Коптелов Камень, открытый П. Чернавиным (по Масловой; рис. 14, *2*).

В 1939 г. по следам Чернавина на Нейву выехал от Исторического музея Д. Н. Эдинг, который скопировал на целлофан изображения обеих скал. Где находятся сделанные им копии — мне не известно. В ГИМ обнаружились лишь негативы, но, к сожалению, без указания масштаба (рис. 15). В кратком отчете указаны места работ на Нейве, причем скала, на которой находится основная часть изображений и которая в письме Чернавина не имеет названия, приведена как Фролов Камень.

Писаницы по Нейве были охвачены работами Западно-Сибирской экспедиции Института Археологии АН СССР в 1958 г. В Алапаевске не осталось никого, кто бы мог дать какие-либо указания о месте нахождения скал с писаницами и о Фроловом Камне. После трехдневных бесплодных поисков на протяжении 20 км вверх по Нейве нам посчастливилось встретить местного рыбака, который сказал, что Фролова Камня не существует, а скала, которую мы ищем, называется Двуглазый Камень, и он нахо-

Рис. 13. Общий вид камня Двуглазого на р. Нейве

По рисунку Литуева 1938 г.

дится гораздо ближе к Алапаевску, чем мы ищем. Заручившись подробными указаниями, мы легко нашли нужное место. По всей видимости, Д. Н. Эдинг, желая увековечить память П. И. Фролова, нашедшего писаницу, и назвал в своем отчете скалу его именем, к сожалению, этого не оговорив.

Двуглазый Камень называется так, вероятно, потому, что на нем имеются два небольших углубления, расположенные по обе стороны вертикальной трещины, отдаленно напоминающие глаза. Скала расположена на правом берегу Нейвы, в 4 км ниже Зыряновского рудника и около 300 м ниже Косого Камня, очень приметного, выступающего в виде каменного мыса, скошенного под углом примерно 40°. От Алапаевска до него, считая рекой, вероятно, около 10 км. Скала находится в 10—15 м от воды и обращена на юг (рис. 16). В нижнем конце ее имеется небольшой грот. Разведка, произведенная здесь, не дала никаких результатов. Вдоль фасадной части скалы проходит косой карниз шириной 45—50 см, начинающийся от подошвы скалы около 15-го метра и обрывающийся на высоте 6 м против 27-го метра, считая от левого (нижнего) края камня. Изображения расположены тремя группами как раз над этим карнизом. Самая левая (табл. III, *11*) находится на высоте 3 м против 15-го метра и состоит из большого количества мелких черточек и пятен. По всей вероятности, она сильно разрушилась. Следующая, самая большая группа помещается между 17-м и 19-м метрами на высоте от 3 до 4,5 м и в 50—100 см над карнизом. Третья — между 25-м и 26-м метрами на высоте 6—7 м. Эта группа также невелика и, видимо, значительная ее часть совершенно исчезла в результате осыпания камня. Тем не менее оставшиеся

Рис. 14. Изображения нейвинских писаниц

1 — по рисунку Литуева (камень Двуглазый); *2* — по рисунку Г. Масловой (Коптелов камень)

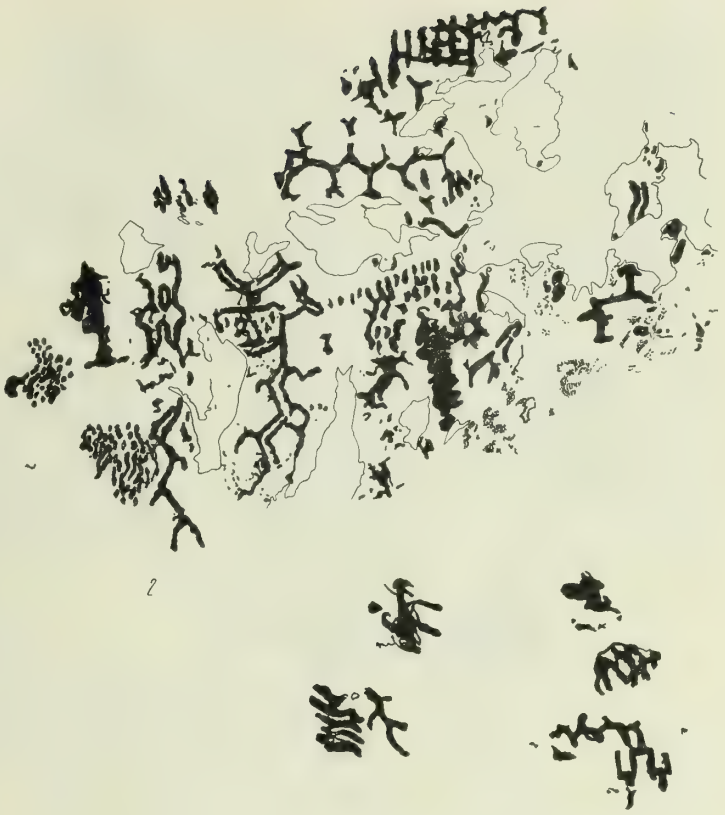


Рис. 15. Камень Двуглазый на р. Нейве

Копии изображений, выполненные Д. Н. Эдингом

фигуры достаточно интересны, так как повторяют хорошо известные по уральским писаницам сюжетные типы. Композиция (табл. III) состоит из очень схематичной антропоморфной фигуры и пяти зигзагообразных линий; она подобна изображениям пятой группы Зенковской скалы и верхней части пятой группы Писаного Камня на Тагиле. Еще больше аналогий мы видим как на Тагиле, так и на Реже; как на Тагиле, так и на Реже изображениям типа «загородки» с остатками расположенной над ней фигуры животного.

Средняя и самая большая группа состоит из большого количества фигур, между которыми разбросаны пятна и отдельные точки, вероятно, остатки более древних изображений. По этой группе имеются и материалы Д. Н. Эдинга. Как оказалось, негативы, хранящиеся в ГИМ, сделаны в расчете на уменьшение 1:5, т. е. такое же, как и у нас, но уменьшение это было выдержано неточно, и фактически изображения получились несколько мельче. Копия Эдинга выполнена очень тщательно (рис. 15) и является превосходным контрольным материалом для установления субъективных ошибок, неизбежных при копировании изображений. В целом эта группа не представляет собой единой композиции, а состоит из нескольких, в том числе и повторных. К последним можно отнести фигуры *5* и *9*, *2*, *3* и *10* (табл. IV), отображающие два типа загородок. Особенно интересны фигура 5, где в загородку вписано изображение оленя или косули и дугообразная фи-

Рис. 16. Камень Двуглазый на р. Нейве. Схема расположения групп изображений

гура, расположенная непосредственно над животным. Вполне возможно, что ее можно рассматривать как изображение сторожевого лука (см. об этом в соответствующем разделе об орудиях промысла).

Трудно с уверенностью объяснить фигуру 4, но не исключено, что она представляет собой лишь вариацию ловушки типа котцов с горловинами. Изображение 8 у Эдинга передано отдельными точками, так же как 8 — левая часть рисунка и 11 — на нашей таблице. В нашей копии это изображение приняло вид сотовидной фигуры или сети, чем возможно, оно и является.

Фигуры 6 и 7, вероятно, представляют собой остатки различных и разновременных изображений. Среди них можно различить часть фигуры типа 5 (с левой стороны), ряд параллельных точек и черточек (в верхней части) — возможно, остатки композиции типа 3 или 8, очень отчетливое солярное изображение и рядом с ним — верхнюю половину условной антропоморфной фигуры. Трудно что-либо сказать в отношении изображения *1*. Две или три — судя по варианту Эдинга — совершенно одинаковые фигуры, расположенные рядом, несомненно, должны иметь какое-то значение, но какое — пока неясно.

Единственной, да и то довольно отдаленной аналогией может служить изображение остроконечника перед левой фигурой лося в композиции Зенковской скалы, однако следует ли здесь видеть близость по существу или только внешнее совпадение форм, сказать трудно.

В 2 км вверх по Нейве от Двуглазого Камня и на таком же расстоянии вниз по реке от Зыряновского рудника находится группа небольших скал, носящих название Коптелов Камень. Скалы расположены на расстоянии 9—10 м от воды и обращены на юго-восток. Одиночные изображения, выполненные красной краской, обнаружены на верхней и нижней (по течению) скалах. На одной из них имеются две гребневидные фигуры и одна типа уточки. На другой — довольно сильно разрушившаяся композиция, состоящая из ромбической решетки, в которую вписано изображение, возможно зверя, несколько выше — остатки параллельно расположенных косых черточек.

В целом композиция камней Двуглазого и Коптелова, по крайней мере в той степени, в какой они сохранились, не выпадает из типичных схем уральских наскальных изображений, что очень существенно, так как повторяемость фигур и композиций позволяет объединить уральские писаницы в единую общность и облегчает их осмысление и дешифровку.

В непосредственной близости от скал с изображениями А. И. Тереножкин и Д. Н. Эдинг указывают скалы по левому берегу Нейвы, на вершинах и у подножия которых было обнаружено небольшое

количество керамики и осколки костей — вероятно, остатки жертвенных мест. Одна из групп этих скал носит название «Ребята»; здесь А. Тереножкин отметил наличие скального навеса, «покрытого следами древней копоти» [57].

Даже скудные наши сведения представляют большой интерес. Жертвенные места, расположенные на скалах в непосредственной близости от писаниц, образуют единый комплекс, подобный Балабинским утесам и Писаному Камню на Тагиле, Бородинской скале на Реже и, очевидно, Ирбитскому Камню, если судить по замечанию Витзена. Видимо, подобные комплексы являлись своего рода культовыми центрами населения, жившего на прилегающей территории.

ПИСАНИЦЫ ПО РЕКЕ РЕЖУ

Река Реж протекает более или менее параллельно Нейве, несколько к юго-востоку от нее. Сливаясь, обе реки образуют Ницу, которая после впадения в нее р. Ирбить вливается в Туру. По Режу наскальные изображения известны в двух местах; одно — несколько выше д. Исаковой, а другое — выше Режевского завода, в урочище Бородинская мельница.

Писанец близ д. Исаковой. Прежде чем переходить к описанию самой скалы, следует сказать несколько слов о соседних с ней пунктах, в добавление к тому, что говорилось об Ирбитском Камне и Нейве. Несколько ниже д. Исаковой и скалы с писаницей еще не так давно находилась д. Одина. Маленькая деревушка с тем же названием расположена непосредственно и у Ирбитского Камня, а еще одна Одина имеется несколько выше Исаковской писаницы, на той же р. Реж. Является ли это лишь совпадением — сказать трудно, тем более что этимологизировать данное слово из мансийского языка пока не удается. Очевидно, название связано, скорее всего, с мансийским населением. О том же может свидетельствовать и Шайтан-камень — скала с глубокой пещерой, судя по названию жертвенная, расположенная выше по Режу у с. Аромашево. Еще интереснее названия речки «Вогулка», впадающей в Реж выше Аромашева и в 25 км выше Исаковской скалы, и д. «Вогулье», расположенной на этой речке. Судя по отрывочным сведениям, которые, видимо, могут быть пополнены за счет архивных данных, следует думать, что еще в конце XVII и даже в начале XVIII в. по Режу сохранялось необрусевшее вогульское (мансийское) население.

Первое сообщение об Исаковской писанице имеется уже у Кривощекова: «Писанец — так называемая береговая скала на берегу р. Режа, выше д. Исаковой, Коптеловской волости, здесь была изображена красной краской лестница до 7 вершков длиной; ранее изображений на скале было больше, но с разрушением скалы они постепенно утратились» [58]. Однако, как показало обследование В. Толмачева, произведенное им в 1914 г., сведения Кривощекова не вполне соответствовали истине. На скале сохранилось гораздо больше изображений, которые и были зарисованы В. Толмачевым [59] (рис.17).

Рис. 17. Изображения на Исаковском камне на р. Реж
Зарисовка В. Я. Толмачева (архив ИА)

Исаковская писаница находится на скале, расположенной на правом берегу реки, в 3 км выше деревни и ниже железнодорожного моста через Реж. Река протекает здесь в глубокой тесной долине, местами имеющей, скорее, вид каньона. Каменистые обрывистые склоны поросли густым хвойным и смешанным лесом. Сама скала как будто не имеет особого названия, или, во всяком случае, нам не удалось его выяснить. Обычно ее упоминают лишь как Писанец. Интересно отметить, что у жителей д. Исаковой сохранились некоторые поверья, связанные со скалой. Считают, что там живет Змей и что ходить туда небезопасно. В противоположность приводимой здесь фотографии В. Я. Толмачева (рис. 18) в настоящее время весь берег против скалы зарос густым ольховником, который закрывает и всю нижнюю часть, и лишь у самой воды проходит узкая тропка, свидетельствующая о малой посещаемости этого места. От берега скала находится в 15—20 м и обращена к югу.

Изображения (табл. V) расположены несколько выше небольшой площадки, находящейся в 6 м над осыпью и в 10 м над уровнем реки. Как и во всех других местах, они выполнены красной краской на отвесных камнях, имеющих ровную поверхность. Лишь в одном случае (группа VI) они нанесены на покатой плите. Писаницы Исаковской скалы частично отражают уже знакомые сюжеты.

Такова *группа I*, в состав которой входят фигуры оленя (*1*) и солнца (*2*). Ниже их расположены остатки какого-то, трудно распознаваемого изображения.

В группе II находим довольно часто повторяющуюся фигуру (*8*), в которой можно видеть изображение ловушки. Справо от нее — остатки изображе-

[57] Н. А. Прокошев, АИА, стр. 38, 39 (39—40).
[58] Н. Я. Кривощеков, 1910, стр. 12. Сведения приводятся на основании «Сообщений Екатеринбургской духовной консистории. Московское археологическое общество». Рукопись хранится в УОЛЕ.
[59] В. Я. Толмачев, АИА.

Рис. 18. Писаный Камень на р. Реж близ дер. Исаковой
Общий вид и деталь
Фото В. Я. Толмачева (архив ИА)

ний одного или двух оленей. Выше и левее расположена очень своеобразная фигура в виде четырехлепестковой розеты, аналогий которой больше нигде не встречено и о содержании которой трудно даже догадываться.

В группе IV сохранилось три изображения, из которых лишь одно (*10*) более или менее полно, хотя возможно, что верхняя часть его не сохранилась и исчезла вместе с отвалившимся камнем. Точной аналогии этой фигуре мне неизвестно, хотя в какой-то степени ее можно сблизить с фигурой 4 Двуглазого Камня на р. Нейве.

Справа от № 10 можно различить остатки второго изображения, по всей видимости, «небосвода» из трех параллельных дугообразных линий, но бо́льшая часть его осыпалась вместе с камнем. Остатки третьей трудно объяснимой фигуры находятся несколько левее и ниже от того же № 10.

Группа V расположена в небольшой нише, образованной выступающим камнем в средней части скалы. Состоит она из нескольких зигзагообразных линий (*6*), которые по ряду аналогичных композиций на других скалах можно объяснить как изображение ловчей изгороди.

Несколько ниже находится фигура (*группа III*), которую мы восприняли как гребнеобразную, с обращенными вниз зубцами. Толмачев, однако, передает ее как совершенно отчетливое изображение косули. Вероятно, вариант В. Толмачева можно признать более правильным.

Группы VI и VII состоят из отдельных малоразборчивых фигур, на которых лишь одну (*4*) можно предположительно рассматривать как остатки птицеобразного изображения.

При сопоставлении наших копий с зарисовками В. Толмачева отметим, что большинство последних выполнено очень точно, за исключением лишь рисунков 1 и 2, которые даны неправильно. Кроме того, у него полностью отсутствуют группа VII и фигуры правой части группы II.

Бородинские скалы

Эта группа писаниц расположена на довольно значительном расстоянии вверх по Режу от Исаковской скалы и в 18 км выше г. Реж. Впервые как будто бородинские писаницы были упомянуты

М. Малаховым как «писанец на утесе близ мельницы Войтяхова»[60]. В 1914 г. они были обследованы В. Толмачевым, который более точно указал и их расположение — «на левом берегу р. Реж у мельницы Вотякова, в 10 верстах на юг от с. Липовского Екатеринбургского уезда». Толмачев оставил довольно подробные зарисовки на пяти листах (рис. 19, 20) и четыре фотографии[61]. Нами Бородинские скалы были обследованы два раза — в 1958 и 1960 гг. В настоящее время название «мельница Войтяхова или Вотякова» забыто и урочище известно лишь под названием «Бородинская или Байбородинская мельница», хотя самой мельницы давным-давно уже нет. На месте некогда существовавшей плотины сохранились лишь продолговатый островок у левого берега и каменистый порог в основном русле. Скалы начинаются от самой плотины (рис. 20, *1, 2*) и сплошной грядой тянутся вверх по левому берегу метров на 300, постепенно удаляясь от реки.

1-я Бородинская скала

Первая писаница, названная нами Бородинская 1, находится в непосредственной близости от остатков береговой части плотины (рис. 21, *1, 2*), на отвесных плитах скалы, имеющей в этом месте около 10 м высоты. Первая группа изображений этой писаницы расположена на высоте 1,7 м от подошвы скалы, в небольшой нише, образованной выступающими камнями (рис. 22), между 1-м и 5-м метрами, считая от нижнего конца утеса (рис. 23). Из сохранившихся изображений первой группы (табл. VI, *1*) довольно хорошо видна фигура оленя, от головы которого остались, однако, лишь слабые следы. Несколько правее и выше можно различить остатки еще одного изображения, частично слившегося с первым. Фигура оленя схематичная и выполнена в так называемом скелетном стиле. Своеобразной чертой этой фигуры является продолжение линии, изображающей одну из ног, поперек туловища животного. Как увидим далее, эта черта имеет аналогии среди наскальных изображений, находящихся далеко за пределами Урала.

Левее, на расстоянии около 30 см, слабо заметна крестообразная фигура (табл. VI, *2*), которую при более тщательном рассмотрении, очевидно, следует определить как условное изображение птицы. Основанием для такого заключения могут служить изображения птиц в мансийских и хантыйских тамгах XVI—XVII вв. (рис. 24). Здесь (рис. 24, *2*) приведено «типичное изображение плишки[62], или птички,— весьма распространенной в XVII в. тамги в Березовском уезде и на Белогорье»[63]. Так, Ю. Симченко собраны и другие варианты: плишка — рис. 24, *3*, пташка — рис. 24, *4*, пичужка — рис. 24, *5*, *6* и т. д.[64] Сходные по типу изображения птиц,

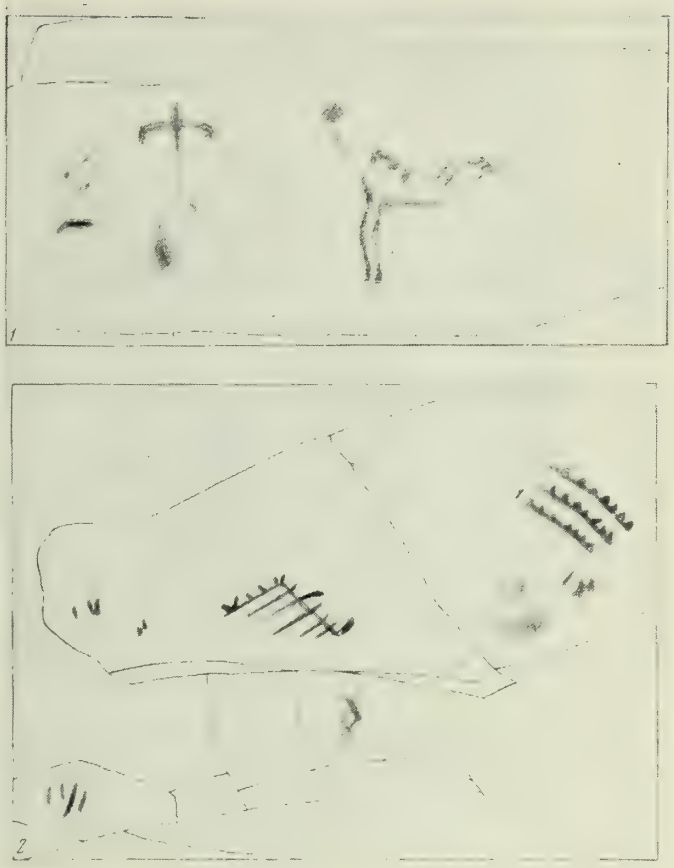


Рис. 19. Писаницы на р. Реж у «Бородинской мельницы»
1 — первая группа 1-й Бородинской скалы; *2* — первая группа 2-й Бородинской скалы (зарисовка В. Я. Толмачева)

обычно трясогузки, встречаются и среди татуировок на руках у обских угров.

Несколько ниже описанной фигуры и частично сливаясь с ней находятся остатки какого-то расплывшегося изображения, в котором как будто можно различить голову животного (табл. VI, *3*). Влево от птицевидной фигуры слабо различимы остатки изображения, видимо, солнца (табл. VI, *4*), сильно пострадавшего от разрушающейся поверхности камня и известковых натеков. Ниже его — силуэтно выполненная голова животного, несколько подобная фигуре 3. Немного влево от описанной на одном из камней отчетливо выступают несколько красноватых пятен, по всей видимости, остатки некогда бывших здесь изображений. Такие же пятна наблюдаются и далее, между 7-м и 9-м метрами и между 13-м и 14-м метрами.

Вторая группа (табл. VII) 1-й Бородинской скалы расположена между 17-м и 21-м метрами, на высоте от 2 до 4 м. В правой части ее находятся две однотипные композиции, которые уже были частично рассмотрены нами в первом выпуске. Каждая из этих композиций содержит по два изображения рыболовных ловушек, из которых одно, видимо, передает ловушку корзиночного типа, вроде «хвостуши» (табл. VII, *5б*, *6в*), а другое — котцовый запор (табл. VII, *5а*, *6а*)[65]. Кроме того, имеется фер-

[60] М. В. Малахов, 1908.
[61] В. Я. Толмачев, АИА.
[62] *Плишка* — в старорусском языке, *плиска* — в современном сибирском говоре — *трясогузка*, а иногда и другие мелкие птички.
[63] Ю. Б. Симченко, 1965, стр. 36, табл. 13.
[64] Там же, табл. 45, *5, 11;* 48, *9; 10—12;* 52, *3*.
[65] В. Н. Чернецов, 1964, рис. 9, *5, 6*; 10, *1—7*.

Рис. 20. Писаницы 2-й Бородинской скалы
Зарисовка В. Я. Толмачева

тообразная антропоморфная фигура (табл. VII, *6б*), а фигура *5в*, которая как и *2* в первой группе, является, вероятно, изображением птицы. Для этого изображения также находим вполне убедительные параллели среди угорского материала. Так, фигура птицы, или плишки, представленная на рис. 24, *8*, которую в 1656 г. в качестве своей тамги приложил «остяк» (скорее всего, манси) Подгородной волости Доля Кангин [66], весьма близка фигуре *5в* (рис. 24, *7*) как манерой передачи крыльев, так и хвостового оперения. Отличие заключается лишь в форме головы, однако изображение ее в виде развилки тоже обычно среди как хантыйских, так и мансийских рисунков. Именно таким образом передана голова птицы, которая была вытатуирована на правой руке хантыйской женщины с р. Казыма (рис. 24, *9*) [67]. Встречается эта форма и среди тамг (рис. 24, *10*) [68], хотя для последних она не может считаться типич-

[66] Ю. Б. Симченко, 1965, табл. 45, 3.

[67] С. Н. Руденко, 1929, табл. IV, рис. 1.
[68] A. Kannisto, 1933, fig. 46, 47.

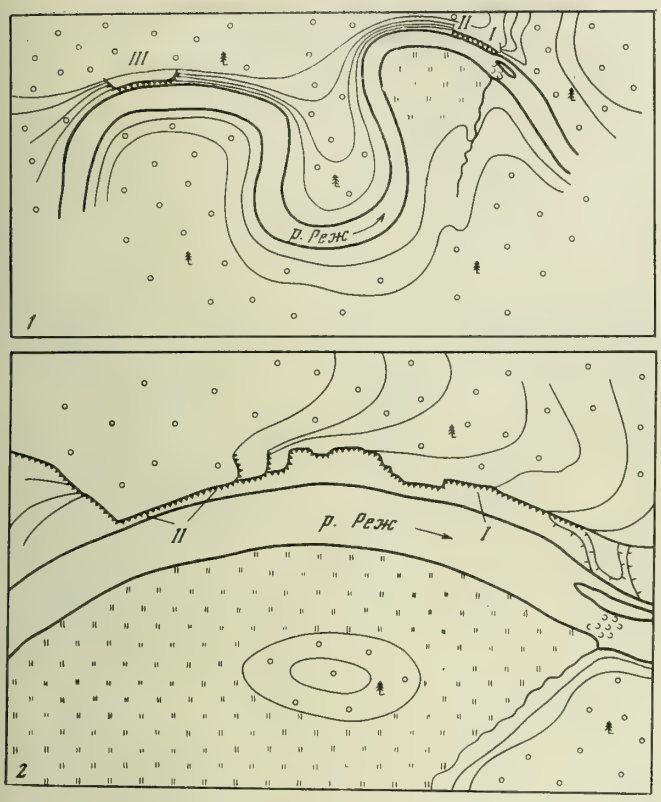


Рис. 21. Схема расположения Бородинских скал на р. Реж
1 — общий план расположения I—III скал; *2* — локализация 1-й и 2-й Бородинских скал и грота

ной. Зато весьма обычно изображение головы развилкой среди стилизованных орнаментальных фигур на бересте.

Существенно отметить, что, видимо, не все фигуры, заключающиеся во второй группе, одновременны. Так, фигуры *5а, 5в* и *6б* имеют более светлый цвет, а фигуры *5б, 5г* и *6а*, выполнены темной буровато-красной краской. Кроме того, в некоторых случаях изображения явно налегают частично одно на другое.

Влево от второй группы, между 19-м и 21-м метрами, расположена третья, отделенная от предыдущей широкой трещиной в скале. В левой верхней части этой группы отчетливо различается изображение животного, скорее всего косули, рядом с которой находится меандроидная фигура, которая на основании многих аналогий может быть определена как загородка с ловушками. Одним метром ниже — остатки еще одной композиции, в состав которой, возможно, входили фигуры, несколько подобные изображению *2* первой группы. Одним метром левее различимы отдельные пятна красной краски — очевидно, следы размытых рисунков.

2-я Бородинская скала

Под этим названием нами была выделена несколько выступающая и наиболее высокая часть упомянутой скальной гряды, достигающая здесь 15—20 м. От 1-й Бородинской она находится в 150 м вверх по течению. В настоящее время узкая полоска берега между скалой и водой заросла высокими деревьями и густым кустарником, что в значительной степени изменило ее общий вид по сравнению с тем, какой она имела во времена Толмачева (рис. 25, *1*, *2*). Тогда перед ней было совершенно открытое пространство, что позволило ему сделать очень хорошие фотографии как центральной, так и крайней правой частей скалы.

Из всех скал с писаницами по р. Режу, 2-я Бородинская наиболее богата изображениями. Последние занимают площадь протяженностью 23 м, а по высоте — от 2 до 9 м. В правой части скалы изображения довольно четко распадаются на отдельные группы. То же самое можно сказать и про левый край, но в центральной части, особенно между 8-м и 16-м метрами, фигуры расположены так тесно, что лишь в отдельных случаях среди них можно выделить более или менее отчетливые группы. В левой части скалы изображения расположены приблизительно на одном уровне — от 2 до 4 м. Около 14-го м, считая от левого края скалы, начинается карниз шириной в среднем 50—70 см, круто поднимающийся по направлению к правому (нижнему) концу камня. В соответствии с направлением карниза поднимаются и расположенные над ним изображения, достигая против 25-го метра высоты 9 м от подножия скалы. На приводимой здесь схеме (рис. 26) расположения писаниц 2-й Бородинской скалы даются как локализация основных фигур, так и порядок размещения листов, соответствующих отдельным таблицам, в порядке которых дается и описание. Подкладывая таблицы по схеме, можно

Рис. 22. Первая Бородинская скала

составить достаточно полное представление о писаницах 2-го Бородинского камня.

Лист 1 (табл. VIII, рис. 27, *1*) охватывает площадь от 23-го по 25-й и от 6-го по 10-й метры. Он содержит две более или менее идентичные композиции. Первая из них состоит из изображений «небосвода», солнца и животного, выполненного силуэтно. Эти изображения нанесены на довольно неровном камне, в силу чего левая часть их, попавшая в более углубленное место, в значительной степени скрыта известковым натеком. На глаз эта часть просматривается довольно плохо, но значительно лучше получилась на фотографии, что позволило восстановить ее достаточно полно. В целом изображение небосвода (табл. VIII, *1*) в этой композиции может считаться одним из наиболее полных среди уральских писаниц. Солнце под небосводом смещено несколько вправо (табл. VIII, *2*). Силуэтная фигура животного находится в средней части у нижнего края камня (табл. VIII, *3*). Немного выше от него слабо различаются следы еще какого-то изображения, возможно, солнца.

Приблизительно подобное же сочетание фигур и на соседнем камне слева. Здесь хорошо сохранились изображения небосвода и фигуры животного, выполненные в скелетном стиле (табл. VIII, *5*). Около метра левее и ниже от них можно различить гребнеобразную фигуру, видимо, не связанную с предыдущими (табл. VIII, *6*).

Лист 2 охватывает площадь от 16,5 до 21-го метра, а по высоте — от 5-го до 8-го метра. Этот участок сложен плоскими плитами с гладкой поверхностью, удобной для нанесения рисунков. Слева от него проходит почти вертикальная расщелина, выполненная кварцитовой жилой с неровной шероховатой поверхностью, образующая, таким образом, естественную границу поля. Последнее использовалось, по всей видимости, многократно, судя по многочисленным остаткам почти неразличимых изображений. Центральное место на этом листе занимает зигзагообразная фигура (табл. IX, *8*), вероятно, самая последняя по времени. Эту фигуру мы уже рассматривали в первом выпуске, где она сопоставлялась, с одной стороны, с узорами на керамике эпохи раннего металла (начало II тысячелетия до н. э.), а с другой — со схемой устройства рыболовных заколов. В верхней части фигуры 8, немного перекрытые ею, находятся остатки, видимо, повторных изображений загородок (8, *а*, *б*) типа зигзага с вертикальными отростками, часто встречающихся среди уральских писаниц[69]. Возможно, что остатки подобной же загородки находятся и в нижней части рисунка (*8*, *в*). Несколько левее расположена какая-то довольно сложная фигура, к сожалению, сохранившаяся лишь частично. Она отдаленно напоминает одно из изображений на Зенковской скале на Тагиле несколько усложненную загородку только что упомянутого типа, весьма ближую по очертанию к *8*, *б*. В левой части листа общим номером *10* отмечена группа очень нечетких остатков ранее бывших здесь изображений. Лучше всего различимы два ряда вертикальных параллельных черточек. В нижнем ряду их 21 — число, кратное семи, совершенно естественное для архаического угорского семиричного счета. В верхнем ряду их 11, но большой пробел между 9-м и 10-м штрихами и небольшой скол на камне у правого конца верхнего ряда позволяют думать, что их было 14. Семиричный счет и до сих пор как пережиток встречается у манси и хантов по преимуществу в играх[70]. В то же время числа кратные семи, а особенно 7, 14, 21 имеют место в обрядах и культе.

Несколько правее, против 18-го метра,— сильно размытая фигура. Судя но кольцеобразному расположению пятен и отчасти по их форме можно думать, что на этом месте было большое изображение солнца. Ниже штрихов — остатки каких-то линейных изображений, среди которых достаточно отчетливо выделяется зигзаг. Можно, конечно, предположить, что три параллельные наклонные линии являются счетными знаками. Против такого допущения нет оснований, но и доказать его трудно. Правда, формальной аналогией им могут служить характерные угорские охотничьи затесы на деревьях, на которых горизонтальными или косыми черточками отмечается число людей и собак. Еще менее определенны фигуры, помеченные номером *7*,— в правой части листа.

Лист 3 (табл. X), занимает площадь непосредственно под 2-м. Изображения нанесены на одной из плит, образующих карниз, и состоят из небольшой группы условно антропоморфных фигур. Несколько ниже последних на камне видны красноватые пятна от совершенно смывшихся изображений.

Лист 4 (табл. XI) непосредственно примыкает к левому краю листов *2*, *3*, занимая положение между 12,5 и 16,5 метрами, а по высоте — между 3-м и 6-м метрами. Основная часть изображений нанесена на большой гладкой плите, но видны они довольно плохо. Характерно, что В. Толмачев, наблюдатель, видимо, очень хороший, не смог разобрать большей части фигур. В то же время на его фотографии их можно рассмотреть почти все, правда, зная уже расположение фигур. В значительной степени это обусловлено тем, что на 2-й Бородинской скале особенно сильно сказывается роль освещения. В полуденные часы, когда солнце освещает скалу более или менее под прямым углом, изображения почти не различимы даже при смачивании поверхности. Значительно легче их рассмотреть утром и под вечер, а также при рассеянном освещении. Причина заключается, по всей вероятности, в тонком слое известкового натека, который сильно отражает лучи света, а при прямом их падении почти полностью маскирует находящиеся под ним изображе-

[69] В. Н. Чернецов, 1964, рис. 4, *6*, *11*; 10, *10*; табл. XXIV.

[70] Счет ведется следующим образом:

akwa — 1 nila — 4 sāt — 7
kitiγ — 2 at — 5 и далее
χ̄ūrəm — 3 χ⌣t — 6

sat = os - akwa — семь и один, sāt-os-kitγ — семь и два и т. д. до kit = sātiγ — две семерки. Затем следует: kit-sāt-os-akwa — две семерки и один и т. д. Также: χ̄ūrəm sāt — три семерки и т. д. до sāt-sāt-семь-семь или iapiγ-sāt — большая семерка.

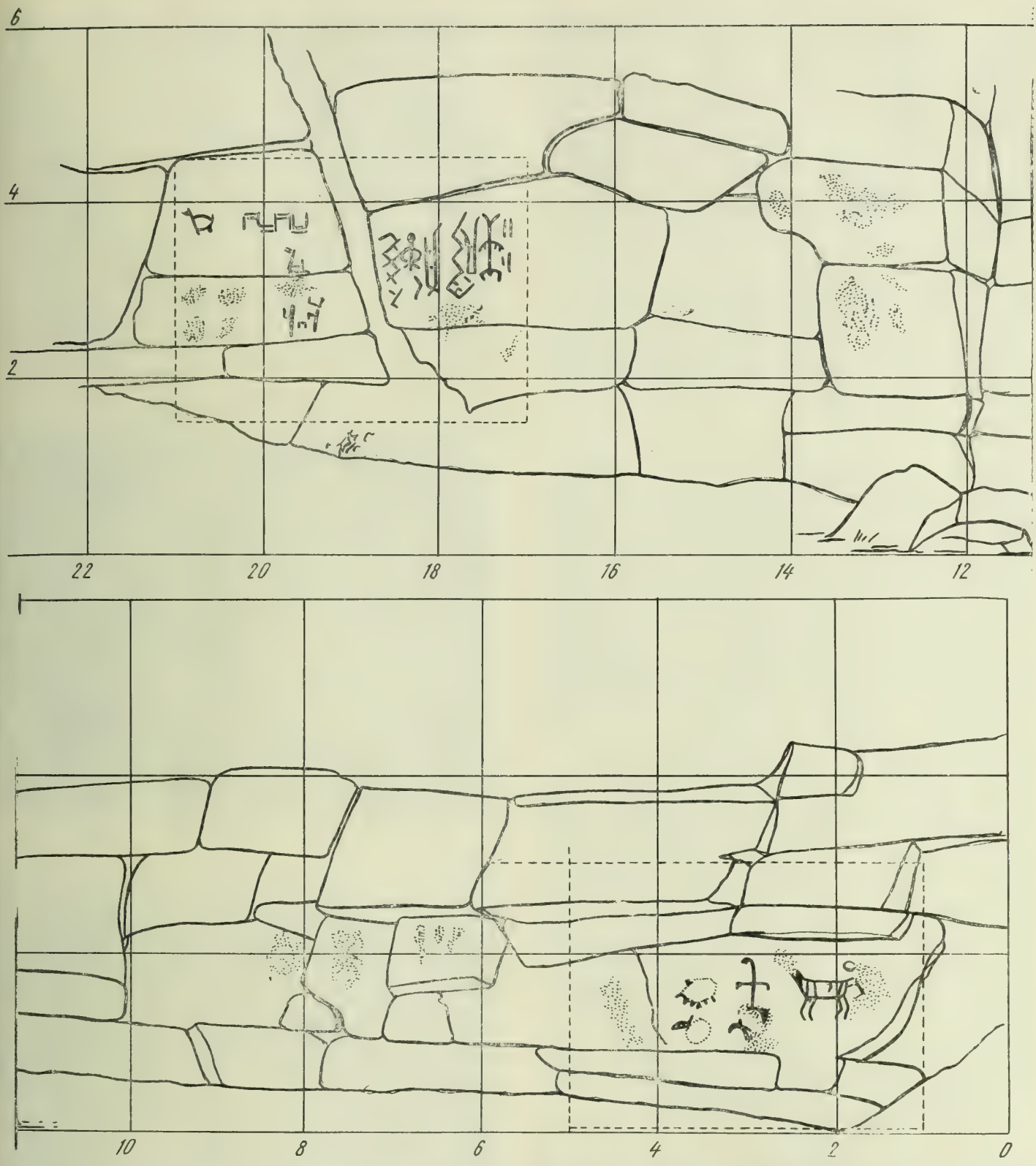


Рис. 23. Схема расположения групп изображений на 1-й Бородинской скале

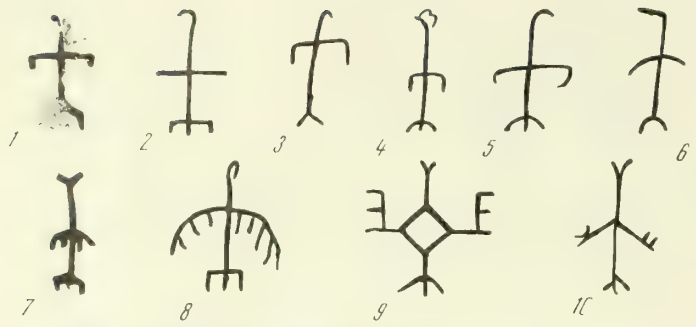


Рис. 24. Стилизованные птицевидные фигуры в первой и второй группах изображений 1-й Бородинской скалы

1 - фигура 2 первой группы; *2—6* — угорские тамги, изображающие птиц; *7* — фигура 5-в из второй группы изображений; *8, 10* — угорские изображения птиц; *9* — татуировка на руке мансийской женщины, изображающая птицу

ния. Вероятно, значительную помощь могло бы принести фотографирование при различных углах освещения и специально подобранных светофильтрах и материале. У нас такой возможности не было, а кроме того, в настоящее время весь берег перед скалой довольно густо зарос лесом и кустарником, которых не было во времена Толмачева, как это можно было видеть из сравнения фотографий.

Основную часть изображений, приходящихся на 4-й лист, образуют две группы, каждая из которых, видимо, является связанной композицией. Правая из них состоит из фигур *13*, *14*, *14а*, *14б*, *15*, *16*, *16а*. В фигуре *14* можно различить три или четыре изображения зверей, скорее всего оленей, выполненных в скелетном стиле. В левой части композиции расположены лестницеобразные фигуры *16*. Судя по довольно многочисленным аналогиям среди уральских писаниц фигуры этого типа можно рассматривать как какие-то охотничьи сооружения (подробнее см. ниже). Что же касается фигуры *13*, то они, по всей видимости, представляют собой два варианта ловчих загородок. Левая композиция почти тождественна по содержанию. Основную ее часть (фиг. *17*, *17а*, *18*, *19*, *20*) составляют изображения четырех или пяти животных (оленей?), правда, сохранившиеся очень неполно. В левой верхней части — обычная в таких сочетаниях загородка в виде зигзага с отростками (*23*), а внизу (фиг. *21*) — остатки фигур, по-видимому, аналогичных *16*, *16а*. Вся композиция дополняется изображениями солнца и небосвода (фиг. *22*).

На камнях, расположенных ниже, но в пределах этого же листа, довольно хорошо различимы еще четыре отдельные фигуры. Две из них, *24* и *26*, сильно стилизованы, причем совершенно отчетливо в традиции угорского орнамента, что уже само по себе имеет большой интерес. Две фигуры *25* сохранились плохо, но левая из них, возможно, представляет собой остатки антропоморфного изображения. О правой трудно что-либо сказать определенное.

Лист 5 (табл. XII) своей правой кромкой примыкает к 4-му и вместе с ним охватывает центральные группы изображений скалы. Большая часть этого листа приходится на своеобразный выступ камня, находящийся на высоте 4 м от подошвы и очень хорошо различимый не только на фотографии В. Толмачева (рис. 27, *2*), который сидит как раз под правой оконечностью этого камня, но и на нашем фото, сделанном с другой стороны реки. Выступ своими очертаниями очень напоминает барельефное изображение туловища лежащего животного. Создается впечатление, что контуры головы в затылочной части и задний край нижней челюсти искусственно подработаны, хотя уверенности в этом нет никакой. Тем не менее полностью отвлечься от впечатления, что перед нами как бы изображение животного, невозможно. Это впечатление создается с первого же взгляда и сохраняется в дальнейшем. То, что этот камень — будь он естественной игрой

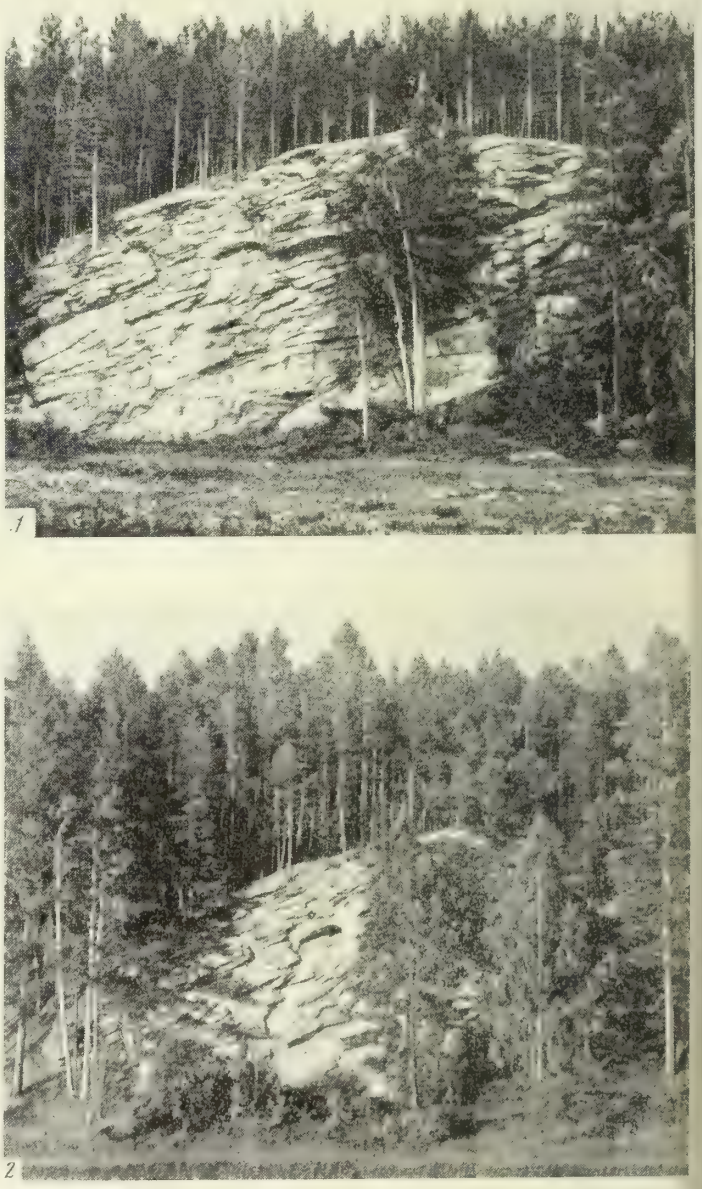


Рис. 25. Общий вид 2-й Бородинской скалы

1 — по фотографии В. Я. Толмачева (1914 г.); *2* — современный вид

природы или нет — обращал на себя внимание и как-то осознавался, подтверждается, пожалуй, наличием на «голове» двух фигур животных, сопоставленных головами (фиг. *31*, *32*). Три фигуры оленей или косуль расположены на один метр ниже и правее (фиг. *28—30*). Большая композиция находится и левее, между 9-м и 11-м метрами. Здесь можно лишь подчеркнуть, что изображения ловушек сочетаются в этой композиции с зигзагообразными обозначениями загородок (фиг. *33*, *34*). К сожалению, полностью уточнить в деталях фиг. *33—37* не представляется возможным, так как они очень нечетки и, по всей вероятности, местами налегают на остатки более ранних изображений. Такое наложение, видимо, имеет место в правой части фигуры зверя *35*. Трудно сказать, проступает ли здесь еще одно изображение животного или голова фигуры оленя сливается со сдвоенным зигзагом. Так же трудно разобрать крайнюю левую фигуру (*37*), которая, вероятно, тоже входит в общую композицию. Все же, несмотря на все эти недостатки в сохранности изображений, не приходится сомневаться в принадлежности их к единой охотничьей тематике.

Отдельные части этой композиции были рассмотрены уже в предыдущем выпуске, где в ряде случаев рисунки объяснялись как изображения зверей, попавших в ловушку. Не вижу никаких причин, чтобы изменять это объяснение, и в дальнейшем постараюсь даже подкрепить его при сведéнии и систематизации всего материала.

В нижней части того же камня находятся остатки ряда вертикальных штрихов, подобных фиг. *10* (лист 2). Это изображение сильно пострадало от сколов на камне и известковых натеков. Трудно судить о том, какова была длина этих штрихов, так как нижние концы их сливаются со сплошным красным пятном. Обращает на себя внимание число черточек. Сейчас их можно различить 20, но левый конец ряда, где он подходит к краю камня, совершенно закрыт полосой известкового натека, ширина которого как раз такова, чтобы скрыть один, т. е. 21-й, штрих. Если в действительности это было так, то тождественность этого изображения с остальными должна была быть полной. На соседнем камне слева имеются остатки еще одного ряда линий, находящихся уже на листе 6 (табл. XIII). К сожалению, они почти полностью разрушены сколами и известковыми натеками. Вместе с тем несколько ниже этих линий можно различить остатки каких-то геометризованных фигур. Подобные же фигуры, как мы помним, расположены и на фиг. *10* (лист 2), что еще больше сближает между собой эти композиции.

В правом верхнем углу листа 5 расположена еще одна фигура (*27*). Уже при первом взгляде на нее легко обнаружить, что она не только близка, но и принципиально тождественна фигуре *26* (лист 4), а в известной степени — и фигуре *24*. Кроме того, фигура, близкая к перечисленным, имеется и на одной из писаниц на озере Большой Аллак. Общее описание последних будет дано несколько ниже, но рассмотрение этой фигуры (рис. 28, *3*) удобнее сделать здесь вместе с изображениями со 2-й Бородинской скалы. В нижнем ряду приводятся некоторые этнографические параллели из рисунков и орнамента на бересте у манси и хантов. На фиг. 28, *5* изображена «няурне» (лягушка, точнее: ńaurt-nē — прыгающая женщина, лягушка) — рисунок на бересте с р. Казыма [71]. Легко заметить, что по общим очертаниям, положению передних и задних конечностей и манере изображения головы (фиг. *5*) в равной степени близка как первому, так и второму рисункам. Особенно характерной является манера завершения туловища двумя параллельными штрихами. Эта черта, весьма типичная для части угорских стилизованных изображений животных,— не что иное, как указатель женского пола изображаемого существа [72]. В известной степени она выражена и у фигуры *6*, изображающей медведя или медведицу [73], и очень отчетливо — у фигуры *9*. На фиг. *8* — «Порыбан Эква» (лягушка [74], точнее: «Porĭ^{v}-pan-ēkwa — прыгающая женщина, лягушка) — одна из 11 фигур, покрывающих кусок бересты. Происходит с р. Лозьвы от манси. Легко заметить очень большую близость этой фигуры, а также более упрощенного ее варианта (на рис. 28, *7*) [75], и рис. 28, *3* с озера Большой Аллак, как по общим очертаниям, так и по некоторым частным признакам. К последним относится ромбическая форма «головы», очень характерная для угорских изображений как человека, так и животных. В приводимых примерах мы видим ее также у фигур *6*, *7* и *9* [76]. Типична для тех же угорских изображений и своеобразная разветвленность конечностей, подобная тому как это мы видим в простейшей форме у фигуры *6*, с одной стороны, и у изображения *26* бородинской скалы — с другой. В усложненной форме эта разветвленность представлена в изображении медведя (или медведицы), обычном для орнамента на бересте [77], и в фигуре *24* со 2-й Бородинской писаницы (лист 4).

Приводя эти аналогии, я вовсе не хочу сказать, что фигуры *1*, *2*, *3* на рис. 28 обязательно являются изображениями лягушки, а фигура 4 — медведя. Даже в современном угорском орнаменте значения изображений иногда варьируют, а одно и то же существо может изображаться по-разному. Тем больше таких изменений и в очертаниях, и в значении могло произойти с течением времени. Все же, полагаю, можно с достаточной уверенностью говорить, что во всех этих четырех фигурах следует видеть какие-то зооморфные изображения, в том числе и лягушки. В этой связи следует отметить, что в угорской мифологии лягушка часто фигурирует как очень почитаемое существо. Naras-wā̆χum (лягушки-люди) — одна из крупных генеалогических групп дуальной экзогамной половины (фратрии) мось, имеющей большое количество локальных филиаций. Предок этой группы Naras-Naj — Болотная Вели-

---

[71] С. И. Руденко, 1929, табл. XIII, *9*.

[72] По числовой символике у обских угров (и некоторых других сибирских народов) четные числа связываются с женским, а нечетные — с мужским началом.

[73] МАЭ, колл. 2383—110.

[74] Там же, колл. 1342—22.

[75] Там же, колл. 623—2. Вышивка на нагрудном женском украшении.

[76] Другие многочисленные примеры см.: U. S. Sirelius, 1904; В. Н. Чернецов, 1948; он же, 1964.

[77] U. J. Sirelius, 1904, т. VI, *2*.

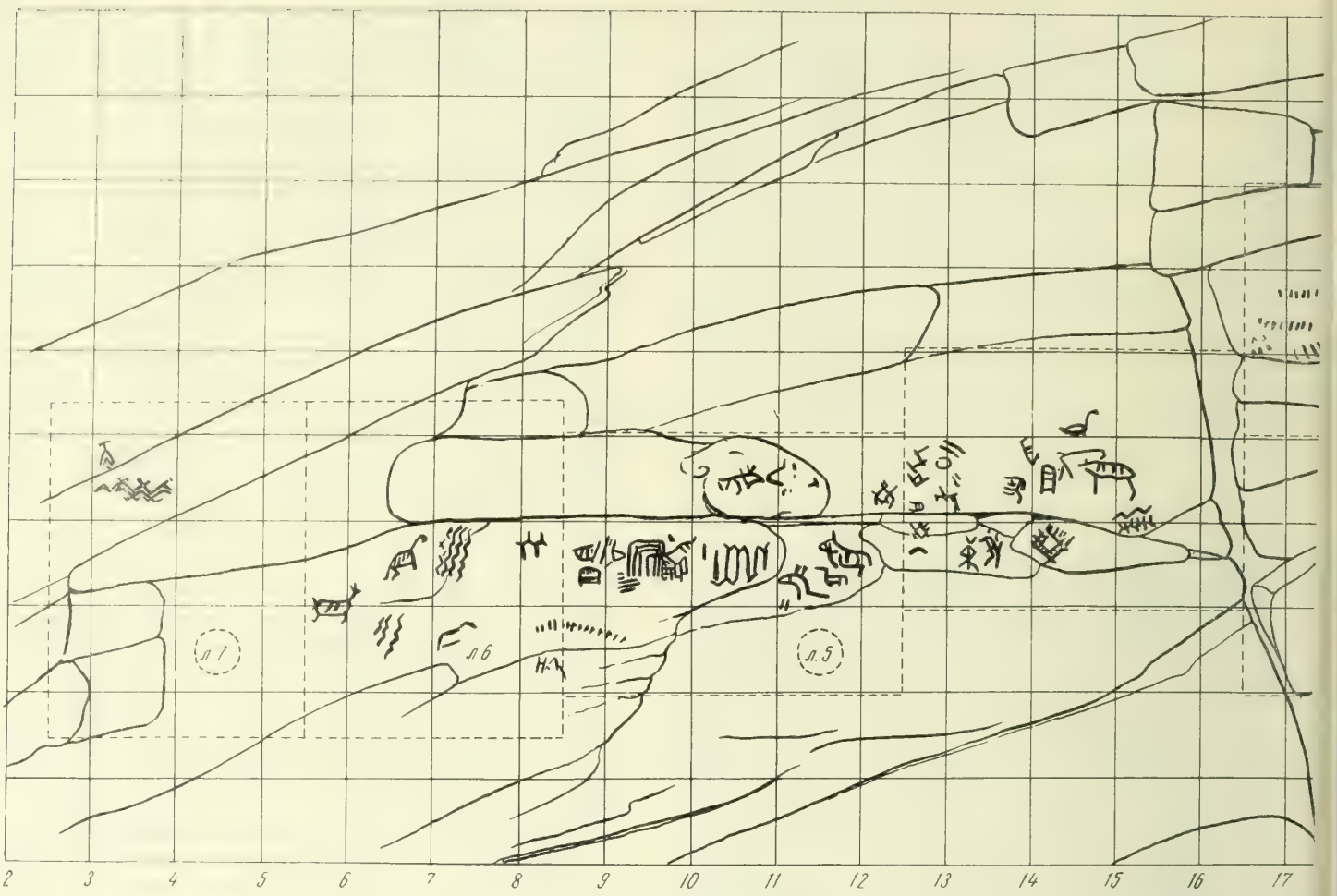


Рис. 26. Схема расположения групп изображений на 2-й Бородинской скале

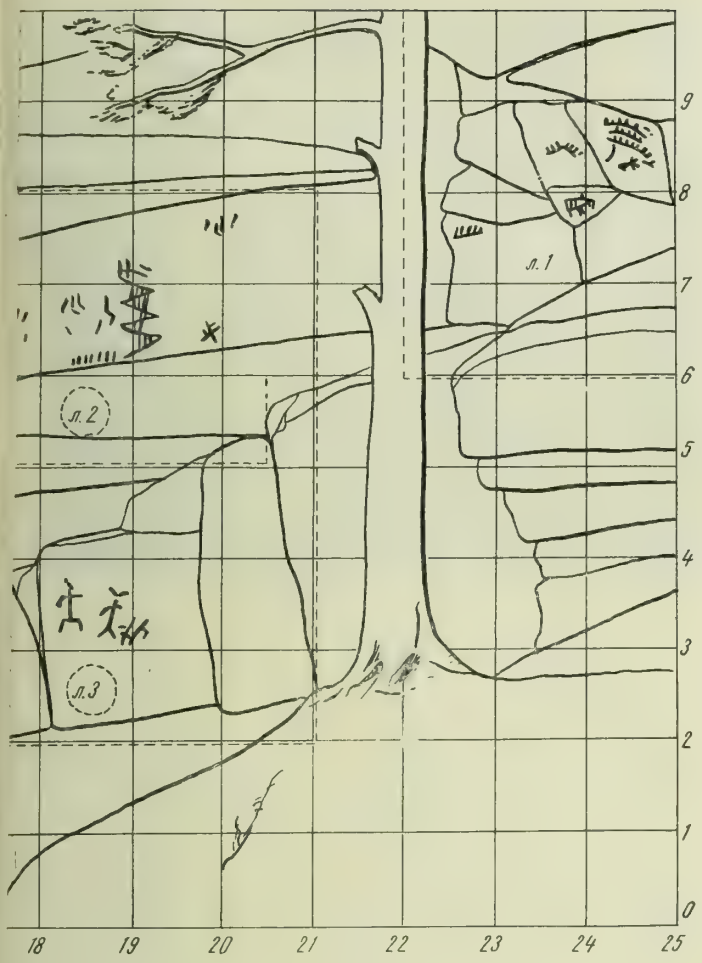
кая женщина, или Lus-xal-ēkwa (между кочками (живущая) женщина). Имя ее табуируется, особенно в северном диалекте у манси, и там самое слово «лягушка» (кроме описательных выражений) как будто совершенно исчезло из языка, хотя и сохранилось в ряде диалектов как мансийского, так и хантыйского языков. Изображение лягушки было типичным признаком в орнаментации одежды у женщин группы ńaras, и оно же нередко фигурировало с апотропеическим значением на мужских сумочках для хранения разных снадобий и прибора для добывания огня.

Если высказанные здесь предположения в отношении фигур *24*, *26* и *27* бородинских и одной аллакской скал в какой-то степени правильны, то их наряду с фигурами *11* и *12* со 2-й Бородинской и *5* и *6* с 1-й Бородинской следует рассматривать в несколько ином осмыслении, чем основную массу изображений, отчетливо увязывающихся с охотой и рыболовством. В дальнейшем мы еще вернемся к этому вопросу.

Лист 6 (табл. XIII) охватывает изображения левой части скалы между 5-м и 8-м метрами по горизонтали и между 2-м и 4-м — по вертикали. В правой верхней части его под рис. *39* помечены одиночные фигуры,— по всей вероятности, остатки ранее бывших здесь композиций. Одна из них представляет собой подобие косой гребенки, а две — обычного типа загородки в виде зигзага с отростками. Возможно, что они были связаны с группой изображений *40—44* или подобной ей, так как, судя по значительному количеству красных пятен на камне между фигурами *39* и *41*, *42*, должно было быть довольно много изображений. Композиция *40—44* состоит из трех изображений животных, одно из которых очень отчетливо и, вероятно, представляет собой косулю, а два — очень неясные, в силу чего они переданы на нашей копии не слишком точно. Можно думать, что еще одна фигура находилась перед *44*-й, но она почти совершенно смылась. Правее, непосредственно перед изображениями *43, 44,*— четыре параллельные зигзагообразные линии, в средней части совершенно перекрытые известковым натеком. Подобные зигзаги встречались уже неоднократно на различных писаницах в сочетании с изображениями животных, так что вся композиция довольно типична.

В нижней части листа находится ряд вертикальных линий, о которых речь была уже выше.

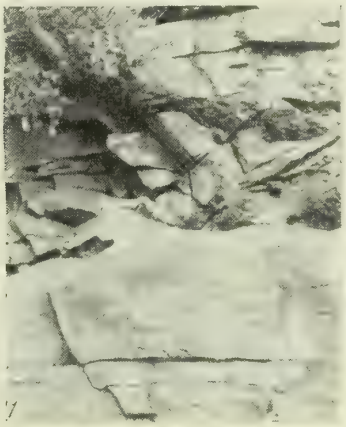
Лист 7 (табл. XIV) занимает крайнее левое положение, охватывая площадь между 2-м и 5-м, а по вертикали между 2-м и 4-м метрами. Здесь можно различить лишь два изображения, расположенные рядом на высоте 4 м.



Хотя они и относительно хорошо сохранились, понять и объяснить их трудно. Нижнее представляет собой сильно геометризованный двойной зигзаг, больше всего напоминающий орнаментальный пояс, типичный для керамики эпохи бронзы и современной берестяной посуды манси и хантов. Точки, симметрично расположенные между нижними отростками, еще более усиливают орнаментальный характер этого изображения. Фигура, находящаяся несколько выше, также не поддается объяснению, если только не допустить, что это знак типа тамги. Напомню, что тамгообразные знаки, очень близкие тамгам XVII в. и даже современным, обнаружились на Змиевом камне на Тагиле и Писаном — на Вишере. Характерно, что и там они расположены несколько особняком от прочих изображений, у левого края камня.

3-я Бородинская скала

Приблизительно в 3 км, считая по берегу (рис. 21, *1*), вверх по Режу от Бородинской мельницы, на левой стороне реки во время разведки, проведенной нами в 1958 г., была обнаружена небольшая писаница. Она находится на скалистом выходе, типа «каменной палатки», как их называют на Урале, возвышающемся в виде останца на крутом склоне берега (рис. 29). Этот останец сложен из крупных горизонтальных и наклонных плит, между которыми местами образовались небольшие ниши. В одной из таких ниш и была найдена писаница (рис. 30). От реки она находится на расстоянии около 100 м, в том числе вверх по осыпи, состоящей из нагромождения крупных каменных блоков. Несмотря на то что писаница несколько защищена от дождей, она сохранилась довольно плохо, а правая сторона ее и вовсе разрушена. Здесь откололась и упала часть плиты, на которой нанесены изображения, так что от крайней правой фигуры животного, скорее всего косули, сохранилась лишь половина (табл. XV, *1*). Ниже этого изображения, на покатой стороне камня, можно хорошо разобрать небосвод (XV, *2*), но относится ли он к этому животному или связан с нижележащими изображениями, сказать трудно. От последних осталось сравнительно немного. Довольно отчетливо различимы лишь остатки загородок в виде ломаных линий частично



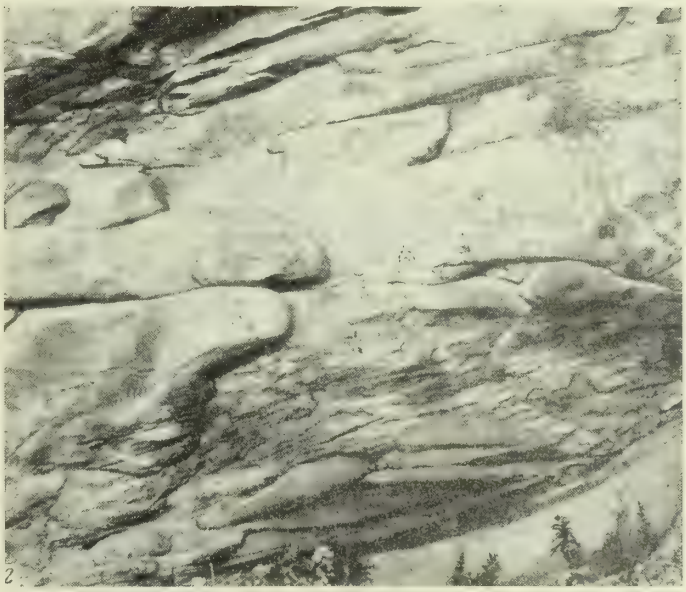


Рис. 27. Фотографии отдельных частей писаниц на 2-й Бородинской скале

1 — место расположения первой группы; *2* — центральная часть 2-й Бородинской писаницы
(фото Вл. Толмачева)

с отростками (фигура, *3*, *4*) и ряд вертикальных штрихов (фигура *5*). В правой нижней части камня — плохо сохранившаяся группа изображений. Не исключено, что в состав ее входит изображение небосвода (фигура *6а*), ниже которого находятся остатки как будто антропоморфной фигуры. В левой части камня расположена очень запутанная группа изображений, видимо, частично налегающих одно на другое (фигура *7*). Среди этих изображений как будто можно выделить одно условно-антропоморфное (фигура *7а*). В верхней части этой группы — остатки изображения загородки (фигура *7в*). Несмотря на ее плохое состояние, 3-я Бородинская писаница ни по составу и начертанию фигур, ни по содержанию, как видно, не выпадает из обычного типа. Вместе с тем она в некотором отношении представляет особый интерес. Как мы видели, эта писаница расположена в неприметном месте, и мы нашли ее совершенно случайно, пытаясь укрыться от дождя под навесом выступающей плиты. Этим она отличается от всех других известных нам наскальных изображений Урала, находящихся на хорошо видимых утесах. Судя по этой писанице следует полагать, что наскальные изображения могут оказаться и в других подобных же малозаметных местах, что значительно расширяет поле возможных поисков, хотя и усложняет их.

Параллельно с копированием писаниц на Бородинских скалах была произведена и разведка, давшая, впрочем, очень ограниченные результаты. Раскопы, заложенные у подножия первого и второго камней, показали наличие культурного слоя на глубине от 30 до 50 см. Последний залегает в виде углистых прослоек между камнями, многие из которых заметно обожжены. В слое попадаются осколки костей животных, а у 1-й Бородинской скалы в углистом слое найден черешковый наконечник стрелы, довольно грубо вытесанный из осколка трубчатой кости. Культурный слой обнаружился и на вершинах скал. Он очень скудный и неравномерный, сохранился преимущественно в трещинах камня и там, где защищен от смыва. На 1-й Бородинской скале в нижнем горизонте углистого слоя найдена керамика в виде небольших фрагментов от толстостенных неорнаментированных сосудов. В 1958 г. во время археологической разведки по Режу

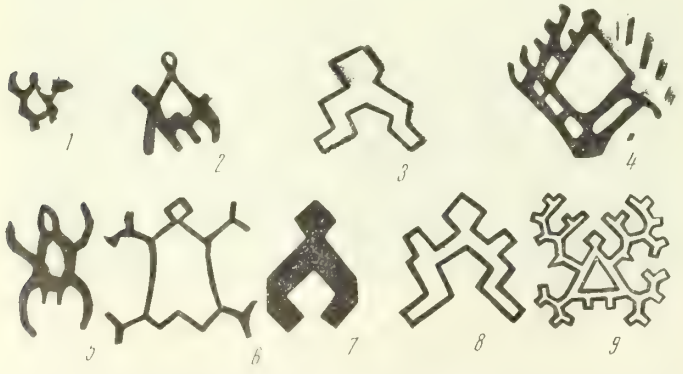


Рис. 28. Сопоставление некоторых фигур 2-й Бородинской и 3-й Аллакской писаниц с обско-угорскими изображениями на бересте (*1—9*)

Рис. 29. Каменная палатка на левом берегу р. Реж, на которой расположена 3-я Бородинская писаница

В. Д. Викторова обнаружила культурный слой и керамику в небольшом скальном навесе несколько выше 2-й Бородинской скалы. Навес этот был обследован и нами, но также без значительных результатов. Существенно отметить лишь то, что керамика, найденная под навесом, совершенно идентична собранной на 1-й Бородинской скале, но лишь не так мелко фрагментирована. Она тоже неорнаментирована и толстостенна и в некоторых случаях производит впечатление грубой гончарной. Последнее обстоятельство заставляет думать, что эти места посещались с культовыми целями уже в историческое время, когда местная керамика исчезает и вместо нее в небольшом количестве распространяется в XIV—XVI вв. татарская[78], а затем, возможно, и русская.

Верхнее течение Режа в археологическом отношении до сих пор еще совершенно не изучено. В связи с этим целесообразно упомянуть и другие, даже случайные находки, хотя бы прямая связь их с наскальными изображениями и писаными скалами прямо и не устанавливалась. Между 1-й и 2-й Бородинскими скалами в 30 м от обрыва была поднята заготовка плосковыпуклого тесла из уральской зеленокаменной породы. Орудие обработано правильными крупными сколами. Оно имеет закругленный обушок и удлиненную форму, слегка расширяясь к лезвию (рис. 31, *8*). По всей вероятности, его следует относить к эпохе бронзы. Поиски в этом месте не дали положительных результатов, кроме упоминавшейся уже поздней керамики. Тем не менее это уже не первая находка такого рода, так как в Свердловском музее хранится каменный молот, найденный в 1949—1950 гг. на Реже у камня-писанца у с. Липовского[79]. Молот имеет кольцевой поясок

[78] В. Ф. Викторова, 1962, стр. 48.
[79] Е. М. Берс, 1959, стр. 49.

Рис. 30. Схема расположения 3-й Бородинской писаницы

для привязывания. Один конец его расширенный и плоский, а другой, бывший, видимо, клиновидно приостренным, сколот еще в древности.

Около 20 км вверх по Режу и около 10 км по прямому направлению от Бородинских скал, на речке Адуй, недалеко от ее устья находится скала, известная под названием Адуйский Камень. Здесь в конце прошлого века в расщелине был найден хорошо известный в литературе адуйский идол и условно птицевидное изображение, хранящиеся теперь в Свердловском музее. Адуйский идол принадлежит к группе древовидных изображений, среди которых он самый крупный — 37,6 см. Всю эту группу А. Шмидт вполне убедительно датирует началом I тысячелетия до н. э. по плоскому однолезвийному ножу, форма для отливки которого находится на обороте формы для изготовления древовидного изображения, подобного адуйскому, но меньших размеров [80].

Адуйский Камень был обследован нами в 1958 г. Он представляет собой длинный утес, в основной своей части находящийся в 100 м от правого берега р. Адуя. Когда-то, вероятно, река, протекая под самой скалой, глубоко подмыла последнюю, в результате чего вся фасадная часть последней осела, завалив гигантскими глыбами русло. В настоящее время только верхняя часть камня острым ребром выходит к самой реке, которая, ударяя в него, отворачивает влево. Разведка была произведена лишь на вершине скалы, так как поиски у подножия ее, среди нагромождения камней и расщелин, заросших шиповником, практически невозможны. Вершина горы ровная, поросла сосновым лесом. Верхняя (считая по реке) оконечность скалы обращена на юго-восток и почти лишена растительности и почвенного слоя. Последний сохраняется только участками в расщелинах и ступенчатых уступах на краю камня. Здесь в нескольких пунктах недалеко от оконечности скалы обнаружился культурный слой, содержащий угольки, кальцинированные кости и обломки керамики.

Пункт 1. Скопление обломков преимущественно от одного сосуда. Последний диаметром около 28 см, видимо, круглодонный. Шейка почти прямая высотой 4 см, с довольно крутым перегибом к раздутому тулову. Край сосуда сильно уплощен, так что с внутренней стороны образует характерный карниз. Орнамент нанесен лишь по шейке и состоит из горизонтальных оттисков гребенки. Такими же оттисками, но пересекающимися так, что они образуют решетку, украшен и плоский край сосуда (рис. 31, *3*). Кроме того, было найдено несколько мелких

[80] A. Schmidt, 1930—1932, s. 6, 14.

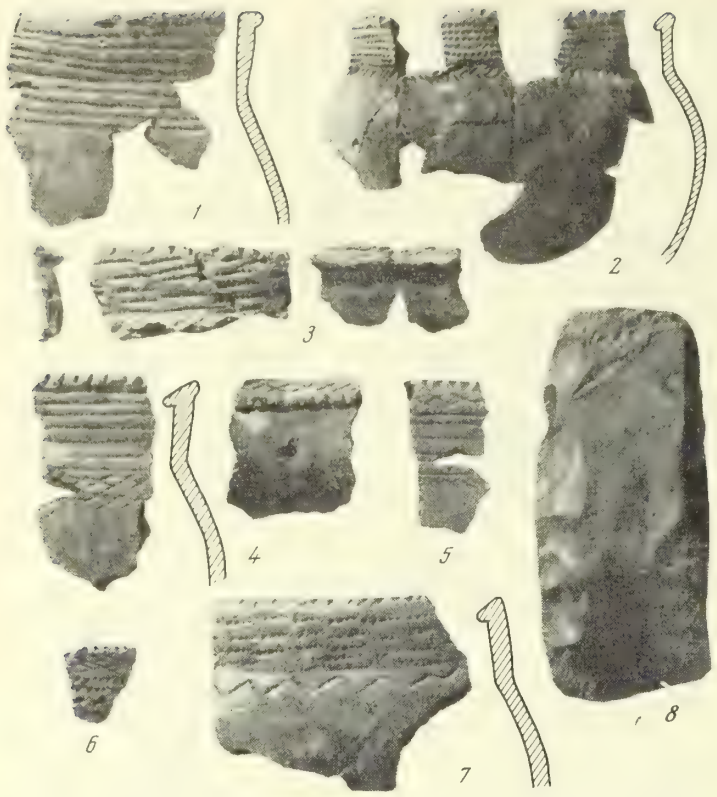


Рис. 31. Керамика с жертвенного места на р. Адуй (*1—7*) и каменное тесло, найденное около 2-й Бородинской скалы (*8*)

фрагментов от другого горшка, аналогичного по форме, но меньших размеров. У него орнамент также лишь по шейке. Сверху идет ряд уголковых вдавлений, сделанных гладкой лопаточкой, а ниже — три или четыре ряда оттисков шнура. Плоский срез украшен косой сеткой в виде гладкой лопаточки.

Пункт 2. Здесь обнаружились значительное количество мелких осколков костей и обломки от четырех сосудов.

Фрагментированный круглодонный сосуд диаметром 14 см по шейке и 16 см по тулову. Шейка прямая, слегка наклоненная внутрь. Край загнут и с внутренней стороны образует небольшой карниз, но меньший, чем у сосуда из пункта 1. Срез насечен гладкой лопаточкой. Орнаментирован по шейке рядами гребенки с треугольными зубцами. Ниже расположен один ряд горизонтальной елочки, выполненной гладкой лопаточкой (рис. 31, *2*).

Обломки сосуда, вероятно, круглодонного, диаметр 24 см по краю. Шейка прямая, слегка отогнутая. Край утолщен, так что получается небольшая закраинка с наружной стороны; сосуд орнаментирован круто свитым шнуром диаметром около 2 мм, отпечатки которого образуют десять редко расположенных по шейке витков. Срез украшен сеткой, нанесенной мелкозубой гребенкой (рис. 31, *1*). Обломки сосуда — подобного же типа, приблизительно такого же размера. Отличие заключается в том, что срез украшен отпечатками двух рядов шнура, а наружный край сосуда насечен гладкой лопаточкой.

Мелкие фрагменты небольшого сосуда, орнаментированного по шейке мелко свитым шнуром. Край сосуда имеет насечку. Выше и ниже пояса отпечатков шнура — по одному ряду косо перекрещивающихся отпечатков мелкозубой гребенки. Такой же гребенкой украшен и срез (рис. 31, *5*).

Мелкие обломки сосуда, видимо, подобной же формы, что и предыдущие. По срезу и краю — перекрещивающиеся отпечатки гладкой лопаточки. Ниже по шейке расположены два ряда отпечатков гребенки с треугольными зубцами, а еще ниже — два ряда полулунных вдавлений (рис. 31, *6*).

Кроме осколков костей и керамики в слое пункта 2 была сделана очень курьезная находка — оловянный свисток скорее всего XIX и не старше конца XVIII в. Принадлежность его к слою довольно очевидна, но связать его с керамикой не представляется возможным. Несколько метров далее был обнаружен следующий участок с культурным слоем, помеченный нами как пункт 3. В углисто-золистой почве залегало скопление костей, большей частью мелко колотых, частично кальцинированных, и несколько небольших обломков керамики.

Пункт 4. Расположен, как и остальные, на уступе края скалы в 10 м от 3-го. В углистом слое — обломки двух сосудов.

Круглодонный сосуд диаметром 28 см. Шейка прямая с довольно резким перегибом к тулову. Край загнут и скошен внутрь так, что образует хорошо выраженный карнизик, как и у сосудов из пункта 1. По краю сосуда — насечка, срез гладкий без орнамента. По шейке — ряды оттисков гребенки, а ниже перегиба — зигзаг из оттисков такой же гребенки (рис. 31, *7*).

Сосуд, вероятно, круглодонный, диаметр около 30 см. Шейка прямая, край загнут внутрь, срез уплощен и скошен, образуя карниз, украшен решеткой, выполненной насечками гладкой лопаточки. По шейке — семь рядов отпечатков шнура, а ниже — поясок в виде косой решетки, выполненной гладкой лопаточкой (рис. 31, *4*).

Описанная керамика, собранная на Адуйском Камне, как по форме сосудов, так и по орнаментации почти идентична найденной в слое жертвенного места на верхнем и среднем утесах камня Балабан близ д. Прянишниковой на р. Тагиле [81], а соответственно — и керамике с древних жертвенных мест, обнаруженных близ станции Исеть [82] на Голом Камне близ Нижнего Тагила и в некоторых других местах Среднего Зауралья. Интересно, что она отсутствует в сборах В. Викторовой с нижнего течения р. Режа и с р. Ницы. Возможно, что это обстоятельство указывает на локализацию керамики описанного типа. Что касается до ее возраста, то пока мы не можем ничего добавить к тому, что было сказано в первом выпуске. Ориентировочно будем продолжать относить ее к началу II тысячелетия н. э.

Находки на Адуйском Камне, начиная с медного древовидного «идола» и кончая описанной керамикой, охватывают промежуток времени от начала

[81] В. Н. Чернецов, 1964, стр. 46, рис. 36.
[82] Е. М. Берс, 1951, стр. 210, № 122.

I тысячелетия до н. э. до начала II тысячелетия н. э., т. е. свыше 2 тысяч лет, что свидетельствует об исключительно устойчивых традициях, существовавших у населения, оставившего эти памятники. Но этого мало. Обстоятельства говорят за то, что верхний предел указанного периода следует довести до XVIII, а может быть, и до XIX в. О последнем свидетельствует гончарная керамика с Бородинских скал и находки с древних жертвенных мест на Шарташских каменных палатках, о которых упоминает Н. Прокошев. «Каменистые вершины почитаемых скал,— пишет он,— сохранили нам пеструю смесь приношений за длинный ряд веков. Андроновского типа меандровая керамика с обильной примесью талька сочетается здесь с поздней плоскодонной неорнаментированной и даже с фарфоровой и стеклянной посудой. Встречаются и поздние металлические предметы, например медные «солдатские» пуговицы» [83]. На фоне этого сообщения перестает казаться анахронизмом и оловянный свисток, найденный в слое пункта 2 Адуйского Камня. Видимо, остатки мансийского населения по Среднему Зауралью еще вплоть до XIX в. продолжали тайком придерживаться своих исконных традиций, а тем более в таких глухих местах, как верхнее течение Режа. Не следует забывать, что обязательное крещение «инородцев» имело место всего лишь в начале XVIII в., а из донесений миссионеров хорошо известно, насколько поверхностно и непрочно было это формальное обращение в «истинную веру». Тот же Н. Прокошев сообщает о своих очень интересных наблюдениях, сделанных им при посещении деревень Копчик и Бабенки на р. Чусовой в 1940 г.:

«Жители деревень Копчик и Бабенки, во время путешествия И. Г. Георги еще не забывшие своих древних богов, не сообщили ему, где именно находятся их родовые жертвенные места... В 1940 г. картина уже была иной. Молодежь ничего не могла нам сказать. Старики же еще помнили о своих древних родовых святынях, но также, забыв уже старых богов, охотно про них нам рассказали. Над д. Копчик на горе стояла священная береза, к которой и стекались приношения. Основное жертвенное место, где стояли амбарчики для приношений и культовых изображений, было, однако, не здесь, а в нескольких километрах от деревни, вверх по речке Чувашке, правому притоку Чусовой» [84]. История, как известно, повторяется. По-видимому, и на этот раз старики не сказали Прокошеву всей правды. Из текста можно понять, что во время его посещения священного дерева уже не было. Это неверно. Почти 20 лет спустя в маленьком краеведческом музее Кушвинского завода нам показали рисунок, сделанный незадолго до этого, изображающий священное или, во всяком случае, почитаемое дерево недалеко от Серебрянки (р. Серебрянка — приток Чусовой. Прииск Серебрянка находится в нескольких километрах от Чувашки, упоминаемой Прокошевым). Еще несколько лет спустя А. К. Матвеев, рассказывая нам о своих впечатлениях от посещения деревень Копчик и Бабенки, упомянул о находящемся там дереве. Последнее, по его словам, уже не считалось священным, но лужайка около него являлась излюбленным местом для гулянок. Думается, что в последнем можно усмотреть прямую аналогию тому, что нам довелось услышать в д. Одиной в отношении ирбитского Писаного Камня. Вероятно, привычка собираться у какого-то определенного пункта надолго переживает породившие ее когда-то причины, связанные с культовыми действиями.

ИСЕТСКИЕ ПИСАНИЦЫ

По Исети писаницы засвидетельствованы только в верхнем ее течении — у д. Палкино и на Исетском озере. Несмотря на то что они расположены в ближайших окрестностях Свердловска, случилось так, что о них нет почти никаких данных. Неизвестно, сохранились ли они до настоящего времени или нет. Основные краткие сведения об этих писаницах приведены в Археологической карте г. Свердловска и его окрестностей, составленной Е. М. Берс. Самой ближней к Свердловску являлась писаница у д. Палкино, по сведениям О. Е. Клера, расположенная на левом берегу р. Исети на скалистых возвышениях мыса Гамаюн [85]. Более поздних сведений об этом памятнике нет. Вероятно, писаница не сохранилась, иначе бы Е. М. Берс, проводившая раскопки на мысе Гамаюн, имела о ней более полные данные.

На Исетском озере писаницы находятся (или по крайней мере находились) в северной его части — на острове Каменный и в глубине от берега на небольшой скалистой гряде. О последнем имеется лишь краткое сообщение Е. М. Берс. «На Исетском озере,— пишет она,— к северо-востоку от д. Мурзинки и к северо-западу от острова (мыса) Елового среди болот лежит небольшой гранитный остров длиной 40 м и высотой 14 м, доступный только зимой или в засушливые годы. В двух местах В. Я. Толмачевым и Н. А. Рыжниковым были обнаружены знаки, сделанные красной краской (копии не сохранились). При обследовании писаницы в 1940 г. П. А. Дмитриевым и Е. М. Берс были обнаружены только незначительные остатки краски» [86]. Этим исчерпыва-

---

[83] Н. А. Прокошев, АИА, стр. 162.

[84] Н. А. Прокошев, стр. 162а. Рукописное дополнение на обороте стр. 162. Ниже, в примечании, Прокошев приводит дополнительные сведения о чусовских вогулах, которые считаю целесообразным привести полностью. Автор сообщает, что сведения собраны им «от старика вогула Лазарькова. Кроме Лазарьковых помнят свои вогульские корни еще семьи Ахманаевых, Щатрабаевых и Ишкининых. Скуластость, монгольское веко, черные прямые волосы и темный цвет лица еще выделяют некоторых жителей деревень Копчик и Бабенки среди русского населения. Много имеется вогульских признаков в виде пережитков среди промыслового охотничье-рыболовного инвентаря и связанных с охотой и рыболовством терминов. Названия домашнего инвентаря, например ряда изделий из бересты, также еще вогульские».

[85] Е. М. Берс, 1951, стр. 217, № 147; СОГА, ф. 139, оп. 1, папка 5, л. 236.

[86] Там же, стр. 206, № 102.

ются наши сведения. Исчезла ли писаница на самом деле или П. А. Дмитриев и Е. М. Берс из-за отсутствия опыта просто не увидели ее, сказать трудно.

Несколько полнее данные по другой писанице, находящейся на Каменном острове Исетского озера. В Археологической карте Берс указано, что «писанец на Каменном острове находился на утесе, обращенном к востоку. Длина рисунков, сделанных красной краской, достигала в 1890 г. 4 м и 25 см ширины. Часть знаков была уже тогда уничтожена. В настоящее время знаки не сохранились» [87]. В 70-х годах писаницу на Каменном острове посетил М. Малахов, который довольно подробно сообщил о ней в своих публикациях. «Каменный остров,— писал он,— лежит на расстоянии нескольких десятков сажень от берега. Когда плотины не было, озеро было много меньше. Каменный остров, вероятно, был тогда береговой каменной палаткой. На одном из карнизов, возвышающихся сажень на восемь над уровнем воды, с восточной стороны — следы красной краски; тут довольно явственно представляются какие-то письмена, покрытые красной краской; местами они вследствие атмосферных явлений, разрушающих гранит, стерлись.

Характер здешних письмен имеет большое сходство с прочими уральскими «писанцами»: те же вертикальные прерывающиеся черты и решетки» [88].

В другой статье М. В. Малахов писал, что им была найдена «надпись в 27 верстах на северо-восток от Екатеринбурга, на Каменном острове Исетского озера. Надпись эта находится на утесе, обращенном к востоку. Длина 5 четвертей (около 90 см), ширина около 5 вершков (23 см); красная краска, которой покрыты письмена, местами уничтожилась, вероятно, вследствие атмосферных влияний» [89].

Приблизительно к тому же времени относится описание, сделанное Н. А. Рыжниковым, производившим в 1890 г. совместно с О. Е. Клером раскопки на Исетском озере: «Остров [90] Липовый (или Палатки.— *В. Ч.*), большой гранитный массив, высокий (до 20 сажень) на востоке, постепенно понижается к западу, где и образуется большое плоскогорье, возвышающееся над уровнем озера на 3—5 сажень. У юго-восточного угла острова, саженях в 25 (около 50 м) от него, возвышается другой, очень маленький (20 на 12 сажень у подножия и 9—10 сажень вышины) островок «Палатки» (он же Каменный.— *В. Ч.*), состоящий из обнаженной гранитной скалы, вытянутой с севера на юг, в гребне которой имеется «окно» — искусственное или природное установить невозможно. Вблизи окна была надпись, сделанная красной краской, теперь уже исчезающая» [91].

В 1914 г. Каменный остров посетил В. Я. Толмачев, сделавший зарисовку писаницы. Рисунок этот воспроизводится здесь по экземпляру, хранящемуся в фонде Толмачева (рис. 32) [92]. Он достаточно отчетлив, но, к сожалению, не имеет надлежащей ориентировки, и у меня возникает подозрение, что при перерисовке он был перевернут. Во всяком случае, при том положении, в каком он находится в деле, писаница совершенно не «читается». Если же рисунок перевернуть и рассматривать так, как он приведен здесь, то на нем легко можно разобрать ряд птицевидных изображений типа уточек, вполне подобных изображенным на Змиевом камне на р. Тагил. В левом верхнем углу, возможно, также птицевидное изображение, но иного типа — подобное очень обычным на Урале бронзовым фигуркам птиц с ластообразными крыльями, известным по находкам на озере Куяш-Огневское, горах Караульная и Азов и др., относящимся к I тысячелетию до н. э. [93] Поскольку можно судить по рисунку В. Толмачева, Каменноостровская писаница ко времени его посещения была еще в достаточно хорошей сохранности, мало отличаясь в этом отношении от других наскальных изображений Урала. Выше приводилось сообщение Е. М. Берс о том, что в настоящее время писаницы на Каменном острове нет. К сожалению, автор не указывает, на чем основаны ее сведения. Мне думается (учитывая большую устойчивость накрашенных изображений), что в той или иной степени писаница еще должна существовать, если только не обвалилась скала или ее не уничтожили туристы.

ПИСАНИЦЫ НА ОЗЕРЕ БОЛЬШОЙ АЛЛАК

Ближайшая на юг от Свердловска группа писаниц находится в Кыштымском районе между вершинами рек Течи и Синары — правобережными притоками р. Исети. Три пункта из этой группы расположены на озере Большой Аллак, в вершине речки Караболки, а на сводной карте помечены номерами 26, 27, 28. Еще один пункт упоминается в цитированной рукописи Н. А. Прокошева.

«Неизвестная еще в литературе пещера с писаницами внутри ее,— пишет Прокошев,— находится в 10 км от г. Кыштыма в Зауралье. Она была посещена без научного изучения Г. П. Сосновским, любезно сообщавшим эти сведения» [94]. Свидетельство Г. П. Сосновского достаточно надежно и авторитетно, чтобы не сомневаться в существовании этого памятника, которому таким образом можно придать номер (*35*). К сожалению, локализация пещеры «10 км от Кыштыма» очень обща, и поиски этого памятника могут оказаться затруднительными.

Писаницу в пещере, упоминаемую Г. П. Сосновским, территориально можно объединить в одну группу с аллакскими. К сожалению, о последних имеются также лишь крайне неполные сведения. Они находятся на прибрежных скалах озера Большой Аллак, в вершине р. Караболки, впадающей с правого берега в р. Синару, и были обследованы

[87] Е. М. Берс, 1951, стр. 210, № 119.
[88] М. В. Малахов, 1879, стр. 221.
[89] Там же, 1884, стр. 117.
[90] В данном случае мыс. Слово «остров» или «береговой остров» на Урале употребляется для скалистых гряд и холмов, возвышающихся на болотах.
[91] Н. А. Рыжников, 1927.
[92] АИА, ф. 1, д. 351/1914, л. 14, рис. 18.
[93] В. Я. Толмачев, 1913; Д. Н. Анучин, 1899; Н. Н. Бортвин, 1949.
[94] Н. А. Прокошев, стр. 43(44), прим. 1.

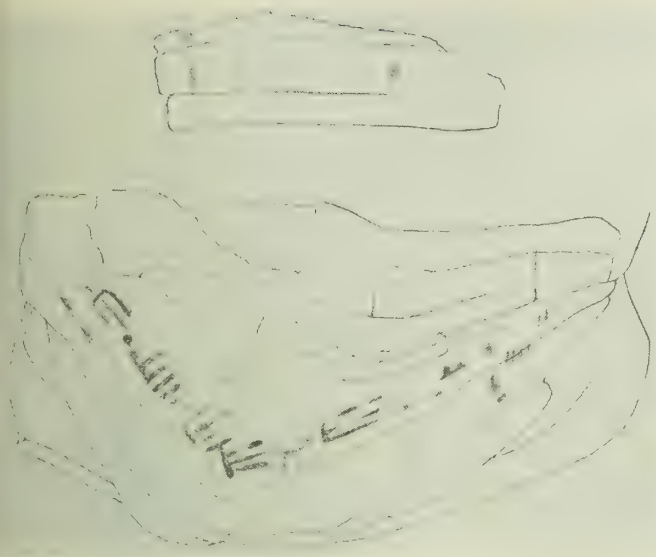


Рис. 32. Изображения на о-ве Каменном на Исетском озере
Зарисовка В. Я. Толмачева, архив ИА

В. Толмачевым в 1914 г. Его материалы хранятся в Свердловском государственном архиве и в Архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Свердловский фонд был обработан Е. М. Берс, которая хотя и в небольшой степени, но все же ввела в научное обращение заключающиеся в нем сведения по археологии Урала. В частности, Е. М. Берс приводит данные и по аллакским писаницам, которые она включила в составленную ею Археологическую карту междуречья Исети и Миаса [95]. Знакомство с этой картой в значительной степени облегчило мне поиски материала. Ниже приводятся сведения по материалам В. Я. Толмачева [96].

«Озеро Б. Аллак небольшого размера, [бе]рега его невысоки, тверды и песчаны, во многих местах с гранитными [кам]нями; на западном берегу... на мысу находятся невысокие [каменн]ые палатки в виде двух [неболь]ших возвышений из гори[зонталь]но расположенных гранит[ных] плит; на юго-восточной гладкой стороне... утеса, на высоте 1 м [зам]етно два неясных знака, [нанесе]нных красной краской, по-види[мому], знаков было больше, но... не видно из-за слоя покрывающей их сажи от разводимых здесь костров (рис. 33, *1*).

Против этого места на восточном берегу озера, во дворе заимки В. К. Трутнева, находятся каменные палатки более значительных размеров. Они расположены на небольшом холме, у самой воды и состоят из 10—12 отдельных выступов, высота наибольшего из них около 8 м» [97].

«Пространство между выступами покрыто более или менее толстым пластом чернозема, ниже которого идет дресва — продукт разрушения гранита и гранитная плита. По крутым склонам в осыпях попадаются черепки из глины с тальком.

На отвесной западной стороне северо-западного утеса, на высоте 1 м явственно видны остатки писаницы в виде многочисленных знаков красной краской. Длина площади, занятой писаницей на боках четырех гранитных плит, около 2 м, высота — около 1 м (рис. 33, *1, 2*). Лучше сохранившиеся знаки имеют красно-коричневый цвет, менее сохранившиеся — красно-суриковый, иногда розоватый. Знаки состоят из комбинаций почти исключительно прямых линий толщиной в 1—1½ см, нанесенных, может быть, пальцем» (рис. 34, *1*) [98].

«На юго-восточной стороне этого же утеса на высоте 3 м видны следы третьей писаницы, по площади вдвое меньше второй (рис. 34, *2*)» [99].

На листе 190 кроме схематического плана восточного берега озера Большой Аллак находятся и черновые зарисовки всех трех писаниц, а в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР хранятся негативы второй и третьей писаницы со скалы на восточном берегу озера.

Первая Аллакская писаница. Скала на западном берегу. В зарисовках В. Толмачева с этой скалы имеются лишь две крайне невыразительные фигуры геометризованных очертаний (рис. 33, *III*), которые с известной уверенностью можно сблизить с изображениями на второй Аллакской писанице, находящейся на восточной палатке.

Вторая Аллакская писаница. Писаницы на каменной палатке на восточном берегу озера Большой Аллак. Одна из них, Вторая Аллакская, по описанию В. Толмачева, находится на обращенных к воде (т. е. на запад) камнях одного из северо-западных скалистых выступов восточной палатки (рис. 33, *1, 2*). По этой писанице имеются фотографии формата 18 × 24 [100] и зарисовка, которые позволяют воспроизвести ее с достаточной полнотой (рис. 34, *1*). Довольно многочисленные и относительно хорошо различимые изображения писаницы представлены почти исключительно условно антропоморфными фигурами типа 2-й Бородинской — *11*, *12*, 1-й Бородинский — *5г*, *6б*, Ирбитской группы 1, Писаного Камня на Тагиле — *29*, *30*, *32* и др. Существенно отметить, что аналогичное впечатление создалось при осмотре писаницы на месте и у В. Я. Толмачева. Привожу его описание:

«На первой, верхней, плите, в середине ее: а) знак в виде трезубца, обращенного остриями вниз; б) остатки исчезающего знака. На второй плите: в) фигура мужчины высотой в 35 см; туловище изображено в виде прямой линии, голова изображена двумя линиями — вилкой, руки и ноги — ломаными линиями. Изображение очень ясное; г) остатки исчезающего знака...; е) фигура женщины; голова и туловище изображены одной прямой линией, руки

---

[95] Е. М. Берс. Археологическая карта междуречья рр. Миаса и Исети (рукопись хранится у автора). Приношу Елизавете Михайловне свою благодарность за разрешение ознакомиться с рукописью.

[96] В. Я. Толмачев, СОГА, ф. 139, оп. 1, папка 5, л. 187.

[97] Там же, папка 5, л. 187, 187 об. В тексте имеются небольшие пропуски, так как край первого листа несколько поврежден. В порядке нумерации листов допущена погрешность. В силу этого за листом 187 должен идти лист 191, а далее: 188, 189, 190.

[98] Там же, л. 191.

[99] Там же, л. 191 об.

[100] В. Я. Толмачев, АИА, негатив П 42319, инв. № 153—183.

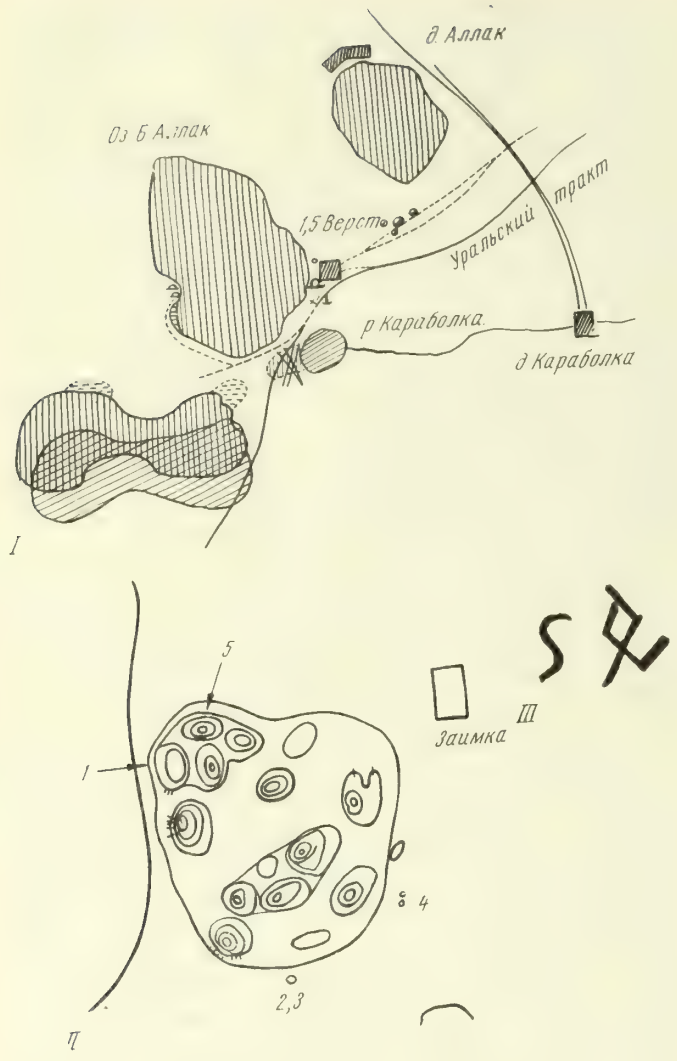


Рис. 33. Археологические памятники на озере Б. Аллак

I — схематический план и расположение 1-й (западной) писаницы на Малых каменных палатках и каменных палаток на восточном берегу; *II* — схематический план Больших каменных палаток на восточном берегу озера: *1* — скалистый выступ, на котором находятся 2-я и 3-я писаницы; *2* — место находки медного копья; *3* — место находки медного птицевидного идола; *4* — место находки черепов; *5* — каменные чаши; *III* — 1-я аллакская писаница (на Малых каменных палатках) по зарисовке В. Я. Толмачева (архив СОГА)

и ноги — короткими прямыми линиями... На третьей плите: и) фигура женщины, сходная с описанной в пункте «е», под ней — остатки исчезающего знака; л) знак в виде буквы Ш, несколько наклонной вправо... о) три женские фигуры, держащиеся за руки, головы их имеют вид развилины, остальные части изображены так же, как у фигуры, описанной в пункте «е», правая фигура едва заметна; п) подобная же женская фигура...» [101]

К этому описанию добавим, что в правом нижнем углу можно как будто различить крайне неясную фигуру животного, а несколько левее ее — небольшое солярное изображение и ряд вертикальных штрихов.

Третья Аллакская писаница находится, как указывает Толмачев, на юго-восточной стороне того же скалистого выступа, что и вторая, сохранилась она, видимо, хуже, почему и данные по ней более скудны. Все же с нее имеется фотография формата также 18 × 24 [102] (рис. 34, *2*), которая в какой-то степени дополняется кратким описанием и схематической зарисовкой. По своему содержанию третья писаница коренным образом отличается от второй. В ней совершенно отсутствуют антропоморфные фигуры, а те изображения, которые удалось хоть частично разобрать, указывают на известное сходство ее с композициями листов 4 и 5 2-й Бородинской скалы. В этом отношении следует отметить изображения животных, скорее всего оленей или косуль. В той степени, в какой их можно разобрать, у всех фигур показаны ребра и отчасти внутренние органы. Другой ее характерной чертой является обилие сото- и зигзагообразных фигур, изображающих, как можно полагать, загородки и ловушки. Третий и, может быть, самый своеобразный и характерный признак — фигура, расположенная в верхней правой части писаницы, отдельно представленная на рис. 28, *3*, где показано сходство ее, как и аналогичных бородинских, с изображениями лягушки в угорских рисунках, на бересте и орнаменте. Таким образом, можно сделать вывод, что третья Аллакская писаница в целом относится к первому сюжету в уральских наскальных изображениях (о сюжетах подробнее ниже), заключающему в себе фигуры животных и ловчих сооружений, а наличие в ней изображения «лягушки», не встречающейся в других местах, заставляет думать, что между писаницами Режа и Большого Аллака имеется особо тесная связь. Вместе с тем следует еще раз отметить различия в содержании изображений между второй и третьей Аллакскими писаницами, хотя они и расположены лишь на разных сторонах одной и той же скалы. С подобным явлением мы сталкивались и ранее, правда, не в столь яркой форме. Примером могут служить композиции, содержащие изображения животных, птиц, загородок и людей на Балабане 1, Змиевом Камне и Сокольинских утесах, с одной стороны, и условно антропоморфные и стилизованные зооморфные фигуры Писаного Камня на том же Тагиле — с другой [103]. Ранее мной уже было высказано предположение, что это различие в тематике соответствует двум хронологическим пластам или, что, может быть, вернее, эти две категории изображений отражают собой разные ступени развития в представлениях и обрядах у населения, оставившего наскальные изображения. К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

Попутно с изучением писаниц В. Толмачев провел около озера Большой Аллак археологические разведки. «Пробный разрез,— пишет он,— шириной в 2 м и длиной в 4 м, проведенный у подножия второй писаницы, дал следующие находки на глубине 10—25 см, в буроватом культурном слое,

[101] В. Я. Толмачев, СОГА, ф. 139, папка, 5, лл. 191, 191 об.

[102] В. Я. Толмачев, АИА, негатив II 42320, инв. № 153—184.

[103] В. Н. Чернецов, 1964.

Рис. 34. 2-я и 3-я писаницы на озере Б. Аллак, по фотографиям В. Я. Толмачева (архив ИА)

Рис. 35. Материалы из раскопок В. Я. Толмачева на озере Б. Аллак

залегавшем непосредственно под дерном (рис. 35; здесь в рукописи имеется сноска: «Разведка Ник. Яков. Толмачева»). На листе 198 об. Толмачев дает схему этого планшета с порядковыми номерами его описания [104]:

«1. Ножевидная пластинка из молочно-серого кремня (кварца?) длиной в 5,4 см.

2. Ножевидная пластинка из серо-зеленой яшмы длиной в 4,5 см.

3. Ножевидная пластинка из серо-зеленой яшмы длиной 4,5 см, с двух сторон ретушированная мелкой оббивкой.

4. Ножевидная пластинка из молочно-серой яшмы длиной 4,5 см с двумя выемками около нижнего края, ретушированная со всех сторон повторной оббивкой.

5. Ножевидная пластинка из серо-зеленой яшмы длиной 3,5 см с зазубринами по краю.

6. Ножевидная узкая пластинка из серо-зеленой яшмы длиной в 2 см.

7. Ножевидная узкая пластинка из серо-зеленой яшмы длиной в 3 см.

8. Ножевидная пластинка из розоватой яшмы длиной в 3,7 см, ретушированная поперечной оббивкой.

[104] Материалы, полученные из раскопок Толмачевых, поступили затем в Музей УОЛЕ, ныне Свердловский областной музей, где и хранится за № 248, С/М-8811 (Е. М. Берс, 1959, стр. 61). На рис. 35 приводится фотография этой коллекции по негативу, хранящемуся в АИА (АИА, негатив № Ш 13932, инв. № 153—185), в том виде, как она была нашита на планшет.

9. Узкая ножевидная пластинка из серо-зеленой яшмы длиной в 4,5 см, конец ее, повторно оббитый, обделан в виде острия.

10. Ножевидная пластинка из розовой яшмы длиной в 4,2 см, с двух сторон ретушированная повторной оббивкой» [105].

В этих десяти предметах заключается первая группа находок, относящихся к наиболее раннему времени. О древности вещей свидетельствует уже материал— яшма, в том числе зеленая, применявшаяся, как правило, лишь в мезолите и раннем неолите. Уже для среднего неолита Зауралья она не типична. К раннему неолиту — Козловской фазе — относится и наконечник с боковой выемкой (рис. 35, *9*). Столь же типичны для поделок того времени и пластинки с боковыми выемками, как на рис. 35, *4* [106]. Ориентировочная дата этого комплекса не выходит, видимо, за пределы первой половины IV тысячелетия до н. э. К следующей группе находок надо отнести наконечники № 11—16 (рис. 35). Все они сделаны из серого кремня различных оттенков и, видимо, кварцита и имеют удлиненно подтреугольную форму с прямым основанием и слегка выгнутыми боковыми гранями. Большинство из них тщательно обработано отжимной ретушью. Подобные наконечники очень типичны для II тысячелетия до н. э., т. е. для эпохи развитой бронзы Зауралья. К этому же комплексу относятся и все фрагменты керамики (рис. 35, *17—26*), которые, видимо, происходят от сосудов черкаскульского типа. К третьей группе находок относятся трехгранные и трехлопастные наконечники стрел (рис. 35, *27—31*), не выходящие из пределов второй половины I тысячелетия до н. э.

Как видим, материал, полученный Толмачевыми, обладает рядом своеобразных черт: с одной стороны, он охватывает огромный промежуток времени — не менее 3 тысяч лет; с другой,— здесь сконцентрированы находки, которые для небольшого раскопа следует признать значительными, и, наконец, состав коллекции, слагающейся главным образом из наконечников стрел, пластин-вкладышей и керамики. Подобную картину можно наблюдать в жертвенных пещерах, подобных чусовским или Мамонтовой на р. Ивдель, где обнаруживаются десятки и сотни наконечников стрел разного времени — от неолита и до средневековья. Обилие наконечников в сочетании с обломками посуды характерно и для многих других жертвенных мест Зауралья и Западной Сибири, включая и этнографические, в наиболее поздних из которых наряду со стрелами находятся и свинцовые пули.

Все это заставляет думать, что и памятник, обнаруженный непосредственно у наскальных изображений восточной палатки Толмачевым, следует рассматривать как остаток какого-то древнего культового места, вероятно, связанного с данными писаницами. Это же в свою очередь заставляет нас задуматься и о начальной дате наскальных изображений Урала или по крайней мере тех обрядов, с которыми писаницы были связаны. Возможно, что эту дату следует значительно отодвинуть в глубь веков.

Кроме раскопок В. Я. Толмачев собрал сведения об археологических находках у озера Большой Аллак; некоторые из них он обнаружил в непосредственной близости от писаниц.

«По сообщению арендатора близлежащей усадьбы Василия Петровича Трутнева около этих же каменных палаток им случайно были найдены следующие предметы:

32. Около самой воды, против утеса с писаницей,— гранитная плита круглой формы.

33—34. В 20—30 м на восток от палаток — два человеческих черепа на небольшой глубине (рис. 33 II — *4*).

35. В 25—35 м на юг от палаток — медное копье (рис. 33, *2*).

36. Медный птицевидный идол, там же, где копье (рис. 33, *2—3*).

По сообщению местных жителей... медный инструмент, похожий на сошник, был найден вместе с кинжалом на пашне, на западном берегу озера Большой Аллак, недалеко от Малых каменных палаток» [107].

Относительное обилие находок медных предметов и, в частности, птицевидного идола по берегам озера наводит на мысль, что обнаруженное Толмачевыми жертвенное место было не единственным, что подчеркивает комплексный характер древних культовых памятников на озере Большой Аллак. Особенный интерес в этом отношении представляет захоронение черепов, в непосредственной близости от которых находился и птицевидный идол, что, несомненно, можно интерпретировать как остатки особого культового места для хранения душ какой-то локальной группы. Этот вопрос был уже отчасти затронут в первом выпуске данной работы [108], но подробнее на нем мы остановимся несколько дальше. Чтобы закончить с памятниками озера Большой Аллак, упомяну еще об одном пункте, отмеченном Толмачевым, хотя связь его с археологическими находками и не так уж ясна. «В середине северо-восточного выступа (восточной палатки.— *В. Ч.*) образовалось углубление в виде чаши, открытой с северной стороны, вышиной около 90 см и диаметром более 1 м. Чаша небольших размеров, с диаметром около 70 см и глубиной около 10 см, с разрушенным западным краем, видна на одном из северо-западных выступов» [109] (рис. 33). Эти каменные чаши, по всей вероятности, естественного происхождения (подобные так называемым чертовым мельницам) нередко встречаются на уральских каменных палатках, и часто в непосредственной близости от них находятся древние памятники (например, Петрогром около Свердловска). Не исключено, что и здесь чаши играли какую-то роль.

Аллакской группой завершается описание известных нам наскальных изображений Зауралья. Все последующие относятся уже к западному склону: на р. Серге, в Барановской и Идрисовой пещерах,

[105] В. Я. Толмачев, СОГА, ф. 139, папка 5, лл. 191 об., 188, 188 об.
[106] В. Н. Чернецов, 1968, стр. 41, 43 рис. 1—8.
[107] В. Я. Толмачев, СОГА, ф. 139, папка 5, лл. 188 об., 189.
[108] В. Н. Чернецов, 1964, стр. 28, 35.
[109] В. Я. Толмачев, СОГА, л. 187 об.

расположенных в верховьях рек Уфы и Юрюзани, и камни Писаный и Моховой на р. Вишере. За последнее время на западном склоне прибавился еще один пункт. Года два назад В. Т. Петриным из Свердловска была обнаружена и скопирована писаница на р. Уфе, которую помечаю на карте № 36. Писаницы западных склонов в целом не выпадают из общей массы наскальных изображений Урала, но содержат некоторые специфические черты и, возможно, в большинстве своем относятся к довольно позднему времени. Все это в значительной степени соответствует археологическим данным. Многие районы западных склонов Урала в отдельные периоды их истории в большей степени связаны с Зауральем, чем с Прикамьем. Воздействие восточноуральских культур отчетливо прослеживается в позднем неолите и ранней бронзе Чусовского Прикамья, но особенно оно сильно для эпохи раннего железа и для гляденовской, ломоватовской, харинской культур. Да и в историческое время по верхнему течению Вишеры и по Чусовой жили вогулы-манси, а С. Руденко указывает территорию, обитаемую вогулами, в верховьях р. Уфы, между реками Бисерть и Серга [110]. Эти места как раз и совпадают с областью распространения западноуральских писаниц.

ПИСАНИЦЫ НА РЕКЕ СЕРГЕ

Как уже указывалось в первом выпуске, открытие писаниц на р. Серге связано с именем свердловского краеведа Н. Н. Хрущева. Последний нашел их еще в 20-х годах, но не придавал своей находке большого значения и лишь в 1959 г. опубликовал описание писаниц и фотографии с них в журнале «Уральский следопыт» [111]. Река Серга — приток р. Уфы в верхнем ее течении — протекает в самой крайней юго-западной части Свердловской области, и сведений о существовании писаниц в этой части Урала еще никогда не поступало. Район этот особенно интересен и тем, что расположен уже на западном склоне, в бассейне р. Белой, и, таким образом, может служить связующим звеном между писаницами зауральскими и юрюзанскими. Скала, о которой сообщил Н. Хрущев, находится ниже г. Нижние Серги по направлению к Михайловскому заводу, в 6 км от разъезда Бажуково. Приметным ориентиром является очень своеобразная скала Медведь-Камень, расположенная в 2 км выше по реке на правом ее берегу. Сам Писаный Камень находится на левом берегу реки. В этом месте, несколько ниже широкого лога, по которому протекает ручей, впадающий в Сергу, начинается гряда высоких утесов, протянувшихся отвесной стеной вдоль прямого плеса реки (рис. 36). Нижний конец этой гряды завершается скалой высотой около 40 м, выступающей небольшим мысом, обращенным на юг. Основание скалы сильно подмыто рекой, так что образует навес над водой. Здесь на высоте 6 м над рекой на гладких камнях и расположены изображения. Непосредственно под ними на скале имеется узкий карнизик, достаточный все же для того, чтобы на нем мог встать человек. До берега этот карниз, однако, не доходит, по-видимому, из-за обвалившихся здесь камней. Поэтому, чтобы добраться до изображений, нам пришлось соорудить из бревен примитивный переход над водой.

На скале, в соответствии с сообщением Н. Хрущева, обнаружены две группы изображений на двух плоскостях скалы, расположенных под прямым углом друг к другу (рис. 37, табл. XVI).

Группа 1 (табл. XVI, *1—5*, *8*, *9*). Композиция содержит одну фертообразную фигуру человека и справа от нее — три или четыре фигуры животных, скорее всего косуль. Последняя из них (табл. XVI, *5*), расположенная у самого стыка плоскостей, очень нечетка и сильно пострадала от сколов, но все же в существовании ее едва ли можно сомневаться. Сантиметрах в 30 и выше фигуры первого животного (табл. XVI, *2*) находится изображение небосвода очень обычного типа (табл. XVI, *8*), а еще выше, на расстоянии 130 см,— изображение солнца (табл. XVI, *9*). Его лучи, судя по одному, сохранившемуся полностью, имели раздвоенные концы, подобно изображениям на Верхнем Балабане и Змиевом камне на Тагиле.

Группа 2 (табл. XVI, *6*, *7*) расположена в непосредственной близости от первой, вправо от нее. Наиболее заметной в ней является фигура человека (табл. XVI, *6*), совершенно идентичная первой. Правее ее небольшой, но отчетливый солярный знак

Рис. 36. Река Серга. Писаный Камень отмечен стрелкой (*1—26*)

[110] А. И. Руденко, 1925, карта.
[111] Н. Н. Хрущев, 1959.

Рис. 37. Место нахождения изображений на Писаном камне на р. Серге

(табл. XVI, 7), а слева и ниже — ряды вертикальных линий, в средние части которых, возможно, включены две фигуры животных, впрочем, уверенности в этом и нет. Под изображением человека и между вертикальными штрихами — два четких круглых пятна краски.

Хотя отчетливость большинства изображений достаточно хорошая, общую сохранность писаницы нельзя назвать удовлетворительной. При этом пострадала она не от времени и атмосферных воздействий, а от деятельности местных охотников, к сожалению, избравших ее мишенью для спортивных упражнений. Особенно пострадала самая сложная левая часть правой группы, которая вся усеяна свежими сколами. Трудно сказать с уверенностью, составляют ли обе группы единую композицию. Возможно, что и так, поскольку в сюжетном отношении они как бы дополняют одна другую.

Сергинская писаница ни по композиции, ни по содержанию не отличается от зауральских. Антропоморфные фигуры в стилистическом отношении близки некоторым тагильским, а особенно ирбитским. Некоторое своеобразие можно отметить лишь в манере изображения животных, в частности для фигуры 2, у которой на задних ногах подчеркнуто выступание пяточных костей, не встреченное в изображениях на других писаницах. Однако, как увидим далее, и эта черта не чужда древним зауральско-западносибирским изображениям, так что и в данном случае ее можно отнести к категории индивидуальных или локальных вариаций, не выпадающих из общей системы.

Небольшая археологическая разведка была произведена вокруг сергинского Писаного Камня, в частности, в находящейся в нем обвалившейся пещере, но без каких-либо положительных результатов. Правда, из-за недостатка времени мы не имели возможности осмотреть расположенные несколько ниже по Серге пещеры Провал и Дружба.

Последняя под этим названием известна уже с прошлого века, причем имеются сведения о том, что в ней были найдены какие-то археологические предметы (как будто костяные наконечники стрел).

Вне всякого сомнения, район Серги заслуживает большого внимания. Не следует забывать, что находка сергинской писаницы не является результатом специальных поисков, а, скорее, случайна. Надо думать, что поиски как по самой Серге, так и по ее притоку Бардыму, отделенному от нее небольшим Бардымским хребтом, а также по р. Уфе могут открыть новые группы наскальных изображений, так как трудно допустить, чтобы эта писаница являлась совершенно изолированной и единственной в этом обширном районе.

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПО РЕКЕ ЮРЮЗАНИ

Ближайшими к сергинской писанице и расположенными с ней в одном бассейне верховьев Уфы являются наскальные изображения р. Юрюзани, известные по двум пунктам — Бурановской и Идрисовой пещерам.

Бурановская пещера расположена на левом берегу р. Юрюзань, недалеко от поселка Усть-Катава, и исследована С. Н. Бибиковым в 1938 г.[112]. С правой стороны у входа в пещеру С. Н. Бибиков обнаружил небольшую писаницу, расположенную на высоте 25 см над полом. Она состоит из двух изображений

Рис. 38. Изображения в Усть-Катавской пещере (по С. Н. Бибикову)

(рис. 38), сохранившихся, видимо, не полностью[113]. В верхней из фигур исследователь видит «наконечник гарпуна, имеющий четыре бородки, две у жальной части и две у насада», а в нижней — «изобра-

[112] С. Н. Бибиков, 1950.
[113] Там же, рис. 9.

жение какого-то животного (лось, лошадь?)» [114]. Трудно сказать, насколько могут быть близки к истине эти догадки. Со своей стороны, пожалуй, воздержусь их поддерживать или оспаривать, тем более что они могут быть и условными тамгообразными знаками, расшифровывать которые в большинстве случаев крайне трудно. В результате проведенных раскопок С. Н. Бибиков обнаружил в слоях, отложившихся в пещере, три разновременных комплекса. Самый поздний из них залегал в верхнем горизонте преимущественно до глубины 30—35 см. Материал из этого слоя Бибиков отнес к эпохе бронзы, с чем, очевидно, следует согласиться, так как многие из приводимых им в публикации фрагментов керамики как профилировкой, так и орнаментом достаточно близко напоминают керамику гамаюнско-каменногорского типа. В этом же горизонте встречены кости трех человек — двух взрослых и одного ребенка, залегавшие в разрозненном состоянии. Несколько глубже, на поверхности второго слоя, т. е., как можно понять, на глубине около 65—70 см, встречено еще одно непотревоженное детское погребение, по мнению Бибикова, не связанное с верхними, так как оно было перекрыто ненарушенными отложениями пещерного суглинка. Автор относит это погребение к концу неолита, с чем также можно согласиться, и связывает с ним изображения на стене пещеры. Главным основанием для этого является цвет охры. С. Бибиков отмечает, что «сличение цвета охры из ямки у черепа погребенного с цветом изображения не оставляет сомнения в полной цветовой адекватности». В то же время он отмечает, что в верхнем культурном слое никаких признаков охры обнаружить не удалось, несмотря на тщательные поиски. В пользу предположения, высказанного С. Бибиковым, может как будто говорить расположение писаницы. Изображения были обнаружены на высоте 25 см от уровня пола пещеры, что в общем довольно не характерно. Как правило, писаницы бывают расположены не ниже, чем на уровне 1 м, а обычно выше. Если же определять высоту расположения фигур в Бурановской пещере не от современной поверхности, а от второго культурного слоя, то она окажется как раз на уровне 1 м, что несравненно более типично. С другой стороны, мы знаем, что иногда изображения встречаются и у самой подошвы скалы, как, например, на Змиевом Камне, Писаном Камне на Тагиле и Писаном Камне на Вишере, причем во всех случаях это тамгообразные знаки. В то же время отмеченная выше идентичность цвета охры может быть обусловлена тем, что в обоих случаях использовали одно и то же ближайшее месторождение краски.

Все эти соображения заставляют пока оставить открытым вопрос о датировке писаницы в Бурановской пещере.

Исходя из стилистических особенностей изображений, С. Н. Бибиков не считал возможным связывать бурановскую писаницу с зауральскими. Не думаю, однако, чтобы применительно к обнаруженным в пещере фигурам можно было бы говорить о «мертвящей статичности» или о «полном безразличии к пластике и пропорциям» [115]. Просто изображения не содержат в себе достаточного материала для подобных суждений. Что же касается «угловатости рисунка», то он довольно обычен среди зауральских писаниц. Гораздо более надежной может быть попытка определить принадлежность бурановских изображений на основе обнаруженного в пещере археологического материала. С. Н. Бибиков указывает, что подвески, найденные при погребении, сделаны из зауральского офита. Подобные же подвески найдены и в погребении из Старичного Гребня — пещере, соседней с Бурановской. В те годы автор не мог указать ни одной аналогии юрюзанским погребениям в Зауралье. Теперь же как на Урале (Аятское озеро), так и далее на восток (Андреевское озеро) хорошо известны погребения, относящиеся к концу неолита и началу металла, тождественные юрюзанским. Для этих погребений характерны трупоположение, сожжение, засыпка охрой и подвески, как каменные шлифованные сердцевидной формы, так и костяные, имитирующие клыки оленя, тождественные обнаруженным в Старичном Гребне, Усть-Катавской II и Бурановской пещерах. Верхний слой был отнесен С. Н. Бибиковым к эпохе поздней бронзы и, как уже отмечалось, содержал керамику, близкую гамаюнско-каменногорской, т. е. зауральской. Обнаруженные там ножевидные пластинки, связанные, по мнению Бибикова, с этим же слоем, сделаны из цветного яшмовидного кремня — материала типично зауральского, отсутствующего на самой Юрюзани.

Подобную же точку зрения высказала Л. Я. Крижевская. «Малочисленность поселений,— пишет она,— своеобразный инвентарь... заставляют предположить, что на побережье р. Уфы в неолитическое время не сложилась самостоятельная неолитическая культура. Существовавшее здесь население, по-видимому, входило в широкий круг зауральской племенной общности» [116]. Для эпохи поздней бронзы, Л. Я. Крижевская также отметила в памятниках по р. Уфе и устье Юрюзани наличие зауральской керамики гамаюнского типа [117].

Таким образом, на протяжении всего периода времени, охватывающего свыше тысячи лет, население, оставившее культурные слои и погребения в Бурановской и соседних пещерах, было более или менее тесно связано с Зауральем. Естественно допустить, что деятельности этого населения следует приписать и бурановскую писаницу, которая тем самым должна быть включена в круг зауральских наскальных изображений, несмотря на ее некоторые возможные особенности, отмеченные С. Н. Бибиковым.

ИДРИСОВА ПЕЩЕРА

Другая группа наскальных изображений на р. Юрюзани была обнаружена в пещере близ д. Идрисово. Первые сведения о ней поступили от сотрудника Башкирского центрального краеведческого музея М. И. Касьянова, обследовавшего ее еще в 30-х

[114] С. Н. Бибиков, 1950, стр. 100.

[115] С. Н. Бибиков, 1950, стр. 104.

[116] Л. Я. Крижевская, 1962, стр. 110.

[117] Там же, стр. 80.

годах. По его словам, писаница представляет собой «схематические линейные, нанесенные красной краской изображения, напоминающие человеческие фигуры» [118]. В 1951 г. пещеру обследовала М. А. Бадер, которая и скопировала изображения. Несколько лет спустя три фигуры из идрисовой писаницы были по этим копиям опубликованы О. Н. Бадером и В. А. Обориным, но в целом вся писаница остается до настоящего времени не только неизданной, но и неописанной. По поводу самих изображений Е. Ф. Лагодовская высказала мнение, что они напоминают «аналогичные изображения испанских пещер и рисунки пещеры Мас-д'Азиль во Франции [119]. Близко к этому и мнение, высказанное О. Н. Бадером и В. А. Обориным, которые, однако, пошли дальше в своих выводах. По мнению авторов, «манера и стиль изображений (Идрисовой пещеры.— *В. Ч.*) имеют много общего с мезолитическими изображениями более западных областей Европы и также могут быть датированы мезолитическим временем» [120].

Трудно сказать, насколько этот вывод, сделанный без попытки сопоставить изображения Идрисовой пещеры с территориально наиболее близкими зауральскими, может быть близок к истине. Действительно, приведенные О. Бадером и В. Обориным фигуры (рис. 39) по своим позам несколько отли-

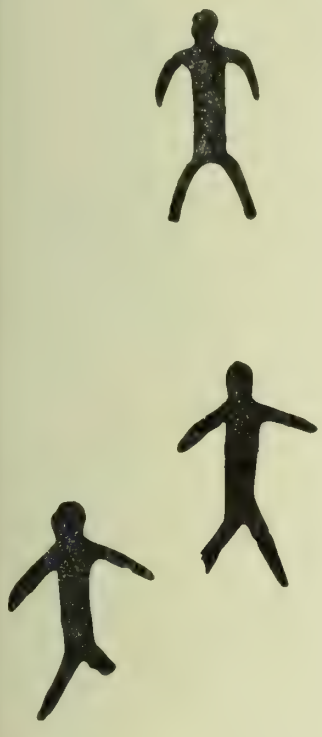


Рис. 39. Часть изображений в Идрисовой пещере на р. Юрезань (по О. Н. Бадеру и В. А. Оборину)

чаются от обычно встречаемых в наскальных изображениях Урала, однако не настолько, чтобы сразу выделять их в совершенно особую культурную группу, связанную не с Уралом, а с «западными областями Европы». Затрудняет решение вопроса и отсутствие полных данных по писанице из Идрисовой пещеры. Поэтому прежде чем высказывать хотя бы даже предварительные предположения, ознакомимся еще с одним памятником, происходящим из этого же района.

ПИСАНИЦА НА РЕКЕ УФЕ

Несколько лет назад В. Т. Петрин из Свердловска обнаружил писаницу в верхнем течении р. Уфы по соседству с пещерой. Материалы по этой писанице еще не опубликованы, почему я не имею возможности привести здесь рисунки и должен ограничиться лишь характеристикой некоторых фигур [121]. Вся писаница довольно обширна и занимает пространство длиной 10 м. Характерной ее особенностью является обилие человеческих фигур — черта не слишком обычная для известных нам уральских писаниц. Фигуры довольно разнообразны. Среди них можно выделить фертообразные, вполне схожие с сергинскими или тагильскими. Есть и условно антропоморфные изображения с раздвоенной головой. Некоторые фигуры по положению рук и ног вполне соответствуют идрисовским. Наибольшее своеобразие представляет профильное изображение человека с луком, являющееся уникальным для Урала. Имеются и изображения животных. Они предельно схематичны и в известной степени напоминают нижнее изображение в Бурановской пещере. Все выполнены широкой линией, лишь в некоторых случаях как будто слегка расширяющейся при обозначении туловища. Уши или рога не указаны. Породу животных даже приблизительно определить невозможно.

Уфимская писаница представляет особый интерес в том отношении, что в ней совмещаются характерные черты как зауральских, так и приуральских наскальных изображений, включая и Идрисову пещеру. Поэтому не вижу оснований для отнесения уфимско-юрюзанских писаниц к отдельному от Уральского этнокультурному комплексу. Что же касается отличий, то весьма вероятно, что значительная их часть может быть объяснена относительно поздней датой изображений этой группы, но возможно также, что известную роль сыграли и иноэтничные контакты, естественные для западной периферии уральского ареала. Все это, конечно, лишь самые предварительные соображения. Видимо, по верховьям Уфы и ее притокам — от Серги до Юрюзани, а возможно, и далее на юг — имеется еще значительное количество наскальных изображений, которые предстоит открыть и исследовать. Лишь после этого можно будет с уверенностью говорить о специфике писаниц данного района.

ПИСАНИЦЫ ПО РЕКЕ ВИШЕРЕ

Последняя и самая северо-западная группа наскальных изображений Урала расположена в среднем течении р. Вишеры, левобережном притоке Камы. Здесь известны две скалы с писаницами — кам-

[118] Б. А. Коншевский, 1948, стр. 164.
[119] Там же, стр. 164.
[120] О. Н. Бадер, В. А. Оборин, 1958, стр. 29, рис. 7.
[121] Доложен В. Т. Петриным на отчетной сессии Института археологии АН СССР в апреле 1968 г.

ни Моховой и Писаный. Первый из них находится на левом берегу Вишеры, в 3,5 км выше д. Акчим. Камень Моховой неоднократно упоминается рядом авторов [122], но наиболее полное описание его приводит Кротов. Последний указывает, что в камне «невысоко над уровнем реки находится небольшая пещера, интересная в том отношении, что на стенах ее древними насельниками Вишеры сделаны фигурные надписи, по типу сходные с надписями на Писаном Камне р. Вишеры...» [123] Все фигуры, по его словам, нанесены красной краской. В 1949 г. Моховой Камень был обследован О. Н. Бадером, который скопировал и изображения, но не опубликовал их. В. Ф. Генинг, посетивший Моховой Камень вместе с О. Н. Бадером, прислал описание памятника и находящейся на нем писаницы. К сожалению, включить это описание в данную книгу уже невозможно, почему ограничусь лишь краткими выдержками из его текста. Писаница находится в нижнем (по течению) конце большого грота (в скале их два) на высоте 2,5 м от поверхности почвы и в 6,5 м над уровнем воды, состоит из восьми фигур, расположенных на одной линии. Среди фигур — крест с косой верхней перекладиной, изображения человека, собаки и какого-то животного. В. Ф. Генинг отмечает четкость линий и аккуратное выполнение рисунков, но вместе с тем и заметное отличие этой писаницы от других уральских, в том числе и от соседнего вишерского Писаного Камня. В. Генинг полагает, что датировать писаницу Мохового Камня следует историческим временем, возможно, столь поздним, как середина XVIII в. В разговоре со мной он высказал мнение, что ближе всего эта писаница стоит к уфимской, открытой В. Петриным. Полагаю, что и с тем, и с другим можно согласиться.

Писаный Камень расположен на правом берегу Вишеры, в 6 км ниже д. Акчим и несколько выше д. Писаная. Он представляет собой гряду скалистых утесов, протянувшихся по берегу более чем на 2 км. В нижнем конце, считая по течению, эта гряда разделена на две неравные части впадающей в Вишеру речкой Писанкой. Скала с изображениями — собственно Писаный Камень — находится в средней части этой скальной гряды. В скалах, расположенных ниже р. Писанки, называющихся Белоусовскими, находится пещера, в отношении которой Кротов указывает, что у входа она занесена песком, но имеет в длину до 30 сажень. В глубине пещера расширяется в обширную куполообразную камеру [124].

Писаный Камень с давних пор приобрел широкую известность. Уже в 1689 г. он упоминается в челобитной вишерских вогуличей и в указе царей Алексея и Петра как пограничная скала, отделяющая мансийские рыболовные угодья от русских [125]. В XVIII в. у Писаного Камня побывал Страленберг, который зарисовал изображения и затем опубликовал их в своей книге. Рисунок Страленберга неоднократно воспроизводился многими авторами, затрагивавшими вопросы об уральских наскальных изображениях, и приводить его еще раз едва ли целесообразно, тем более что он очень схематичен и лишь в общих чертах отражает оригинал. Тем не менее этот рисунок все же не утерял своего значения, так как позволяет судить о сохранности писаницы и о тех переменах, которые могли произойти за 250 лет со времен Страленберга. В связи с этим следует привести мнение П. И. Кротова, который считал, что писаница сохранилась лишь наполовину. Надо, однако, учесть, что Кротов не занимался изучением писаницы и, вероятно, обратил внимание лишь на наиболее яркие изображения. Этим, очевидно, и следует объяснить сложившееся у него впечатление, которое было ошибочным, так как В. Генинг, копировавший писаницу в 1949 г., подчеркивает отсутствие больших изменений по сравнению с данными Страленберга [126].

Хотя вишерский Писаный Камень и упоминается многими авторами, никто из них не дает сколько-нибудь подробного описания писаницы. Так, Кротов лишь упоминает, что на камне красной краской изображены «олень, медведь, лисица и другие фигуры». Несколько более пространно пишет лишь Н. Ончуков, который сообщает, что «поверхность камня по крайней мере в пять квадратных сажен исписана красной краской грубо и примитивно, очевидно, рукой очень древнего от нашего времени человека; изображен человек, олень, чаши и другие предметы» [127]. Ончуков спрашивал о писанице у манси, но они ему, как и следовало ожидать, ничего не сказали.

В 1948—1949-х годах Камская археологическая экспедиция охватила своими работами Моховой и Писаный Камни на Вишере. Копировка изображений последнего производилась преимущественно В. Ф. Генингом под руководством О. Н. Бадера (рис. 40). В 1954 г. Генинг опубликовал результаты своей работы в статье под названием «Наскальные изображения Писаного Камня на р. Вишере», где привел зафиксированные им изображения с уменьшением приблизительно 1 : 20 и две группы — IV и V — в масштабе около 1 : 5. В этой же статье В. Генинг пытается датировать отдельные группы изображений и дать их расшифровку и осмысление. К сожалению, он довольно бегло касается методов, применявшихся им при копировании изображений, что имеет немалое значение. Автор лишь отмечает, что «копии снимались на кальку. При копировании групп VIII был применен способ заливки фона мелом». В отношении изображений X группы автор отмечает, что «скопировать их на кальку было невозможно и нам пришлось их зарисовать» [128]. Как уже говорилось в первом выпуске, прием с заливкой фона ни в какой степени нельзя признать годным применительно к писаницам, т. е. накрашенным, а не выбитым изображениям. Заливка мелом препятствует повторным наблюдениям изображений при различных усло-

---

[122] Н. Чупин, 1880; И. Я. Кривощеков, 1914, стр. 544; И. Н. Глушков, 1900, стр. 22.
[123] П. И. Гротов, 1888, стр. 90.
[124] И. Я. Кривощеков, 1914, стр. 612; П. И. Кротов, 1888, стр. 93.
[125] В. Берх, 1821, стр. 135—142.
[126] В. Ф. Генинг, 1954, стр. 260.
[127] Н. Ончуков, стр. 8.
[128] В. Ф. Генинг, 1954, стр. 261, прим. 4, стр. 268.

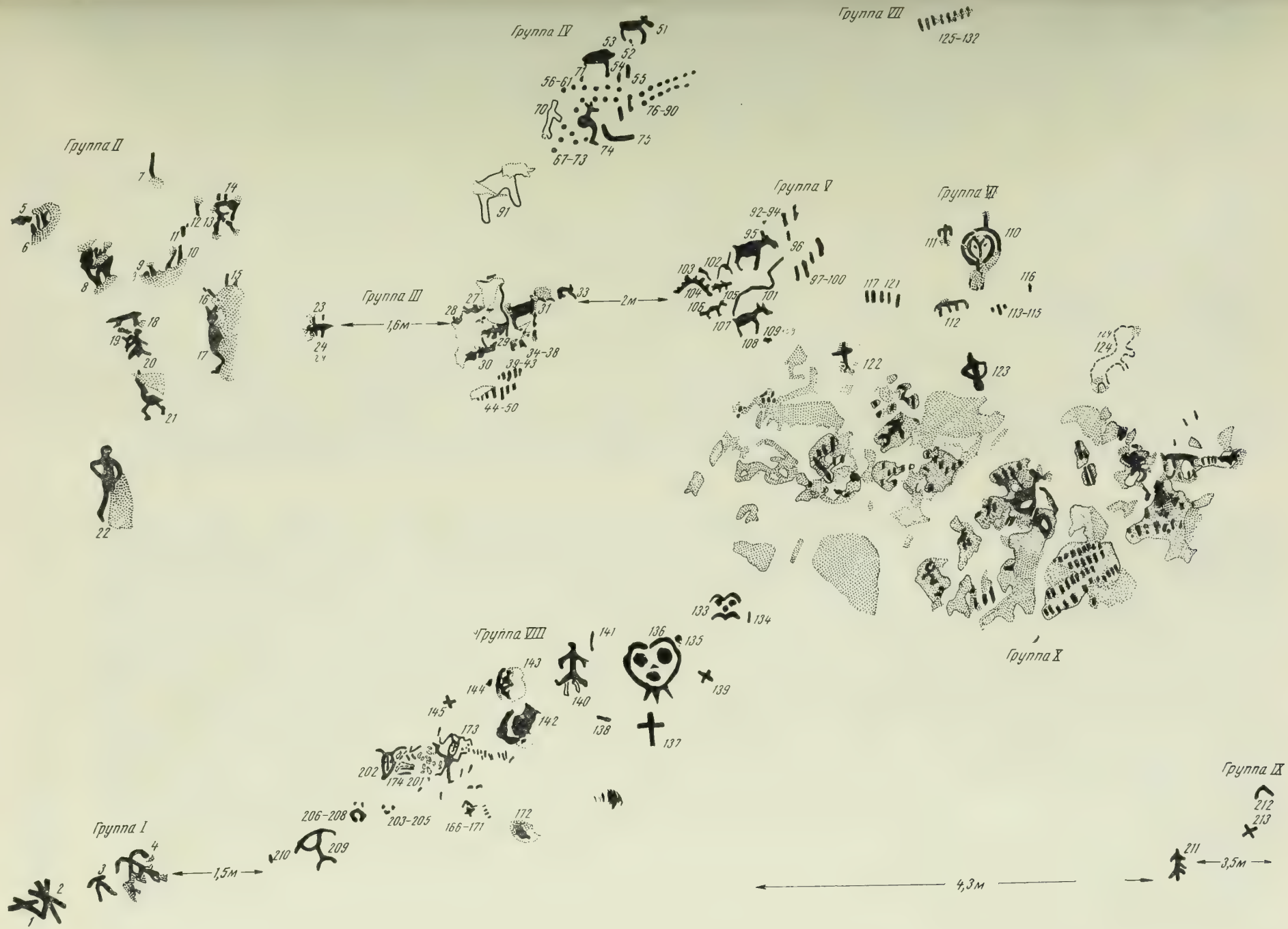


Рис. 40. Изображения на Писаном Камне по р. Вишере (по В. Ф. Генингу)

виях освещения, обусловленных положением солнца, наличием или отсутствием облачности и т. д., и является слишком грубым приемом, в тех случаях когда контуры линий и изображений неотчетливы и расплывчаты. При этом способе субъективные восприятия и ошибки возрастают во много раз.

Основываясь на расположении фигур, Генинг выделил на Писаном Камне десять групп, а исходя преимущественно из оттенков краски разбил все изображения на четыре хронологически разновременные комплекса, «различавшиеся и по стилю исполнения, и по содержанию» [129]. Цветовые комплексы следующие: 1) бордо — неолит; 2) бордо — охра — эпоха бронзы; 3) светлая охра — 2-я половина I тысячелетия до н. э.; 4) красная киноварь — середина II тысячелетия н. э. Уже в первом выпуске мной были высказаны сомнения в правомерности привлечения оттенка краски, которой нанесены изображения, как основного хронологического критерия. Оттенки, наблюдаемые в настоящее время, являются результатом изменения первоначального цвета краски, происшедшего под воздействием различных факторов, отнюдь не имеющих прямолинейной временно́й характеристики. Часто можно наблюдать, как даже тонкий известковый натек, покрывающий часть одного изображения, сгущает в этом месте оттенок краски до темно-вишневого, бордо или буроватого цвета, тогда как остальная часть сохраняет при этом более или менее светлый красный цвет. В высшей степени сомнительно и то, что в неолите люди подбирали краски непременно темно-красного цвета, в эпоху бронзы — посветлей, в раннее железо — ярко-красную, а в I тысячелетии н. э. — светло-красную охру. Против такой псевдозакономерности свидетельствуют случаи наложения более темных изображений на светлые, как, например, на Писаном Камне р. Тагил, где вишнего-красное силуэтное антропоморфное изображение 33 налегает на светлые контурные *32* и *34*. При этом все перечисленные изображения, очевидно, относятся к одному хронологическому периоду. Аналогичный пример можно привести и по данным самого В. Генинга. В IV группе изображений вышерского Писаного Камня автор, исходя из цветности, *51—69* и *75—90* относит к неолиту, а *70—74* и *91* — к бронзе. Но как легко можно видеть из таблицы, *71—73* — такие же круглые точки, как и *56—69*, и совершенно очевидно составляют с ними единый комплекс [130]. Фигура *91* представляет собой, очевидно, изображение лося, подобное *31*, *51*, *53*, *95* и *108*, и в той степени, в какой оно сохранилось, не дает никакого основания, кроме цвета, выделять его в иную хронологическую группу. Следует к этому добавить, что В. Генинг и сам пишет, что отделить второй хронологический комплекс от первого «по одному лишь внешнему виду не всегда удается... изображения еще во многом напоминают неолитические» [131]. Остается лишь «тон краски, которой нарисованы изображения», но это, как мы видели, признак не слишком надежный. В целом разделение изображений, отнесенных автором к первому и второму комплексам, и определение одного из этих комплексов неолитом, а другого эпохой бронзы надо признать неубедительным. У нас нет никаких оснований дифференцировать изображения групп II—VII и X по времени, и мы вынуждены принимать их как единый хронологический комплекс, тем более что в стилистическом отношении и по содержанию, в той степени, как о последнем можно судить, они достаточно единообразны. Вместе с тем можно вполне согласиться с автором в том, что изображения групп I и VIII и фигуры *110* и *111* в группе VI (см. рис. 40) относятся к более позднему времени. Однако и об этом могут свидетельствовать не различные оттенки краски, а сами изображения.

Уже в первом выпуске мною были отмечены близость фигур *3* и *4* вишерской писаницы (табл. I в работе Генинга) с тамгами лозвинских вогул [132] и положение группы I несколько в стороне от основной массы изображений, подобно расположению группы I на Змиевом Камне (Тагил), в которой также обнаружены знаки, близкие вогульским тамгам XVII в. [133] Как уже говорилось, тамга типа фигуры *4* (рис. 40, *4*; 41, *1*) устойчива в своем основном начертании и индивидуальные вариации ограничиваются количеством и расположением нижних отростков. Эти вариации приводятся на рис. 41, где фигуры *2, 3, 4* представляют современные тамги лозвинских манси: *2* — Сампильталов Андрей; *3* — другой Сампильталов, имя которого у меня в записях не сохранилось; *4* — Саквлинья Илья. Интересно, что тамга этого типа известна уже с XVII в. и вариант, приведенный на рисунке 41, *5*, согласно ясачному сыску 1654 г., приложил вогул Лозвинской волости Мита Алеметов. Можно указать аналогии и для фигур *1* и *2* вишерского Писаного Камня (рис. 41, *6*, *12*). Тамги, довольно сходные с первой фигурой, поставили под ясачным сыском 1646/47 г. вогулы Туринской волости: Лапша Тыянов (рис. 41, *7*), Баймерат Челков (41, *8*), Енгильда Бельгильдин (рис. 41, *9*), вогул Лозвинской волости Тубаш Ромашков (рис. 41, *10*) и неизвестный вогул Уфимской волости (41, *11*). Все эти тамги схематически изображают лук. Для фигуры *2* вишерской писаницы (рис. 41, *12*) можно указать аналогии среди тамг вогулов Первой и Второй Лялинских волостей, которые также изображают луки: рис. 41, *13* — Кубай Тиунов, рис. 41, *14* — Сандро Меркушин. Такого же типа тамга вогула Первой Уфимской волости (рис. 41, *15*) и вогула Сосвинской волости Малая Чекина (рис. 41, *16*). Очевидно, тамгой является фигура *209* в группе VIII вишерской писаницы (рис. 41, *17*) судя по ее близости к широко распространенной в XVII в. среди уральских манси тамге типы «лук и стрела с развилкой». Две такие тамги поставили в 1652/53 г. вогулы Туринской волости (рис. 41, *18*, *19*), одну, очень близкую, *209* — вогул Первой Лялинской волости Кара Гориков в 1654 г. (рис. 41, *20*) и тамгу тех же очертаний, но повернутую стрелой вверх,— вогул Чусовской во-

[129] В. Ф. Генинг, 1954, стр. 268.
[130] Там же, 1954, табл. II.
[131] Там же, стр. 272.
[132] В. Н. Чернецов, 1964, стр. 21.
[133] Ю. Б. Симченко, 1965, стр. 24, табл. 8, рис. 4.

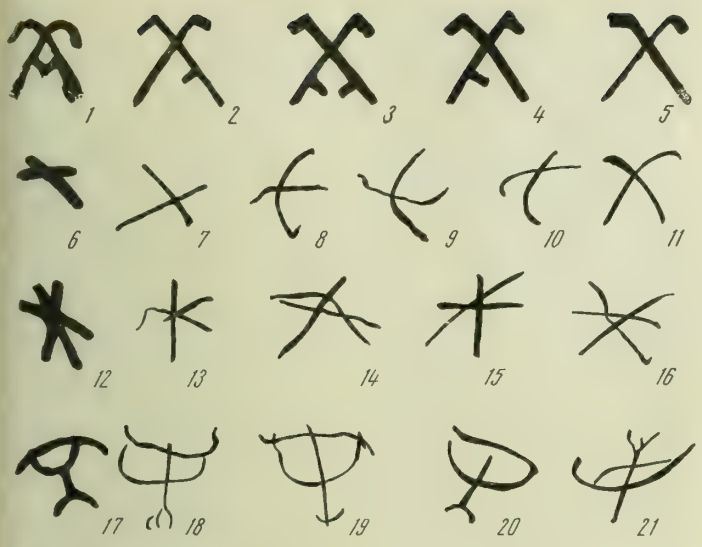


Рис. 41. Тамгообразные знаки на вишерском Писаном Камне и вогульские тамги XVII в. *(1–21)*

лости Мороз Ченчуков в том же 1653/54 г. (рис. 41, *21*). Тамга этого типа, но обычно выполненная более небрежно, нередко встречается и в других волостях [134]. Приведенные аналогии позволяют датировать изображения группы I сравнительно недавним историческим временем, что еще раз подчеркивает сомнительность метода датировки по цвету краски, примененного В. Генингом, который определил возраст изображений группы I «2-й половиной I тысячелетия до н. э.» [135] Если приведенная здесь поздняя датировка нижних изображений Писаного Камня справедлива, то она дает нам основания полагать, что если в пределах, скажем, XVI — XVIII вв. новых изображений на Вишерском Камне даже и не рисовали, то тем не менее какие-то обряды, по всей вероятности, с этим памятником связанные, там все же совершались. Эти обряды и, вероятно, жертвоприношения являлись в таком случае лишь продолжением древней традиции, как это устанавливается раскопками О. Н. Бадера. Последний заложил раскоп на узкой полоске берега у подножия Писаного Камня, доступной лишь со стороны реки, и получил большой и разнообразный материал. По мнению автора, жертвенное место под Писаным Камнем охватывает промежуток времени от конца неолита (левшинского времени) до XIII—XIV вв. н. э., а может быть даже и до более позднего времени. Для всех, собранных им материалов О. Н. Бадер подбирает аналогии среди камских стоянок, хотя не все из этих аналогий кажутся мне убедительными. Так, древнейшие фрагменты керамики, которые автор относит к левшинскому комплексу [136], еще в большей степени — как по примесям к тесту, так и орнаменту, нанесенному гладкой качалкой — в еще большей степени можно связать с поздненеолитической зауральской. Кремневый материал — нуклеусы, в том числе клиновидный и мелкие необработанные ножевидные пластинки-вкладыши, также очень типичны для зауральского неолита. Таким образом, археологический материал из жертвенного места вполне хорошо согласуется с выводами, сделанными на основании рассмотрения тамгообразных знаков и подкрепляет, таким образом, вероятность исконней и традиционной связи Писаного Камня с обитателями верхней Вишеры и Зауралья — вогулами-манси. К этому можно еще добавить, что в Усть-Улсе — маленьком поселке на Вишере в 40 км выше Писаного Камня еще недавно проживала семья обрусевших вогулов Соловаровых, поддерживавших тесные связи с лозвинскими манси. По свидетельству Платона Любарских, еще в конце XVIII в. на верхней Вишере было три мансийских селения, но большинство из обитателей последних переселились впоследствии в Зауралье в верховья Лозвы. Действительно, среди фамилий, вишерских, или иначе говоря, чердынских манси, перечисляемых Платоном Любарским [137], упоминаются, кроме Соловаровых, такие, как Бахтиаровы, Укладовы, Елесины, Якшины и другие, потомки которых и до сих пор обитают на Лозьве в Ивдельском районе.

Изображения групп II—V и X Писаного Камня в общих чертах достаточно близки зауральским, хотя и обладают некоторыми локальными особенностями. Следует, правда, признать, что сохранность всей писаницы довольно плохая из-за известковых натеков и, возможно из-за характера камня, на котором она нанесена, видимо, относительно легко поддающегося атмосферным воздействиям. Поэтому лишь сравнительно небольшую часть фигур можно разобрать с достаточной уверенностью. Значительную же часть их лучше оставить вне рассмотрения, чем наделять их довольно сомнительным содержанием, как это нередко находим в работе Генинга. Едва ли следует согласиться с попытками видеть целые фигуры с определенным содержанием в остатках полустертых изображений, сохранившихся между сколами камня. В силу этого позволяю себе сомневаться в правомерности таких расшифровок, даваемых Генингом, как: человек с луком и сцена охоты (фиг. 20, 18 и рис. 7), птица (пеликан), переданная в стремительном беге (фиг. 21); рыбы (фиг. 5, 27); «капкан или лунарный знак» (фиг. 102); рыба с сильно изогнутым телом (фиг. 33) и т. д., включая «изображение животного, возможно белки» (фиг. 142). Последняя представляет собой два пятна краски, окруженных меловой заливкой, расположенных так, что создается отдаленное подобие профильного изображения белки в позе, излюбленной современными художниками-иллюстраторами, но никогда не встречающейся в изобразительном искусстве угров. В силу сказанного будет и в этом случае безопаснее ограничить рассмотрение писаницы лишь наиболее отчетливыми, хорошо различимыми и понятными фигурами, тем более что и таких на Писаном Камне не так уже мало. Пожалуй, наибольший интерес представляют собой группы III, IV и V. Все три из них построены, видимо, по одной и той же смы-

[134] Ю. Б. Симченко, 1965, табл. 1, 2, 6, 9, 13, 16.
[135] В. Ф. Генинг, 1954, стр. 278, прилож. к табл. I.
[136] О. Н. Бадер, 1954, стр. 247.
[137] Платон Любарских, 1792, стр. 72.

словой схеме, с которой мы уже многократно встречались в наскальных изображениях Урала. Наиболее отчетливой из всех является V группа изображений, которая и сохранилась лучше других. Не считая отдельных непонятных пятен, в составе этой группы находим две фигуры лосей — вернее, лосих (Генинг 95, 108), «небосвод» (Генинг, 104) и два ряда вертикальных штрихов (Генинг, 92—100), весьма близко напоминающих те, что мы видели на Бородинской скале и некоторых других памятниках. Подобные же ряды штрихов или точек обнаруживаются и в группах III, IV, VII и VI, причем последние (Генинг, 17—121), возможно, следует отнести к комплексу изображений пятой группы. В пределах перечисленных фигур пятая группа дает композицию обычного типа, неизменно повторяющуюся на большинстве писаниц Урала, состоящую из трех основных компонентов — изображений копытного животного, небосвода или солярного знака и загородки в виде зигзага или рядов параллельных линий. Но вместе с тем в пятой группе имеется и некоторая специфика, заключающаяся в ломаной линии, пересекающей всю композицию. Ее можно, пожалуй, трактовать как дополнительное изображение загородки, хотя последние обычно бывают более правильной зигзагообразной формы. В. Генинг склонен видеть в этой ломаной линии изображение Вишеры, а в расположенных по обе ее стороны фигурах животных — тотемы родов, обитавших по этой реке. По его мнению, «первобытный художник мог нарисовать эту карту с магической целью, например для закрепления этой территории за своим племенем» [138]. Это толкование, навеянное, видимо, взглядами В. Равдоникаса, автор не пытаетя ни обосновать, ни подкрепить какими-либо аналогиями. В целом и особенно во второй своей части оно представляется мне надуманным, но что касается изображения ломаной линией Вишеры, то эту мысль может быть стоит и развить. Изображение элементов ландшафта не чуждо искусству народов Северной Азии. По этнографическим данным этот прием известен у эвенков, чукоч, обских угров и особенно у юкагиров, у которых он развился в зачатки пиктографического письма. Для обских угров — оставляя в стороне современные карандашные рисунки как нетрадиционные — исключительно интересные материалы были собраны в 30-х годах в верховьях р. Амни в районе озера Нум-то И. С. Гудковым. К сожалению, большинство материалов погибло вместе с трагической кончиной исследователя и лишь некоторая сохранившаяся часть была впоследствии опубликована В. В. Сенкевич-Гудковой. Рисунки, собранные И. Гудковым, частично уже рассматривались в первой части настоящей работы, однако их значение для нашей темы настолько велико, что считаю целесообразным снова ненадолго вернуться к ним. По данным В. В. Сенкевич-Гудковой, рисунки были обнаружены в глухих, мало посещаемых местах в верховьях Казыма у священного озера Нум-то и в верховьях же его притока р. Амни. По крайней мере в одном случае изображения находились у жертвенного места, поблизости от амбарчика, в котором хранились священные изображения. Рисунки были выцарапаны или вырезаны на стволах берез и некоторые из них казались довольно старыми. Они изображали птиц, зверей, сценки охоты и рыбной ловли и даже жертвоприношение. Это последнее изображение находилось как раз поблизости от священного амбарчика на озере Нум-то [139]. Уже одна локализация рисунков — вдали от населенных пунктов и дорог — заставляет отбросить объяснение С. В. Иванова, который считал, что казымские рисунки имели лишь повествовательно-мемориальный характер [140]. Наоборот, в них, скорее, следует видеть отголосок каких-то, в прошлом может быть и более широко распространенных действий, наделенных достаточно важным содержанием, чтобы для изготовления этих изображений пускаться в путь за сотни километров. Естественно, приходит мысль — провести прямую аналогию между казымскими рисунками на деревьях и наскальными изображениями, тем более что последние также рисовались не где попало, а в определенных местах и на определенных скалах. Если же принять, что писаницы на скалах и рисунки на деревьях — явления в принципе одного порядка, то последние можно привлечь в качестве параллели для расшифровки некоторых фигур наскальных изображений, как мы это уже пытались делать в первом выпуске в отношении рисунков рыболовных заколов и охотничьих ловушек. В отношении казымских рисунков В. В. Сенкевич-Гудкова указывает, что «рис. 5, 7, 16, 17, 18 и 19 — в ее статье,— отражают рыболовный промысел в районе рек Амня и Казыма» [141]. Изображены и сами реки — извилистая Амня и Казым, с озером — очевидно, Нум-то — в его вершине. На реках изображены рыболовные запоры и ловушки, а на берегах — рыбаки, ведущие промысел. Еще одно изображение реки имеется (Сенкевич-Гудкова, рис. 1), где представлена охота на уток. Человек едет в маленькой лодочке. В одной руке у него весло, в другой — лук со стрелой. Впереди на реке изображена утка. Правда, реки на казымских рисунках изображены иначе, чем фигура 101 на вишерском Писаном Камне, но это отличие, вероятно, обусловлено иной техникой рисунка и более крупным масштабом. Самым существенным остается факт изображения реки в увязке с охотничьими и рыболовными сюжетами. Если принять предположение, что извилистая линия в пятой группе Писаного Камня на Вишере действительно представляет собою реку, то, естественно, встает вопрос о смысловой стороне этого изображения. С уверенностью ответить на этот вопрос не представляется возможным — для этого мы располагаем слишком малым количеством фактов, как археологических, так и этнографических. В отношении первых всегда остается известная доля сомнения в правильности расшифровки наскального изображения, так как схематичность фигур — в данном случае № 101 — всегда оставляет место для ошибочной и произвольной трак-

[138] В. Ф. Генинг, 1954, табл. I и соответствующие места в тексте. Фиг. 142, см. также рис. 4; В. Ф. Генинг, 1954, стр. 272.

[139] В. В. Сенкевич-Гудкова, 1949, стр. 171.

[140] С. В. Иванов, 1954, стр. 22.

[141] В. В. Сенкевич-Гудкова, 1949, стр. 172.

товки. Немногим лучше и примеры из сибирской этнографии. Для последних, как правило, не хватает наблюдений, которые позволили бы как следует вникнуть в семантику и условность рисунка и в психологию людей, которые эти рисунки изготовляли и чигали. Таким образом, поставленный вопрос можно решать лишь предположительно. В качестве отправного пункта наших рассуждений можно принять достаточно бесспорный факт, что рисунок реки является изображением ландшафта. Но, можно думать, что не некоторого обобщенного ландшафта вообще, а определенного, конкретного. На казымских рисунках изображены реки Амня и Казым. На юкагирских дорожных пиктограммах изображены схематические карты — части рек Колымы, Коркодона и притока последней — р. Россохи. По берегам — люди, олени, чумы; на реках — лодки и рыболовные заколы [142]. В пиктограммах указывалось, куда отправилась та или иная группа семейств, и они помогали юкагирам находить друг друга, что в условиях полуголодного существования бродячих охотников приобретало, по словам С. Шаргородского [143], важное значение в жизни населения. Очень важно подчеркнуть, что юкагиры, как отмечает В. Иохельсон, наносят на карту только те места, которые они сами видели и хорошо знают [144], что придает их пиктограммам большую конкретность. То же самое мне приходилось наблюдать среди ямальских ненцев, которые с удивительной точностью изображали гидрографическую систему того или иного места, соблюдая относительное расстояние между притоками и отмечая каждую особенность берегов. Какую же роль могло иметь изображение реки — в данном случае, очевидно, Вишеры — в обрядовых рисунках Писаного Камня? Можно допустить, как мне представляется, что оно должно было как бы привязать изображения животных, ловушек и т. д. к определенному месту и как бы оживить их, наделяя конкретным локальным содержанием. Если высказанные здесь соображения в какой-то степени справедливы, то может быть и волнистую линию в фигуре 29 (группа III Вишерского Камня) тоже следует трактовать как реку? Такое толкование не исключено.

Особый характер имеют изображения групп VI и VIII Вишерского Камня. На них совершенно отсутствуют фигуры лосей или других животных, за исключением одного, сильно стилизованного птицевидного изображения, типа бронзовых птичек с «ластообразными» крыльями, происходящих из кладов с горы Караульной, горы Азов, с озера Куяш-Огневского и других мест, датируемых второй половиной I тысячелетия до н. э. На подобную же аналогию указывает и Генинг [145]. В качестве параллели к другой фигуре из той же VIII группы (фиг. 110) он приводит медное птицевидное изображение, происходящее с р. Ухты, которое Генинг датирует ананьинским временем, т. е. тоже второй половиной I тысячелетия до н. э., с чем вполне можно согласиться.

В VIII группе обращают на себя внимание антропоморфные (?) личины и фигуры (133, 136, 202), видимо, антропо-птицевидные (140, 173). Если принять, что в копиях нет значительных отклонений от оригиналов, В. Генинг указывает, что «очертания их удается уловить с трудом»,— то некоторые, хотя и отдаленные аналогии для фигур 202 и 173 можно привести. Последнюю в известной степени можно сопоставить с крылатой антропоморфной фигурой из Тарского округа, приведенной у А. Спицына [146] под номером 256 и некоторым птицевидным изображениям из д. Егоровой Кузнецкого округа, как, например, рис. 305, 306 у Спицына. По трактовке головы фигуру 173 и личину 202 из VIII группы можно ближе всего сопоставить с серией личин, найденных лет десять тому назад в окрестностях Тобольска. Личины эти увенчаны птицами или головками медведя и дополнительными головами, вероятно, птиц, что придает своеобразный рогатый вид личинам. Особенно близкое подобие рогатости, обусловленное значительной схематичностью и обобщенностью венчающих ее голов, видим на одной из личин, более всего напоминающей фигуру 202 вишерского камня. Характерной чертой, сближающей сравниваемые изображения, является своеобразная трактовка носа, прямой чертой, пересекающей все лицо, причем следует добавить, что эту манеру можно считать довольно типичной для многих антропоморфных литых изображений Зауралья и Приобья, относящихся преимущественно ко второй половине I тысячелетия до н. э.

Таким образом, если не формально, то по внутреннему характеру содержащихся в них изображений, группы VI и VIII следует сопоставить с писаницами, состоящими из условно антропоморфных и орнаментализированных зооморфных изображений типа восточной аллакской, второй группы ирбитского камня, большинством изображений, в частности *29*, *30*, *32*, Писаного Камня на Тагиле и т. д. Отличия заключаются лишь в облике фигур и их стилистических чертах. Последнее следует, впрочем, отнести ко всем вишерским изображениям, для которых характерно, например, силуэтное изображение животных, довольно редко попадающееся в других, рассмотренных нами пунктах Урала и Зауралья.

Своеобразие писаниц вишерского Писаного Камня по сравнению с другими уральскими совершенно несомненно. Но несомненно также и то, что впечатление об этом своеобразии возникает при первом знакомстве с материалом, но постепенно стирается по мере того как мы углубляемся в его анализ. Это обусловлено, очевидно, прежде всего тем, что отличия, как только что говорилось, не затрагивают основных композиций и содержания писаниц и преимущественно ограничиваются лишь стилистическими особенностями. Следует ли объяснять эти особенности хронологическими причинами? Несомненно, нет. Как вишерские, так и остальные уральские писаницы могут быть датированы в пределах по крайней мере от конца неолита и до средневековья, причем изображения условно антропоморфных фигур и личин можно достаточно надежно — на осно-

[142] В. Иохельсон, 1934, стр. 152, рис. А и Б.
[143] С. Шаргородский, 1895, стр. 146—148.
[144] В. Иохельсон, 1934, стр. 153.
[145] В. Ф. Генинг, 1954, стр. 274.
[146] А. А. Спицын, 1906.

вании аналогий с медными фигурами плоского литья и гравировками на металлических дисках — отнести ко второй половине I тысячелетия до н. э. Своеобразие вишерских писаниц надо, очевидно, рассматривать как локальное явление и относить его за счет принадлежности этих писаниц какой-то отдельной территориальной группе древнеугорской общности. Следует оговориться, что я намеренно не употребляю здесь термина «племя», так как, во-первых, этот термин крайне нечеток и часто применяется с очень расплывчатым содержанием в отношении этнических группировок самого различного типа, а, во-вторых, в отношении населения северо-западного Приуралья эпохи бронзы и раннего железа мы можем высказать пока лишь самые общие предположения: 1) предполагаемая территория этой группы занимала западные склоны Урала, доходя местами до левобережья Камы, на юг распространялась приблизительно до района Перми, а на север — до верхнего течения Печоры; 2) с населением этой группы можно связывать культуры ломоватовскую и гляденовскую, а для более раннего времени памятники типа Конецгорского селища на юге и соответствующие по времени слои Уньинской пещеры — на севере; 3) на основании археологического материала эту группу по некоторым чертам следует связывать с предками манси, но по другим, а именно по вещам усть-полуйского типа, с предками хантов. Скорее всего, это была обособленная группировка угорского населения, возможно, с сохранением некоторых древнеуральских черт с рядом контактных воздействий со стороны финно-пермской, выражающихся в проникновении сюда элементов камских археологических культур; 4) очень правдоподобно, что с этой североприуральской группой следует связывать имя манс. «выкли» w^{1}kli) или хант «вокыл» (wokəl), встречающееся в эпических и исторических преданиях обских угров. Упоминаются в них и военные стычки с «из-за Урала (т. е. с западной стороны) — Приходящими-Выкли». Вероятно, это же название, но в зырянской огласовке — «вагол» — приводит А. Лерберг, ссылаясь на Г. Миллера [147], и, наконец, достаточно очевидно, что оно лежит в основе русского названия «вогул», которое в ранних источниках преимущественно относится именно к этой североприуральской территории [148].

Конечно, все это пока только предположения, хотя и необходимые. Крайне слабая изученность археологии верхнего течения Вишеры, верхней Печоры, Урала и Зауралья, на обширном пространстве между верховьями южной Сосвы и Ляпина не дает нам, к сожалению, возможности встать на твердую почву фактов. Поэтому впредь до появления последних нам придется ограничиться высказанным здесь предположительным объяснением своеобразия вишерских наскальных изображений.

Писаницами Вишеры заканчивается изложение материала по наскальным изображениям Урала. В последующем разделе попытаемся проанализировать эти материалы и сделать некоторые возможные выводы и обобщения.

---

[147] А. Х. Лерберг, 1819, стр. 19.
[148] Стефан Пермский, 1897, стр. 9.

Глава II

СЮЖЕТЫ И КОМПОЗИЦИИ В НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ УРАЛА

В главе, посвященной предварительному анализу наскальных изображений и построенной главным образом на тагильских материалах, основное внимание было уделено двум вопросам — хронологии и возможной этнической принадлежности писаниц. В значительно меньшей степени был затронут вопрос о возможном их назначении. Разрешение этих задач было построено почти исключительно на сопоставлении отдельных фигур и композиций наскальных изображений с соответствующими археологическими материалами с территории Урала и Зауралья и данными по этнографии обских угров и преимущественно манси. Этот метод в достаточной степени себя оправдал. Введение же более полных материалов, охватывающих все уральские наскальные изображения, позволяет теперь внести некоторое уточнение в установленные ранее общие хронологические рамки и значительно полнее выделить отдельные группы или сюжеты. Остается непоколебленной и вероятная связь наскальных изображений с предками современных манси. В дополнение к этому можно лишь говорить на основании вишерских данных об участии еще одной угорской группы, ныне исчезнувшей, но в прошлом, видимо, довольно близко стоявшей к манси.

Не вижу основания для отказа от этого метода и в дальнейшем, тем более при введении в отдельных случаях дополнительных сопоставлений или противопоставлений местных археологических и этнографических материалов с соответствующими им параллелями из более удаленных областей. Последнее может оказаться полезным при выделении локальной специфики, установлении конвергентных форм в изображениях, при сходном или отличном их содержании и т. д. Вместе с тем этот метод имеет и довольно ограниченные пределы применения, так как прежде всего требует хорошо сохранившихся и четких фигур и композиций, легко поддающихся «чтению». К сожалению, подобные примеры весьма редки в накрашенных изображениях, всегда более или менее разрушенных. Поэтому появляется необходимость в предварительной обработке всего материала, с целью выделения из всей массы уральских писаниц отдельных сюжетов и композиций, установления их устойчивости и повторяемости, сочетания тех или иных сюжетов на отдельных скалах и т. д. Подобный анализ позволяет распознавать уже знакомые типичные композиции, в некоторых случаях даже по незначительным остаткам. В то же время таким путем устанавливаются отдельные мотивы и сюжеты, в ряде случаев сочетающиеся с теми или иными стилистическими особенностями, которые дают возможность иногда уточнить их датировку. Рассмотрение всего комплекса выделенных сюжетов в какой-то степени позволяет нам вникнуть в вызвавшие их к жизни идеи и представить себе пути развития последних. На большее едва ли и можно рассчитывать при дешифровке наскальных изображений.

Некоторые наиболее ярко выраженные сюжеты были намечены уже в первом выпуске [1]. С них и начнем здесь рассмотрение. Первый сюжет выделен в четырех вариантах, отличающихся один от другого в некоторых деталях, хотя может быть и существенных.

Первый вариант: изображение зверя (лось, олень или косуля) в сочетании с солярным знаком и (или) изображением небосвода и часто с изображением ловчих орудий или сооружений.

Этот вариант впервые был выделен на основании хорошо сохранившейся композиции, находящейся на скале Зенковской на р. Тагиле. Писаница эта расположена на высоте 15 м на одном из гладких камней с южной стороны отвесного башнеобразного утеса. Первые сведения об этой писанице сообщает Илларион Толмачев, но так как он, вероятно, наблюдал ее с лодки, то рисунок его лишь очень отдаленно напоминает оригинал. Мной эта писаница была обнаружена и скопирована в 1938 г., причем добраться до нее удалось лишь с помощью веревочной лестницы. Сохранившаяся часть композиции состоит из охватывающей ее сверху дугообразной линии с короткими отростками — небосводом, под которым в левой части изображено солнце, а правее его шесть лосих, идущие в одну сторону (рис. 42, *1*). Если судить по отдельным пятнам, то в прошлом лосиных фигур было, видимо, больше — скорее всего семь. У левого края камня изображен копьевидный предмет, острием направленный в сторону лосей. Уникальная для Урала по своей полноте и отчетливости содержания зенковская писаница послужила мне в свое время ключом для понимания подобных ей композиций, в большинстве случаев сохранившихся лишь фрагментарно. Мне известна еще только одна писаница подобного же типа и достаточно полно сохранившаяся, обна-

[1] В. Н. Чернецов, 1964, стр. 41, табл. XXII, *1*.

руженная в последний год работы на Тагиле, на «скале с пещерой» [2] (рис. 42, *5*). Здесь в нескольких метрах от подножия утеса, под небольшим пещерообразным углублением, на гладкой плите нанесена дугообразная линия небосвода, а под ней фигура животного (олень или косуля), а еще ниже — изображение солнца. Несколько правее, перед головой животного отчетливо различима фигура, сверху заканчивающаяся тремя остриями. Как уже было высказано в первом выпуске, не исключено, что ее можно рассматривать как изображение какого-то охотничьего сооружения, возможно, типа подрези или ямы с заостренными кольями.

Описанная здесь на основании двух хорошо сохранившихся писаниц композиция принадлежит к числу наиболее распространенных среди уральских наскальных изображений. Изображения такого типа уже обнаружены, кроме р. Тагила на реках Реж, Нейва, Вишера и на озере Большой Аллак. Правда, в большинстве случаев они значительно худшей сохранности, но тем не менее обычно обладают теми или иными характерными чертами, по которым их можно распознать и выделить. В довольно полной форме эта композиция находится в первой группе 2-й Бородинской скалы (рис. 42, *4*). Тройная дугообразная линия небосвода, фигура оленя и, видимо, два солярных знака не оставляют сомнения в идентичности этой композиции вышеописанным тагильским. В той же первой группе 2-й Бородинской писаницы, на соседней плите обнаруживаем почти подобный рисунок (табл. VIII, рис. 5) хотя несколько более упрощенный и худшей сохранности. По наличию изображений животных, хотя и неполных, фрагментов дугообразных линий небосвода, иногда солярных знаков и фигур, которые можно посчитать за изображения ловчих орудий, к этой же сюжетной группе можно отнести и ряд неполных из-за плохой сохранности изображений, как происходящие из первой группы писаниц Сокольинских утесов на Тагиле (рис. 42, *3*) из седьмой группы тех же скал, из шестой группы тагильского Писаного Камня (рис. 42, *2*) и изображение VI группы Вишерского Камня. Сюда же с известной оговоркой следует отнести большую композицию с Писаного Камня с р. Серге (табл. XVI) и, несмотря на всю их схематичность, изображения — с 3-й Бородинской скалы (рис. 42, *7*). Очень сильно разрушенная композиция этого типа, но даже и в таком состоянии достаточно эффектная, находится в пятой группе 2-й Бородинской скалы (рис. 42, *6*). В ней можно различить не менее чем пять фигур оленей или косуль, фрагмент небосвода и, видимо, солярный знак, расположенный несколько ниже его. У левого края композиции хорошо различимы остатки зигзагообразной линии с отростками, которую, как мы уже видели в первой части, очевидно, можно рассматривать как изображение ловчей загородки. Эффектная даже и в таком разрушенном состоянии, эта композиция по производимому ею впечатлению некогда превышала, вероятно, даже зенковскую, и ее смело можно отнести к наиболее характерным образцам первого варианта. Основываясь на описанных примерах, к тому же типу можно отнести и еще более разрушенные рисунки, как например, находящиеся во второй и четвертой группах Сокольинских утесов (ч. I, табл. IV и VI) или даже такой, как на правобережной скале у д. Гаевой на Тагиле (ч. I, табл. XIV, *1*). Наличие здесь достаточно отчетливого изображения солнца, небольшого фрагмента небосвода и отдельных штрихов, расположенных на одной и той же гладкой плите, заставляют думать, что и здесь была композиция этого же сюжетного типа, тем более что справа, на соседнем камне, обнаруживаем остатки подобного же рисунка.

Второй вариант. К последнему следует отнести немногочисленные композиции, представляющие собой как бы упрощенную передачу описанного сюжета. Примером могут служить такие рисунки, как на Исаковской скале на р. Реж (рис. 43, *2*) и на ирбитском камне (рис. 43, *3*) и в четвертой группе Змиева Камня (рис. 43, *1*).

В этих случаях, несмотря на довольно хорошую сохранность изображений, в них не удается обнаружить ничего, кроме фигуры зверя и солярного знака. Особенно в отношении Исаковской скалы можно быть достаточно уверенным, что никаких дополнительных изображений здесь и не было. Видимо, следует прийти к выводу, что в этих случаях мы имеем дело с предельно упрощенной изобразительной формулой, лишь условно отражающей идею данного сюжета, что быть может свидетельствует и о вырождении самого действия, к тому времени, когда наносились изображения этого варианта. Если это предположение правильно, то переход от первого варианта ко второму можно рассматривать как замещение примитивно реалистической, но отражающей полный образ картины условным символом, уже теряющим свое первоначальное содержание.

Третий вариант. Изображение зверя у загородки или в ловушке. Композиции этого типа отличаются от первого варианта, с одной стороны, отсутствием солярных знаков и изображений небосвода, с другой — более разработанными изображениями ловчих сооружений. Некоторые из рисунков, относящихся к этому варианту, были рассмотрены в первой части, в связи с расшифровкой фигур, изображающих ловушки, как, например, происходящих со 2-й Бородинской скалы, но здесь приводим его снова (рис. 44, *1*), так как там не была дана полностью вся композиция, которую, кроме того, целесообразно рассмотреть и в сопоставлении с другими, аналогичными ей по содержанию. Напомню здесь, что по аналогии с рисунками казымских хантов центральные фигуры этой группы были объяснены как лось (?) и косуля (?), попавшие в ловушку. Весьма вероятно, что сильно разрушенная фигура в левой части представляет собой остаток изображения подобного же рода. «Загородки», изображенные внизу и справа в виде зигзагов с отростками, как бы дополняют и усиливают общее содержание композиции. Не менее выразительно и изображение с Двуглазого Камня на Нейве (рис. 44, *3*), где зверь, по-видимому косуля, помещен в самой загородке и как бы зажат в ней. Возможно, не случайно, что этот зверь находится в окружении изображений загородок, сделанных, видимо, не одновременно, если

[2] В. Н. Чернецов, 1964, стр. 41, табл. XXII.

Рис. 42. Первый сюжет, первый вариант. Сводная таблица типовых композиций (*1—7*)

Рис. 43. Первый сюжет, второй вариант. Сводная таблица типовых композиций (*1—8*)

судить по тому, что они представлены различными графическими вариантами рисунка этого типа. Изображение, почти тождественное приведенному здесь нейвинскому, обнаруживается и в десятой группе вишерского Писаного Камня. Близость между этими писаницами усиливается наличием в них рядов коротких штрихов, образующих как бы сетку. Правда, десятая группа Писаного Камня на Вишере принадлежит к числу наиболее разрушившихся, так что может возникнуть сомнение в правильности того, что в центре ее изображен зверь, но, к счастью, на рисунке Страленберга как раз на этом месте фигурирует в достаточной степени отчетливый олень. Вероятно, разрушение десятой группы Писаного Камня, о чем сообщает В. Генинг, относится к последним двум столетиям.

Изображение животного в сочетании с рядами вертикальных штрихов или с решеткой или с сеткой встречается и в других писаницах, например в шестой и второй группах Сокольинских утесов (рис. 44, *4*, *6*). Менее выразительные примеры можно указать в правой части второй или в левой части третьей группы этих же скал. К сожалению, изображения здесь слишком размыты или разрушены и не дают достаточно полного представления о всем рисунке в целом. Однако и приведенных примеров достаточно, чтобы признать в них все тот же сюжет — изображение зверя в загородке или ловушке. К подобному заключению пришел А. П. Окладников, изучая наскальные изображения Ангары. Отмечая наличие на первом и втором Каменных островах вертикальных полос, нанесенных красной краской, он указывает, что уже одно их обилие свидетельствует о важном их значении для древних художников, определенно не имея при этом никакого эстетического содержания. «Смысл композиций из параллельных вертикальных полос,— пишет А. Окладников,— ясен. Они изображают охотничьи изгороди-загоны для копытных животных, в первую очередь для лосей». Значение и смысл таких рисунков раскрывается в том, что «древний художник рисовал в связи с ними иногда и фигуры животных... Поэтому мы и видим на одном из... рисунков Первого Каменного острова в сочетании с полосами фигуру оленя или лося»[3]. Совершенно аналогичным образом интерпретирует изображения в виде решеток как охотничьи загородки и А. А. Формозов[4]. Судя по собранным и приводимым здесь материалам, изображения охотничьих сооружений в уральских писаницах, хотя в известной степени и варьируют, но они не выходят при этом за пределы немногих прототипов. Наиболее обычными являются, как уже говорилось, различные виды зигзагообразной линии с отростками, иногда сдвоенной как во второй группе Писаного Камня на Тагиле (рис. 44, *1*) или как во 2-й группе Сокольинских утесов (рис. 44, *2*), ряды вертикальных параллельных линий и штрихов, упоминавшиеся выше сетки и решетки на 2-й Бородинской скале, ряды параллельных зигзагов как фигуры 41, 42 на той же скале или меандроидные изображения типа фигуры 5 с 1-й Бородинской (рис. 44, *8*) или фигуры 8 с Исаковской скалы (рис. 44, *5*). Подробнее все эти вариации изображений ловушек рассмотрим дальше, сведя их воедино, здесь лишь ограничусь предположением, что многообразие этих рисунков, по всей вероятности, соответствует реально существовавшим типам охотничьих приспособлений и сооружений.

Четвертый вариант. Изображение человека, животного и охотничьей изгороди. Композиции этой группы очень немногочисленны и не однотипны. Две единственно одинаковые находим на верхнем и среднем утесах Камня Балабан на р. Тагиле у д. Прянишниковой[5]. Обе они сохранились плохо, но все же достаточно, чтобы распознать их содержание.

Построены они по одной схеме: слева хотя и схематичные, но достаточно реалистические человеческие фигуры. Обе они наклонены вперед, ноги расставлены, и у одной рука согнута в локте и приподнята. Несмотря на примитивность рисунка, позы явно выражают динамику. В средней части композиций — изображения одного или двух животных, а с правой охотничьи изгороди и, возможно, еще какие-то приспособления.

---

[3] А. П. Окладников, 1966, стр. 125.
[4] А. А. Формозов, 1966, стр. 128.
[5] М. Н. Черпецов, 1964, табл. XXVI.

Рис. 44. Изображения третьего варианта первого сюжета (*1—8*)

Рис. 45. Изображения четвертого варианта первого сюжета и этнографические параллели (рисунки на лопарских бубнах по Э. Манкеру)

Почти полная идентичность композиций и их нахождение в одном месте (утесы расположены один от другого на расстоянии лишь нескольких десятков метров) дают полную уверенность в том, что рисунки были сделаны одними и теми же людьми и приблизительно в один и тот же период времени. Вполне вероятно, что к композициям подобного же типа следует отнести писаницу на р. Серге (табл. XVI). Писаница находится на двух смежных камнях и в силу этого как будто не образует единого целого. В то же время, эти камни расположены под прямым углом друг к другу, что, естественно, сокращает расстояние между ними. При этом обе человеческие фигуры находятся по краям писаницы, так что изображения и животных и ловчих загородок заключены между ними ближе к внутреннему углу, образуемому плитами. Именно это как будто и позволяет рассматривать писаницу как единую композицию. Отличием ее от писаниц на камне Балабан являются изображение небосвода и солярные фигуры, типичные для первого и второго вариантов, но вместе с тем они не противоречат им по общему содержанию. Сергинская писаница как бы объединяет все три варианта, указывая на их сюжетное единство.

Очень своеобразная и выразительная композиция, которую также можно отнести к писаницам четвертого варианта, находится в составе пятой группы Змиева Камня на Тагиле (рис. 45, *1*) [6]. В центре этой композиции находится фигура лося или оленя, заключенная в круге, который, как увидим дальше, можно на основании аналогий рассматривать как кольцеобразный загон. По обе стороны последнего можно различить зигзагообразные загородки. В верхней части кольцо разомкнуто, как бы образуя проход в загон. Несколько выше этого прохода находится заграждение какого-то типа, рядом с которым стоит человек, касаясь его рукой. К рассмотрению этой писаницы еще придется вернуться несколько далее, поэтому здесь ограничусь лишь приведенным кратким описанием.

Еще одна писаница (рис. 44, *6*), которую, вероятно, можно отнести к четвертому варианту, находится рядом со второй группой изображений Сокольинских утесов, с которыми она, видимо, не связана. На последнее указывает то, что она расположена отдельно, на камне, находящемся ниже карниза, по которому можно подойти к месту, где расположена вторая группа, кроме того, эта писаница имеет и некоторые стилистические особенности. Своеобразна и сама композиция. В левой части ее находится фигура лося, изображенного предельно схематично, пересеченная вертикальными линиями по туловищу и косыми по шее, что сближает ее с только что рассмотренными в третьем варианте изображениями зверей в загородках или ловушках. Несколько правее и позади лося расположена фигура человека, изображенного на фоне круга, напоминающего неоднократно уже встречавшиеся солярные знаки. В целом эта писаница производит впечатление очень условной и думается, что является относительно более поздней по сравнению с другими изображениями Сокольинских утесов.

Второй сюжет содержит изображения водоплавающих птиц в сочетании с загородками, ловушками и иногда с солярными и небесными знаками. Второй сюжет является, по существу говоря, аналогом первому, но ориентирован не на копытных животных, а на птицу, которая благодаря своей мас-

[6] В. Н. Чернецов, 1964, т. XVIII, рис. 4 (в подписи к таблице неправильно указаны «седьмая и восьмая группы». Следует читать: «группы третья, четвертая и пятая»).

Второй сюжет. Сцена охоты на линную птицу

совости также имела большое значение в хозяйственном быту древних обитателей Зауралья.

Выделение второго сюжета могло бы быть несколько затруднительным, так как относящиеся к нему изображения далеко не так эффективны и ярки, как те, которые были рассмотрены в связи с первым сюжетом, если бы не сохранилась замечательная композиция на Змиевом Камне, изображающая сцену охоты на линную птицу (уток, гусей) [7]. Эта писаница находится в правой (нижней по течению) части Змиева Камня, причем обе находящиеся там группы изображений (шестая и седьмая) посвящены, как увидим далее, почти исключительно второму сюжету, что, очевидно, не является случайностью.

Композиция, о которой идет речь (фронтиспис и рис. 46, *4*) расположена на одном большом гладком камне (рис. 46, *31—38*), хотя, по всей вероятности, к ней относится и фигура 40, находящаяся в 25 см выше. Основную часть писаницы составляют около 20 изображений птиц (гусей и уток), отличающихся между собой длиной шеи. Судя по различиям в оттенках краски и налеганию отдельных фигур, можно думать, что создание этой писаницы нельзя отнести к одному моменту. Об этом же могут свидетельствовать некоторые отличия в начертании фигур птиц. Некоторые из них вырисованы довольно подробно, как фигуры *35* и *36*, у которых изображены даже крылья, тогда как другие, подобно фигурам *37*, переданы крайне схематично и условно. Можно допустить, что эта писаница использовалась неоднократно, причем каждый раз к ней добавлялись новые фигуры. Возможно, что количество их играло известную роль при совершении обряда. В этой связи интересно отметить как бы сдвоенные фигуры, в которых отчетливо раздельно вырисованы только головы, а туловища переданы довольно слитно. Впрочем, такая манера изображения хорошо отражает натуру, когда в табуне плывущих уток можно бывает различить лишь головы и шеи, тогда как все остальное сливается в сплошную темную массу. Кроме изображения птиц, в композиции содержатся зигзагообразные линии, достаточно близкие «загородкам» первого сюжета, а также прямоугольные и П-образные фигуры (рис. 46, *34*, *б*, *38*), в которых можно предположить ловушку вроде загонов или котцов (рис. 46, *10*). К вопросу о последних несколько подробнее вернемся дальше. В нижней части писаницы совершенно отчетливо изображены две человеческие фигуры, а в разных местах ее и главным образом в верхней части группы 33 — небольшие, более или менее изогнутые под тупым углом линии. Одна такая линия имеется в сочетании с фигурой человека (*34*). Эти линии не являются составными частями изображений птиц и по отношению к последним их, скорее, можно рассматривать как какие-то инородные тела. Так, две из них явно пересекают голову и отчасти шею изображения птицы — скорее всего гуся — в группе 33. Думаю, что без особой натяжки эти линии возможно определить как изображения палок или метательных дубинок типа бумеранга, бросая которые, люди гнали нелетную птицу в нужном направлении, т. е. в загородки или загоны (фигура *38*, зигзаг в правой части фигуры *33*). Именно с подобным орудием и изображен один из людей (*34*). Охотничьи метательные дубинки были знакомы древним уральцам. Так, об этом свидетельствует орудие типа бумеранга, найденное в Горбуновском торфянике. Оно было обнаружено в 1936 г. Д. Н. Эдингом в нижнем горизонте «6-го разреза» под настилом из жердей и плах, относящемся, видимо, к эпохе неолита или ранней бронзы. Это орудие (рис. 46, *3*), судя по описанию Д. Эдинга, представляло собой «изогнутую деревянную пластину с утончающимися концами. Длина ее 85 см; наибольшая ширина в середине 7,7 см и толщина 1,7 см. Поверхность поделки тщательно обстругана; края срезаны вертикально, не заострены» [8]. Приведенные размеры вполне позволяют определить это орудие как метательное, типа бумеранга,— предположение, впервые высказанное В. Раушенбах [9].

Как уже упоминалось, в связи с описанием композиции из 7-й группы Змиева Камня к ней, видимо, следует отнести и фигуру *40*, расположенную в 25 см выше основной писаницы. Эта фигура представляет собой овал, концентрически окруженный подобием ромбов с несколько сглаженными углами, усложненных пересекающими их линиями и зигзагами. Полагаю, что эту фигуру можно рассматривать как условное изображение озера, возможно, что и с находящимися около него ловчими сооружениями. Подробное же сочетание обнаруживаем и в шестой группе Зенковских скал [10] (рис. 46, *8*), только в отличие от змиевской писаницы овал, предположительно изображающий озеро и около которого находятся фигуры уток, не имеет никаких дополнительных линий. Зато в непосредственной близости на соседнем камне находится ромбовидная лабиринтообразная фигура, своими очертаниями вполне напоминающая рассмотренную выше фигуру *40* из 7-й группы Змиева Камня (рис. 46, *9*).

Отображение в наскальных рисунках загонной охоты на линную птицу можно считать совершенно естественным. По этнографическим материалам хорошо известны широкое распространение в прошлом этого вида промысла у народов севера. Основан он был на том, что в период линьки, когда птица лишена возможности летать, она тысячными табунами собиралась на озерах, где и становилась верной добычей охотников. Охота осуществлялась обычно загоном. Предварительно на озерах устраивались загородки, расположенные в заливах, на протоках или на удобных частях берега. Иногда применялись и сети, сплетенные из тонких ремешков и веревок из тальниковой коры. Часть охотников на лодках, а на мелких озерах и вброд, криками и палками загоняла гусей и уток с озера, а другая часть, расположившись в укрытиях по берегам, не давала птице прорваться в стороны, направляя ее в загоны, где птица и забивалась. Охота на линную птицу, длившаяся большую часть лета, требовали большого напряжения сил, но была очень эффективна и обеспечи-

[7] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XIX.

[8] Д. Н. Эдинг, 1940, стр. 54, табл. IV, рис. 4.

[9] В. М. Раушенбах, 1956, стр. 33.

[10] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XXV, *1*.

вала людей пищей в виде вяленого мяса на большой срок. По данным А. А. Попова, нганасаны добывали от 300 до 1000 гусей за одну охоту [11].

Тем не менее промысел птицы, вероятно, все же уступал по своему значению охоте на зверя. Можно думать, что именно по этой причине писаницы, относящиеся ко второму сюжету, не столь многочисленны и обычно композиционно менее сложны, чем связанные с тематикой первого сюжета. Нередко встречаются и одиночные изображения птиц, которые вообще трудно связать в какие-либо композиции. В частности, таких изображений много в 6-й, 7-й группах Змиева Камня, но здесь благодаря описанной выше композиции они как-то объединяются между собой общностью тематики, вследствие чего некоторые отдельные и даже малопонятные фигуры могут быть отчасти осмыслены. Среди последних наиболее выразительна группа фигур, помеченных номерами *29*, *30* [12] (рис. 47, *1*). Эта группа состоит из нескольких, довольно схематично изображенных птиц, расположенных непосредственно около загородок. Вероятно, подобный же смысл имеют фигуры *41—51* и, возможно, *46* на той же таблице (рис. 47, *3*, *6*).

Из писаниц, расположенных в других пунктах, к этой же категории изображений можно отнести фигуру утки (возможно, двух) около «загородки» из вертикальных линий в 9-й группе Змиева Камня (рис. 47, *7*), изображения уток около какой-то сложной фигуры в виде вписанных U-образных линий, к которой «привязана» одна из уток (рис. 47, *4*), и, возможно, плохо сохранившуюся композицию в левой части 2-й Бородинской скалы (рис. 47, *5*, табл. XIII, *42*).

Подобно тому как и в композициях с животными, изображения птиц иногда сочетаются с солярными и небесными знаками. Количество таких писаниц в общем не велико, поэтому среди них трудно выделить какие-либо устойчивые варианты, тем более что иногда изображения птиц оказываются включенными вместе с фигурами животных в композиции описанного выше первого типа. К таким можно отнести 7-ю группу Сокольинских утесов [13], в нижней части которой расположена фигура животного (косули?) с солярным знаком и «небосводом» над ней, а выше — изображения трех уток или гусей, также в сочетании с остатками «небосвода». Возможно, что такое же сочетание имеет место и во 2-й группе тех же скал, где изображение птицы расположено около головы лося под остатками «небосвода».

В некоторых случаях сюжет с птицами и солярными знаками встречается и в чистой форме. Такая писаница содержится в 5-й группе Сокольинских утесов [14]. В левой части ее находятся, хотя и сильно разрушенные, но тем не менее достаточно отчетливые изображения птиц, возможно, в сочетании с ловушками или загородками (рис. 47, *8а*), а в правой — две солярные фигуры; одна сильно разрушенная, а другая очень отчетливая (рис. 47, *8б*). Аналогичная композиция находится в 1-й группе тех же Сокольинских утесов [15]. В правой части этой композиции изображена какая-то водоплавающая птица и рядом с ней солярный знак (от него сохранилась лишь половина (рис. 47, *9б*)). В левой части — еще две или три птицы (рис. 47, *9а*). Возможно, что к этой же композиции относились и фигуры, расположенные чуть выше, но они настолько плохо сохранились, что расшифровать их не представляется возможным.

Остатки еще одной композиции можно усмотреть во 2-й группе Змиева Камня. Хотя изображения расположены здесь и не так компактно, как в 6—7-й группах на той же скале, и они частично разрушены, но все же их возможно увязать в один комплекс, включающий *12*, *15—18*. По аналогии с изображениями 7-й группы, эти рисунки могут быть расшифрованы как орудия охоты на птиц: *18* — бумеранги, *15* — загон и тоже бумеранги (рис. 46, *5а*), а *16* — очень плохо переданный на таблице XVII в первой части, но правильно здесь (рис. 46, *5б*), может быть понят как снаряд типа болас для охоты на птиц (о последнем несколько ниже). К этому же комплексу, видимо, следует отнести и солярный знак (*53*), находящийся в 50 см правее, на самом краю этой же плиты. Наконец, не вижу особых препятствий и к включению в одну общую композицию и фигур *11*, *12* (по нумерации на табл. XVII первого выпуска). Фигура *11* расположена в 70 см ниже шестнадцатого и представляет собой изображение двух человек, а *12*, как это и говорилось уже в первой части,— загородку с ловушкой котцового типа в ее средней части. Легко видеть, что взятая в таком объеме изображений композиция 2-й группы оказывается вполне близкой писаницам 6-й и 7-й групп Змиева Камня. Можно указать лишь на одно небольшое отличие. Тогда как в последних не обнаруживается ни одного изображения, выходящего за пределы тематики второго сюжета, здесь находим две фигуры — голову животного и солярный знак, расположенные между *11* и *15*, характерные для первого сюжета. Однако, как мы видели хотя бы во 2-й и 7-й группах Сокольинских утесов, такое сочетание не является особой редкостью, да и вообще писаницы первого и второго сюжетов, видимо, нет основания считать взаимоисключающими.

Болас, упоминавшийся несколькими строками выше, в той форме, как он известен по этнографическим материалам, представляет собой связку из 4—6 шнурков, с костяными грузиками грушевидной формы на концах (рис. 46, *1*). Такое орудие, еще недавно применявшееся чукчами для ловли уток, было описано В. Богоразом, который приводит и чукотские рисунки, изображающие охоту с «эплакат» — боласом (рис. 48). На рисунках показаны три момента бросания этого орудия: 1. Охотник взмахивает связкой. Шнурки натянулись. 2. Связка летит в воздух. Шнурки расправились в воздухе. 3. Птица опутана шнурками и упала на землю [16].

[11] А. А. Попов, 1948, стр. 45.
[12] В. Н. Черницов, 1964, табл. XIX.
[13] Там же, табл. VIII.
[14] Там же, табл. VII, 1.
[15] Там же, табл. II.
[16] В. Г. Богораз, 1901, стр. 32, табл. XIII, *1*, *2*; он же, 1913, стр. 407—408, рис. 9.

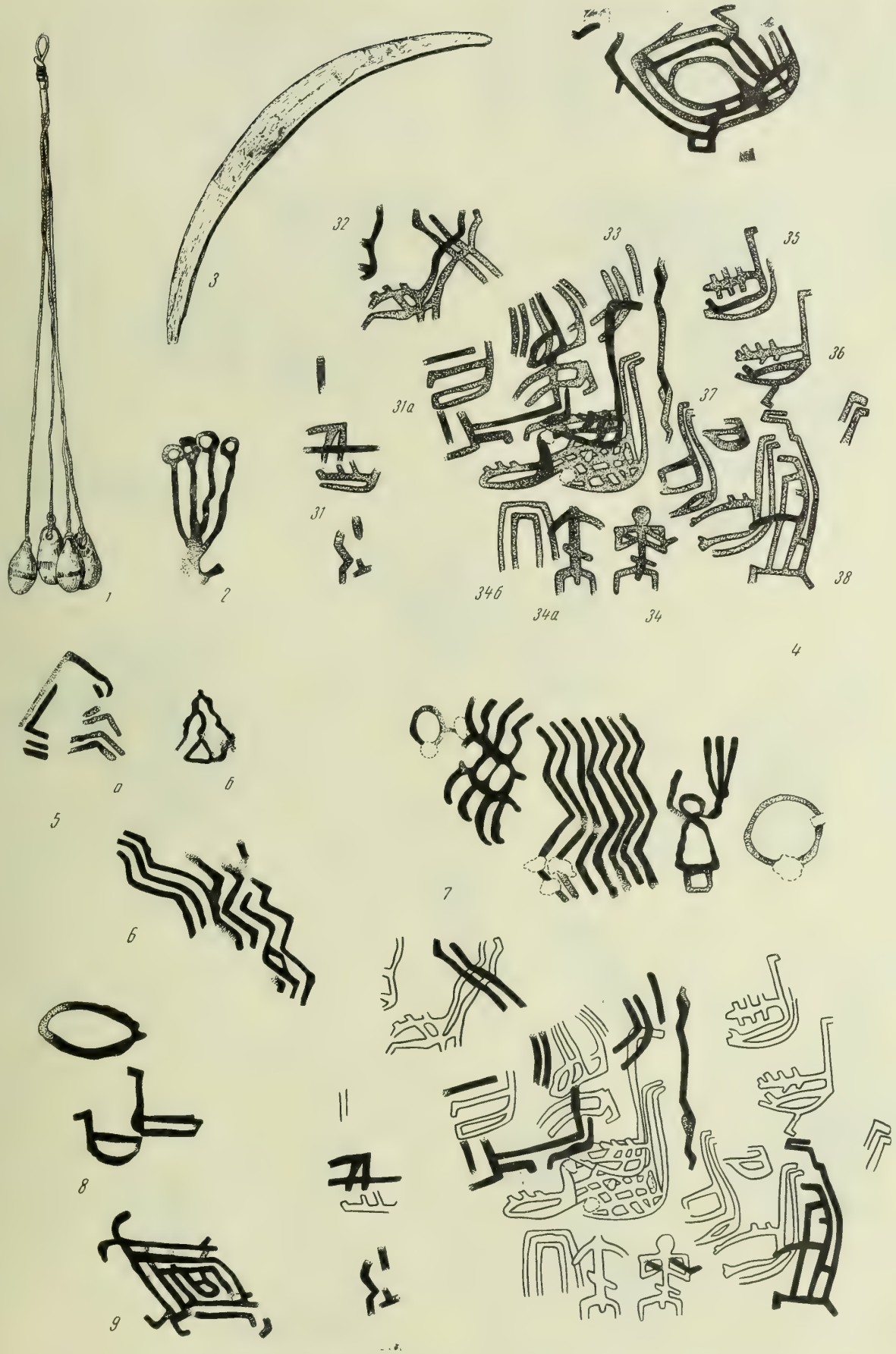


Рис. 46. Изображения, относящиеся к композициям второго сюжета (1—9)

Как можно легко заметить, фигура, находящаяся в пятой группе Зенковской скалы (рис. 46, 7), весьма близко напоминает первое изображение человека, бросающего «эплакат», чукотских рисунков. Почти тождественно и изображение боласа в руке охотника с фигурой *9* в третьей группе Змиева Камня (рис. 46, *2*).

Существенно отметить, что в противоположность писаницам первого сюжета, композиции, содержащие изображения птиц, встречаются не по всей территории распространения уральских наскальных изображений. По существу говоря, за ничтожными исключениями они ограничены лишь р. Тагил, да и то обнаруживаются далеко не на всех скалах, где

Рис. 47. Композиция второго сюжета

имеются писаницы. Главным образом они сконцентрированы в правой (нижней по течению) части Змиева Камня — группы 6-я, 7-я и 9-я; на соседних с ним Зенковских скалах и отчасти на Сокольинских утесах. Надо полагать, что такая локализация не случайна и, вероятно, обусловлена какими-то характерными для данной местности причинами. Первое, что приходит на мысль, это близость соответствующих промысловых угодий. Действительно, в небольшом удалении от левого берега р. Тагил, именно в этой его части, находится группа озер, некоторые из которых, такие, как Юрьинское и Шайтанское, довольно значительны по своим размерам. Судя по археологическим данным, берега этих озер привлекли к себе людей и были обитаемы начиная уже с раннего неолита. Вполне можно допустить, что на этих озерах существовали благоприятные условия не только для рыбной ловли, но и для охоты на линную водоплавающую птицу, что и отразилось в ближайших к этим местам наскальным рисункам.

Кроме перечисленных выше писаниц, относящихся к сюжету с птицами, есть еще одна небольшая группа изображений, по крайней мере формально с ними связанных. В основе своей композиции этого варианта состоят из фигуры птицы, солярного или небесного знака и изображения дерева, что и составляет их специфику.

В наиболее чистой форме композиции этого типа встречены лишь в двух случаях и обе из них на тагильском Писаном Камне. Последний факт следует подчеркнуть особо, ибо, как уже говорилось, на этой скале писаницы второго сюжета отсутствуют, да и первый представлен одиночными и маловыразительными примерами, Почти все рисунки тагильского Писаного Камня типологически совершенно отличны от рассмотренных в связи с первым и вторым сюжетами и в массе своей относятся к третьему сюжету, о котором речь будет ниже. Такое расположение композиций описываемого варианта заслуживает особого внимания, так как сразу наводит на мысль о том, что они, возможно, занимают как бы промежуточное положение между писаницами первого и второго сюжетов, с одной стороны, и третьего — с другой. Подробнее к этому вопросу вернемся ниже, а сейчас рассмотрим относящийся к данному варианту материал.

Как уже упоминалось, на Писаном Камне зафиксированы две композиции. Первая из них находится в 6-й группе [17] (рис. 49, *3а*) и состоит из фигуры птицы, отличающейся от обычных треугольной формой туловища, рядом с которой находится изображение «дерева» или какого-то обобщенного растения. Несколько правее и чуть выше — «небосвод», изображенный двумя зубчатыми полукругами, усложненный свисающими вниз волнистыми линиями (рис. 49, *3б*). Весьма близкая по содержанию композиция находится в полутора метрах правее и выше описанной [18] (рис. 49, *4*). В правой части ее видим птицу с туловищем такой же треугольной формы, как и в предыдущем случае, но с косой

Рис. 48. Чукотские рисунки, изображающие охоту на уток с боласом

решетчатой разделкой внутри. Левее птицы — изображение солнца с лучами, а между ними следы плохо сохранившейся древовидной фигуры, от которой остались лишь основание и часть изогнутой ветви у вершины. Как, может быть, ни заманчиво было бы видеть в нижней части этой фигуры наконечник стрелы, все же полагаю, что подобную расшифровку следует категорически отбросить. Наконечники с жальцами почти не встречаются в материалах неолита и бронзы Зауралья. Во всяком случае, что форма совершенно не типична и не могла послужить прототипом для обобщенного изображения наконечника стрелы. В эпоху железа наконечники с жальцами действительно появились, и просуществовали они вплоть до исторического времени, но они были совершенно других пропорций (за исключением гарпунной стрелы на выдру) и применялись исключительно как боевые и для охоты на крупного зверя. Для охоты на водоплавающую птицу употреблялись исключительно Y-образные утиные и «когтистые» для гусей, известные по архео-

[17] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XIII.
[18] Там же, табл. XII.

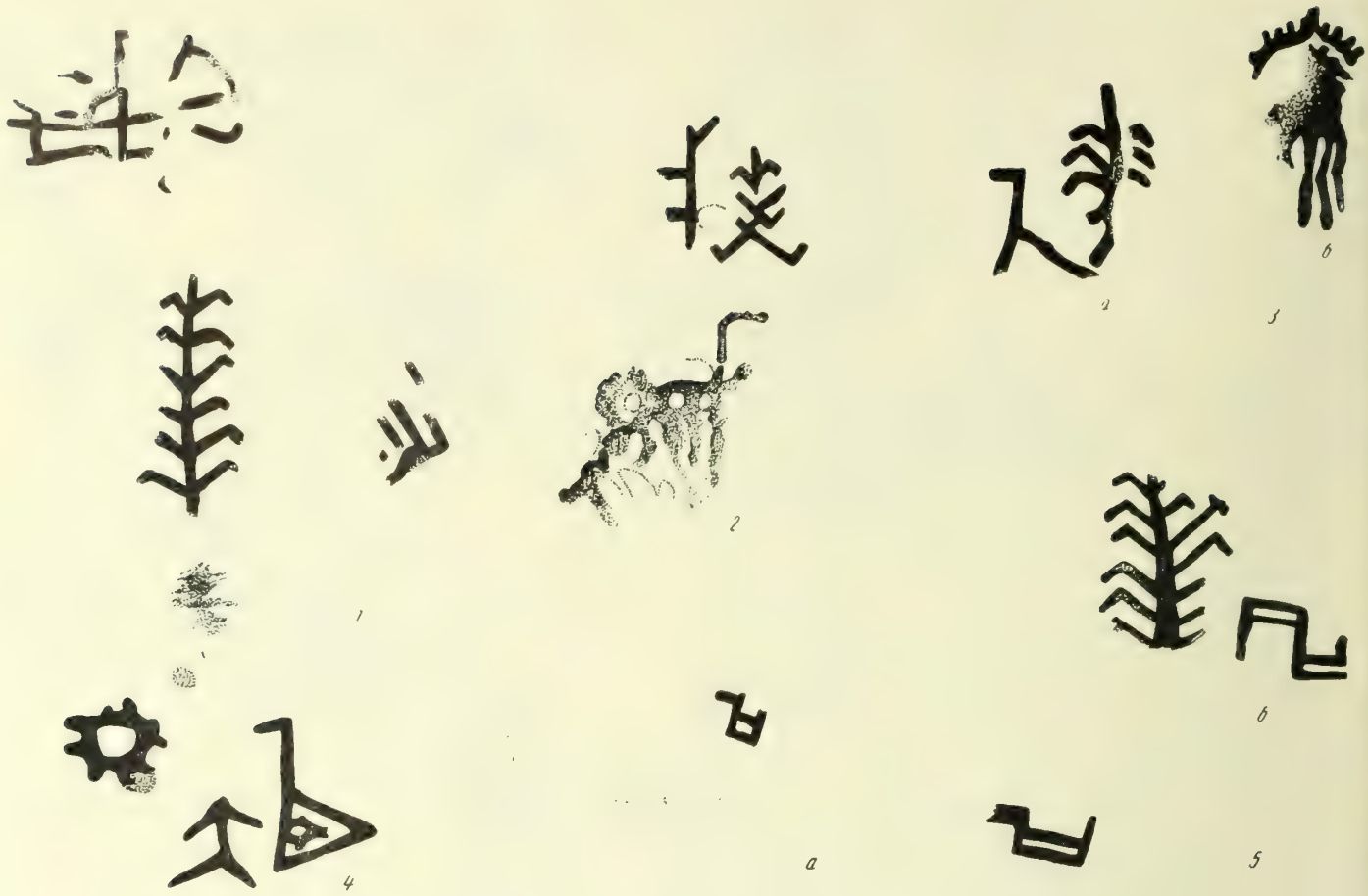


Рис. 49. Композиция, включающая изображения птиц и деревьев

логическим материалам уже с усть-полуйского времени. Применение тех или иных типов наконечников жестко определяется техническими условиями охоты на различных птиц и животных в тех или иных условиях, и отклонений от веками выработанных приемов не бывает. Тем более трудно предположить, чтобы такая грубая ошибка была допущена в рисунке обрядового характера.

Две другие композиции с изображением дерева находятся на Змиевом Камне. Одна из них расположена в нижней части, уже в знакомой нам шестой группе. Она состоит из большого изображения солнца с лучами[19] (рис. 49, *1*), ниже которой находится изображение дерева (там же, фигура *56*). Кроме этих двух фигур, здесь можно различить остатки еще нескольких изображений, возможно, в том числе и птиц. Встает вопрос, следует ли рассматривать *55—57* как отдельную композицию, подобную находящимся на Писаном Камне, или вся 6-я группа, расположенная достаточно компактно, представляет собой единое целое? На этот вопрос, очевидно, следует ответить утвердительно, т. е. в том смысле, что фигуры *55—57* являются самостоятельной группой. Об этом свидетельствуют некоторые различия в степени сохранности рисунков и толщине линий, которыми они нанесены и, наконец, хотя и незначительные, но все же заметные вариации в оттенках краски. Все это вместе дает достаточное основание, чтобы предположить известную неодновременность этих групп рисунков.

Еще одна композиция находится во второй группе Змиева Камня[20] (рис. 49, *5*). Она расположена довольно компактно на одном камне и состоит из древовидной фигуры, ниже которой находятся три очень схематичных изображения уток. Кроме описанных на Тагиле, мне известна еще только одна композиция с изображением дерева, которая находится в 6-й группе Сокольинских утесов[21] (рис. 49, *2*). Хотя она и очень сильно разрушена, в ней все же можно разобрать изображения дерева и птицы.

Детальное ознакомление с писаницами первого и второго сюжетов позволяет нам сделать некоторые выводы и обобщения, которые к тому же помогут при анализе изображений третьей сюжетной группы. Прежде всего следует отметить принципиальную близость и, очевидно, единозначность всех писаниц первого и второго сюжетов. Различия в них ограничиваются лишь объектами, с которыми они связаны, т. е. животными или птицами, но основные компоненты, составляющие эти писаницы,— едины. Это: а) изображения объектов промысла; б) изображения загородок и ловушек; в) солярные и небесные знаки и в редких случаях г) фигуры

[19] М. Н. Черницов, 1964, табл. XIX.

[20] В. Н. Черницов, 1964, табл. XVI, *19*, *20*.

[21] Там же, табл. V.

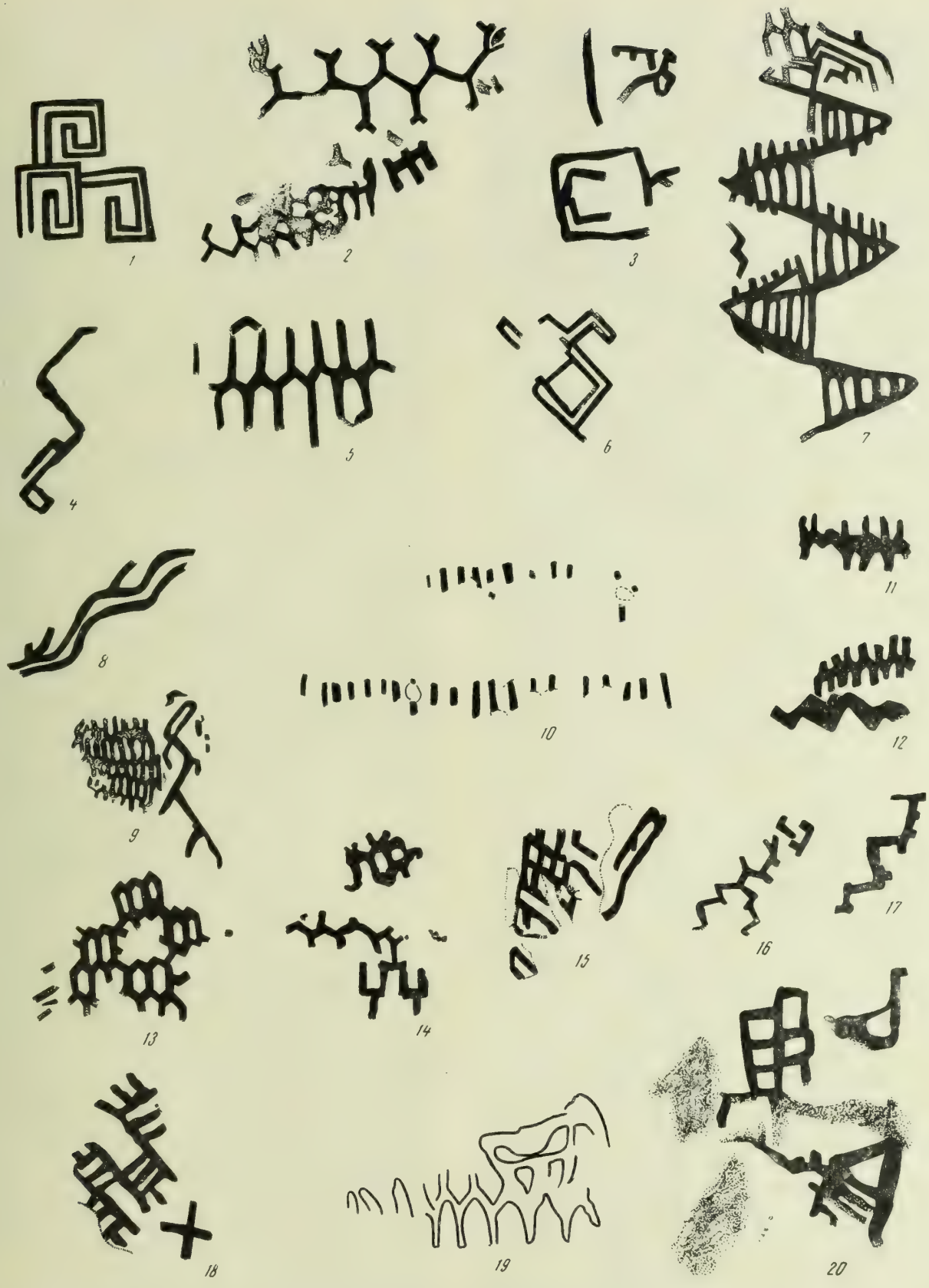


Рис. 50. Сводная таблица фигур, которые можно интерпретировать как изображения охотничьих и рыболовных сооружений (1—20)

людей. При этом следует подчеркнуть единообразие композиционной схемы, варьирующей лишь в деталях, но по существу единой для всей территории распространения уральских наскальных изображений, чему, видимо, соответствовала и однородность связанных с ними обрядов и представлений. То, что писаницы первого и второго сюжетов отражают охотничий промысел, как будто не подлежит сомнению. Этого вопроса мы касались и ранее, но ввиду его важности остановимся на нем несколько подробнее и здесь. В связи с этим на рис. 50 приводим фигуры, выбранные из разных писаниц, которые можно интерпретировать как изображения ловушек и других промысловых сооружений. Повторяемость этих фигур в сочетании с изображениями животных и птиц, хотя бы и с некоторыми вариациями в деталях, дает известную уверенность в правильности предлагаемых объяснений. Вполне возможно, что некоторые из приводимых фигур надо связывать не с охотой, а с рыболовством. Такова, например, зигзагообразная фигура на 2-й Бородинской скале (рис. 50, *7*), о которой говорилось уже в первой части [22], как об изображении рыболовного запора, изображения заколов [23] (рис. 50, *11*), котцов [24] (рис. 50, *1*, *4*, *6*), морд [25] (верш) и, возможно, сетей (рис. 50, *9*, *13*). Следует, однако, оговориться, что в схематическом изображении охотничьи и рыболовные сооружения могут выглядеть совершенно одинаково, особенно различные засеки и заколы. Поэтому прямых доказательств связи этих фигур именно с рыболовством у нас нет, тем более что изображений рыб в писаницах не встречено ни разу. Последнее, конечно, не свидетельствует о малой роли рыболовства, а тем более об отсутствии его в период, охватываемый писаницами. Характерно, что в современных охотничьих «затесах» у манси и хантов, о которых речь была в первой части, отмечаются не только крупные животные, но и мелкие, а также птицы, но, как правило, только не рыбы. Если иногда и отмечают затесом убитую острогой крупную щуку или тайменя, то этого никогда не делают в отношении рыбы, пойманной сетями или запорами.

О приведенных на рис. 50 охотничьих сооружениях частично говорилось уже раньше. Так, многократно упоминались засеки и другого типа изгороди, которые предположительно изображались в писаницах одинарными или двойными зигзагообразными линиями с отростками (рис. 50, *2*, *8*, *12*, *14*, *16*, *17*) или вертикальными штрихами (рис. 50, *10*). Говорилось о различных категориях ловушек — давящих, запутывающих и т. д. (рис. 44, *1*, *4*), сторожевых луках (рис. 44, *3*?), загонах и ловчих ямах (рис. 45, *1*; 50, *3*, *15*, *17*, *19*). Но для того чтобы хоть приблизительно представить себе действие всех этих хитроумных и, как правило, очень эффективных приспособлений, их место и значение, какое они могли иметь в жизни древних уральцев, мы должны обратиться к этнографическому материалу. Конечно, он не даст полностью той картины, которую можно было бы наблюдать в эпоху неолита и бронзы, так как с тех пор изменились не только количество зверя, но и техническая оснащенность охотников, их общественный быт и т. д., однако это все же будет известное приближение к реальной картине в конкретных ландшафтных и экологических условиях. А это уже несколько лучше, чем одни произвольные субъективные предположения.

«Вогуличи,— писал в своих „Дневных записках" И. Лепехин,— в своих звериных промыслах... не щадят ни трудов, ни покоя; но единственным себе ловлю полагая предметом находят в ней и свое удовольствие и содержание. Главнейший промысел у них в добывании сохатого зверя или лося; его питаются они мясом как свежим, так и вяленым или в дыму копченым...» [26] То же самое отмечает и Паллас: «Обогатило их естество в сих пустынях множеством диких зверей; между коими лоси главнейшее их составляют довольство» [27].

Большое значение в жизни зауральских манси охоты на копытных отмечают и последующие авторы. «Живя в лесах непроходимых,— писал капитан Пелкин,— они (т. е. манси) преимущественно занимаются охотой. Лось и северный олень, обитающие там в большом количестве, составляют главную цель промышленности, почему и охота на них производится преимущественно перед прочими» [28]. Превалирующее значение охоты на оленя и лося по сравнению с другими видами промысла объяснялось тем, что копытные обеспечивали достаточным количеством мяса, которое легко можно было заготавливать и впрок достаточно несложным способом. «Мясо, если свежего не поедят, режут полосами и вялят на воздухе или коптят в дыму без соли, и оно либо вареное, либо сухое составляет обыкновенную их пищу» [29],— писал Паллас в отношении зауральских манси. Такое преимущественно мясное питание мне еще довелось застать у лозвинских манси — небольшой и довольно изолированной группы, в силу ряда причин сохранявших в быту очень много архаических черт. Достаточно сказать, что в 20-х годах их быт весьма мало отличался от того, что мы находим в описаниях путешественников XVIII в. Даже в эти годы основу их питания составляло лосиное мясо. В добавление к нему летом собирали ягоду, преимущественно голубику, ловили хариуса, осенью ставили слопцы на боровую птицу, на небольших речках сооружали запоры, но все это без охоты на лося и оленя не могло обеспечить достаточного количества пищи. В удачные годы, когда добывали по 10—15 и более лосей на охотника, не считая оленей, вяленого мяса заготавливали полные чамьи [30], в которых оно могло сохраняться очень долго. Перед варкой его на сутки опускали в ручей, чтобы оно хорошенько намокло. Ели его и сухое, предварительно погрев на огне, от чего оно размягчается, и несколько расколотив обухом топора или камнем. В таком виде его употребляли с чаем вместо хлеба, которого в те годы лозвинские манси ели еще очень мало. Вяленое мясо и топленое лосиное сало брали с собой,

[22] В. Н. Чернецов, 1964, рис. 4, *6*, рис. 10.
[23] Там же, рис. 9, *1*.
[24] Там же, рис. 10, *5*, *7*.
[25] Там же, рис. 10, *1*, *2*.

[26] И. Лепехин, 1814, стр. 21.
[27] П. С. Паллас, 1786, стр. 327.
[28] Пелкин, 1855, стр. 237.
[29] П. С. Паллас, 1786, стр. 328.
[30] Чамья — манс. *сомъях* — амбарчик на высоких столбах.

отправляясь в дорогу. Трудно даже сказать, какое количество мяса требовалось при такой системе питания на одного человека. Во всяком случае очень большое. В качестве примера можно сказать, что шесть-восемь человек съедали в сыром виде значительную часть только что убитого оленя (домашнего, который мельче, чем дикий). Виды охоты на лося были довольно разнообразны в зависимости от времени года. Весной его загоняли по насту. Летом в жару скрадывали в воде, где лось спасается от гнуса, ранней осенью добывали с собаками. Однако наиболее верным и массовым способом, регулярно обеспечивавшим население мясом, были так называемые огороды или засеки. Упоминания о промысле «огородами» находим у ряда авторов, но все они довольно кратки и поверхностны и, лишь сводя их вместе, можно составить себе относительно полное представление о некоторых существенных для нас деталях.

«По пространственным лесам, какие около Косвинского камня находятся, видны были особливые преграды, путики называемые,— пишет Лепехин.— Верст на 15, а иногда и более, по рекам делают загородку, наподобие той преграды, которую в деревнях околицею называют. Она идет почти в прямой линии, а расстоянии саженях, например, в 20 оставляют место шириной в маховую сажень, незагороженное. При каждом сем открытом месте выкапывают продолговатую яму наподобие могилы глубиной в сажень; в которых ямах на дне ставят различные острея, и сверху каждую яму прикрывают хворостом и притруховают листом и хвоей. Бродящие по лесам лоси или олени, когда на такой путик попадаются, то принуждены бывают теми или иными полыми проходит воротами, где сквозь хворост провалившись падают в яму. Хотя такая ловушка сначала много стоит труда: но после не редко сугубую приносит добычу» [31]. Паллас также описывает «изгородку, простирающуюся в лес иногда до двенадцати и более верст и состоящую либо из одного токмо плетня, либо из молодых сосен и елей, между засек насажденных. Они крепко стерегут, чтобы сии изгородки были безопасны и наблюдают прилежно, чтобы в тех местах, где оные поставлены, никто ни сена не косил, ни дерева не рубил... В некотором расстоянии пущены отверстия и по иным или расставлены напряженные творила или покопаны ловчие ямы для поимки проходящих зверей... Большею частью употребляют к сему Вогульцы расставленные напряженные луки, Гмелиным исправно описанные» [32]. Глушков сообщает, что подобные изгороди «в две жерди» устраивались «на пути перекочевок лосей между горами... При устройстве изгороди, особенно при установке лука, соблюдаются предосторожности: лук натирается пихтовыми ветками, поблизости не рубятся деревья...» [33] Сходно с приведенными и описание, даваемое В. Белоусовым: «заприметив место, где лоси чаще всего ходят, стараются его перегородить огородами в одну жердь. Жерди кладут на высоте груди человека длиной в 6—7 сажень. Пеньки и свежесрубленные места закладывают мохом, щепки зарывают в землю, чтобы не отпугать лосей от огорода. Через каждую жердь или две оставляют проход, с одной стороны которого ставят настороженный лук. Лук стругается из полуденной половины красной (от солнца) кремлистой (обильная смолой) ели. Такой ели много растет по хребту Тайт-Ялпинг-Нёр... Лук из кремлистой ели не слабнет от долгого употребления и одинаково бьет во всякую погоду... Самострелы выделываются вогулами исключительно ножом и притом очень искусно... Стрела ставится обычно на уровне сердца зверя, поэтому самострел наносит обыкновенно смертельные раны... Стрела так сильно бьет, что или кладет лося на месте или смертельно ранит. Года за два или за три лоси привыкают к огороду и начинают его опасаться... Заметив это, луки убирают и строят огород в другом месте. Ловушки на снедных зверей, например на лося, стоят обычно почти круглый год. Только в самые сильные летние жары да в зимы с глубокими снегами убирают луки от огородов. Летом пойманный зверь очень скоро портится, зимой же в глубокий снег стрела пролетает у него под брюхом, не ранив его» [34]. Ряд интересных сведений, касающихся промысловой охоты на копытных, приводят Л. Сабанеев и А. Теплоухов. На Урале «весьма многие звери,—пишет Сабанеев,— совершают правильные каждогодные переселения с западного склона на восточный, т. е. с глубоких снегов на мелкие, и этим объясняется зимняя многочисленность козлов (косуль)... в юго-восточном и лосей... в северо-восточном Урале». Переходы косуль «совершались с почти неизменной правильностью... и причиной были глубокие снега западного склона». Они шли стадами по «20—50 голов, а в 1850 году один охотник видел стадо, заключавшее до 500 голов» [35]. «Переходы эти начинаются с середины осени, с падением первого снега, а возвращаются звери на западный склон весной, когда снег сходит. Этим пользуются охотники для поимки животных ямами. Ямы располагаются рядами в несколько рядов вдоль хребта с севера к югу на всех горных проходах и берегах рек, по которым совершается обыкновенно переход. Пространства между ямами заслоняются легкими загородками с перерывами у самых ям, которые сверх того покрыты ветвями и мхом на тонких жердочках и, по возможности, сделаны незаметными. Обыкновенная длина и глубина их около 2 м, а ширина 1,5 м. Стены укрепляются кольями, чтобы попавшее животное не могло сгребать землю под себя и выскочить. Вне главной линии ям устраиваются еще поперечные загородки в направлении с востока к западу, иногда тоже с ямами. При переходе через горы животные встречают преграду; инстинктивно они недоверчиво смотрят на оставленное свободное пространство с ямой и направляются в сторону вдоль загородки, разыскивая проход, но, натыкаясь опять на поперечную изгородь с ямами, они принуждены возвратиться назад к прямой дороге, и, хотя они стараются перепрыгнуть сторонкой около

[31] И. Лепехин, 1814, стр. 115.
[32] П. С. Паллас, 1786, стр. 327.
[33] И. Н. Глушков, 1900, стр. 50.
[34] В. Н. Белоусов, 1915, стр. 36.
[35] Л. П. Сабанеев, 1872, стр. 63 и 75.

ямы, все же некоторые попадают в нее»[36]. В приведенном отрывке исключительно интересным является упоминание о поперечно отходящих дополнительных загородках, что полностью совпадает с наиболее распространенным типом изображения загородки в писаницах. Еще об одной форме засек сообщает М. Шатилов. «На лосей и оленей... устраиваются «засеки». Выследивши их стойбища и тропы, остяки валят лесину одна на другой поперек хода зверя под углом, постепенно его суживая и оставляя в конце угла проход, где и устанавливаются сторожевые луки»[37].

Следует обратить внимание на то, что большинство авторов XVIII в., описывающих «огороды», упоминают применение в них ям, а не луков, хотя описание сторожевого лука было дано уже Гмелиным. Весьма вероятно, что распространение последних — явление достаточно позднее, что, вероятно, связано с техникой их изготовления. Кремлина, из которой делались сторожевые луки, отличается исключительной твердостью древесины, так что с усилием обрабатывается даже хорошим стальным ножом, не говоря уже о более примитивных инструментах. Нужно было затрачивать много труда, чтобы вытесать сторожевой лук длиной около 2 м и почти в руку толщиной в средней его части. А даже для сравнительно небольшого «огорода» требовались десятки таких луков. Но луки были эффективнее и удобнее в эксплуатации, в связи с чем, вероятно, применение ям уже в XIX в. начало уменьшаться и в мою бытность использовались исключительно одни только луки, а о ловле ямами говорилось как о далеком прошлом. Возможно, что раньше луков начали применяться подрези, и изображение на скале с пещерой на правом берегу р. Тагила[38] (рис. 42, *5*) вполне может быть понято как орудие подобного типа. Подрезь состояла из ствола небольшого дерева длиной от 3 до 4 м, толщиной сантиметров 20 в комлевой части. Этот ствол неравноплече опирался на столбик с развилкой и в короткий легкий конец его укреплялся нож или черешковый наконечник копья. Комлевая часть служила противовесом. При настороженном положении острие было скрыто в траве или во мху. Ствол удерживался системой сторожков, нить от которых с небольшим провесом тянулась поперек прохода. Оленей и косуль промышляли тоже ямами, петлями и тяжелыми давящими ловушками. Именно последние, можно предположить, изображены на 2-й Бородинской скале (табл. XIII; рис. 44, *1*). Кроме того, как упоминает Сабанеев в цитированной работе, косуль добывали, выгоняя их на гладкий озерный лед. Следует допустить и существование в прошлом сочетания «огородов» с загонной охотой, подобной тому, какую Торнеус описывает в отношении лопарей. По его словам: последние устраивали загон в виде двух сходящихся под углом загородок, сделанных из шестов. В растворе этого угла шесты ставились редко, но по мере сближения изгородь делалась выше и плотнее. В вершине угла оставлялся проход и за ним «откос с пятью ступенями вниз, окруженный высоким и крепким забором»[39]. Гон охотники начинали издали и очень осторожно, чтобы не напугать и не разогнать оленей в стороны, и лишь когда олени заходили между изгородями, на них внезапно бросались и гнали вниз по ступеням в корраль, где и убивали.

Хотя Торнеус и не говорит об этом, но можно допустить, что для ступенчатого откоса использовались естественные понижения почвы или обрывы. Выше мы видели, что на некоторых писаницах, как, например, на камне Балабан и Сергинской скале, обычные композиции, состоящие из изображений животных и загородок, сочетаются с фигурами людей. Возможно, что в этих немногочисленных случаях следует видеть отражение именно подобной охоты, в которой человек играл более активную роль, чем при «огороде» с самоловной снастью, что, конечно, должно было облегчать устройство ловчих сооружений. Особенно интересна как иллюстрация к высказанному предположению уже упоминавшаяся выше композиция, находящаяся в пятой группе Змиева Камня[40] (рис. 45, *1*). В средней части ее изображен несомкнутый вверху круг, в центре которого находится олень или лось. От круга в обе стороны отходят зигзагообразные загородки. Вверху и несколько левее разрыва в круге — фигура человека, касающегося одной рукой линии с поперечными отростками — вероятно, тоже какого-то ограждения. Почти полную аналогию этой композиции находим в старинных изображениях на лопарских бубнах, датируемых не позднее, чем XVII в. (рис. 45, *2—5*). Рисунки приведены в работе Э. Манкера, посвященной ловчим ямам у древних лопарей, причем автор отмечает, что загон оленей и загородки для оленей — мотивы, часто встречающиеся в росписях на старинных лопарских шаманских бубнах[41]. Правда, Манкер склонен связывать эти мотивы исключительно с оленеводческой деятельностью саамов, но если это даже и так, то тем не менее рисунки на бубнах могут все же быть привлечены для расшифровки только что описанной композиции с Змиева Камня. Кроме того, и сами росписи на бубнах в ряде случаев могли относиться не к оленеводству, а к охоте на дикого оленя, вроде описанной Торнеусом. К тому же и Кастрен в дополнение к изложению Торнеуса добавляет, что «по рассказам лопарей, в прежнее время диких оленей ловили ямами, и вполне возможно, что «лопарские могилы», которые встречаются в разных местах в Финляндии, по большей части суть старые ямы для ловли диких оленей»[42].

Приведенные материалы хорошо показывают, насколько сложным и трудоемким был промысел лосей и других копытных животных «огородами». Для того чтобы успешно добывать зверя, охотники должны были в совершенстве знать биологию лосей, оленей и косуль; их привычки и повадки, места кормежек, пути переходов и миграций. Нужно было сооружать линии засек, которые, по указанию В. Павловского, достигали иногда 70 верст[43], что

[36] А. Ф. Гейдуков, 1880, стр. 26.
[37] М. Б. Шатилов, 1931, стр. 150.
[38] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XXII, *2*, стр. 44.
[39] A. Castren, 1853, S 44.
[40] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XVIII, *1*.
[41] E. Manker, 1960, p. 310.
[42] A. Castren, 1853, S 45.
[43] В. Павловский, 1907, стр. 25.

при несовершенстве орудий того времени было делом очень трудным. Надо было выкапывать многие сотни ям, укреплять их стенки и в дальнейшем поддерживать от осыпания. И при всем при этом линия засек не могла служить долго. По прошествии нескольких лет звери начинали ее избегать, и «огород» надо было строить в другом месте. Совершенно очевидно, что строительство засек было недоступно не только одному человеку, но и небольшому числу людей. Это был исключительно коллективный вид промысла, от удачного проведения которого зависело существование населения даже не поселка, а целого района. Насколько можно себе представить, в горных, особенно в таежных частях Зауралья, охватывающих верховья рек, текущих на восток, размеры отдельных поселков бывали, как правило, небольшими, в противоположность ниже лежащим территориям, где рыболовство составляло значительный удельный вес в хозяйстве. «Живут они обыкновенно по лесам семьями или роднею вместе» [44], писал Паллас о зауральских манси. «Зимние вогульские жилища, юртами прозываемые, состоят из немногих изб, ибо они живут больше с родными семьями не во множестве, к чему их... звериные промыслы приучили» [45]. Более подробные сведения сообщает Платон Любарских: «...располагаются Чердынские Вогуличи своими кочевьями, которые у них очень невелики, так что в одном кочевье или деревне одна, две или три юрты, а весьма редко по пяти юрт бывает; да и те свои жилища делают по большей части в лесах, при выгодных только речных местах весьма не в близком между собой расстоянии, полагая от кочевья до кочевья верст по 15, по 20, по 30, по 40, по 60 и более. Причину малого и в далеком между собою расстоянии находящегося своего жительства предоставляют сию: «дабы происходящим от многолюдства криком и от огня дымом не отогнать далеко зверя» [46]. Однако для того чтобы понять характер отношений между жителями этих поселочков, нужно учесть специфику социальной организации обских угров, в том числе зауральских манси. Основу этой организации составляла дуальная система, при которой люди, входящие в каждое из двух подразделений или половин, считаются между собой кровными родственниками. В пределах такой системы, естественно, не могла возникнуть и родовая организация. Место родов занимали территориальные общности, слагавшиеся из локальных групп, принадлежавших к одной из экзогамных половин. В свою очередь локальные группы состояли из небольшого числа расширенных семей — по-мансийски Колтагыл «содержимое дома»,— состоявших из нескольких брачных пар наиболее близких родственников. Размеры территорий и число локальных групп в общности колебалось в широких пределах, в зависимости от местных условий. В глубинных частях тайги, где основу хозяйства составляла охота, локальные группы были мельче и селились они более разбросанно. Люди, входившие в состав общности, носили общее имя, происходившее иногда по названию реки, как, например — Кос-я ма-хум «Реки Кос-я местные люди» или тотемное — Нярас-ма-хум «Лягушки местные люди», или по какой-либо особой черте — Сас сыпальт «Берестяные ножны», Вати супыт «Короткие рубашки» и т. д. Подобной территориальной общностью было, например, население Верхней Лозьвы и верховьев Вишеры, входившее в состав экзогамной половины «Пор». Именовались они Лусем ма-хум «Лозьвы местные люди» [47].

В силу такой организации, несмотря на небольшой размер и разбросанность отдельных поселков, т. е. локальных групп, население всей такой территории было в достаточной степени единым и в пределах его существовали не только коллективные виды промысла, но и коллективное потребление. Последнее хорошо было подмечено Платоном Любарских: «Если же при всех его усильных в промысле сем стараниях не встретится или не удастся ничего словить, а тем самым оскудевая в съестных припасах, которые у них по большей части... составляются от разных звериных мяс, ...были бы принуждены со всем семейством претерпевать голод, в таком случае не обинуясь идут питаться в ту юрту, которые хозяин возвратился с охоты с добычею, и съедают оную все вместе, равно как бы и сами в ловле оныя участвовали. Сие взаимное безрасчетное пищею одолжение весьма часто между ними бывает» [48]. Коллективность в распределении продукции промысла, столь красочно описанная Платоном Любарских, в известной степени сохранялась среди манси и до недавнего времени. Пойманная на еду рыба делилась в случае необходимости между всеми домами селения независимо от того, кто участвовал или не участвовал в ловле. Тем более это касалось мяса убитого зверя. Считалось недопустимым не оделить им все дома в поселке. «Разве один ешь,— говорили по этому поводу манси,— все едят».

Возвращаясь теперь после этого экскурса к рассмотрению нашей основной темы, мы можем с достаточной уверенностью высказать предположение, что в наскальных изображениях находили свое выражение действия целых коллективов и притом не только мелких, типа локальных групп, а и более широких территориальных общностей, причем каждый район писаниц, видимо, соответствовал и отдельной общности. Таковы районы Вишеры, Тагила, Нейвы, Режа, верхней Исети и т. д. Правомерность выделения таких районов подтверждается и небольшими различиями как в стилистических особенностях изображений, так отчасти и в их составе, на чем несколько подробнее придется остановиться ниже.

Рассмотрение писаниц, в которых с небольшими вариациями повторяются композиции первого и второго сюжетов, позволяет судить об эквивалентности значения отдельных деталей этих композиций. Соот-

[44] П. С. Паллас, 1786, стр. 326.
[45] И. Лепехин, 1814, стр. 19
[46] Платон Любарских, 1792, стр. 62.

[47] Подробнее этого вопроса здесь касаться, к сожалению, невозможно, хотя в литературе эта интересная общественная структура и не освещена. В своих прежних работах, посвященных общественному строю обских угров, я допустил ряд ошибочных выводов, так как структура эта была мной еще не понята, что и считаю необходимым здесь оговорить.
[48] Платон Любарских, 1792, стр. 76.

ветственно и некоторые фигуры, кроме изображений животных, птиц и небесно-солярных знаков, в большинстве случаев удается объяснить как изображения различного вида охотничьих сооружений, благодаря чему можно бывает расшифровать и некоторые отдельные фигуры, даже в тех случаях, когда композиция оказывается сильно разрушенной (рис. 50). Попутно интересно отметить полное совпадение одной из обычных уральских композиций, состоящей из изображений оленя и «загородки», с группой «Б» Овненской писаницы, находящейся на оз. Ниссевани близ Тронвейта в Северной Норвегии (рис. 50, *19*) [49].

При анализе наскальных изображений Урала отчетливо выступает одна очень интересная и существенная черта. Несмотря на то что они так тесно связаны с охотой, среди всех многочисленных писаниц мы не находим ни одного изображения ручного лука, если не считать позднюю тамгу XVII в. на скале Зенковской и фигуры на поздней Уфимской писанице. Судя по археологическим данным, уже в раннем неолите лук был широко распространен в Зауралье и тем не менее он не нашел себе отражения в наскальных изображениях. Для этого явления может быть, на мой взгляд, лишь одно объяснение. Лук как индивидуальное охотничье оружие не имел сколько-нибудь существенного значения в массовом промысле зверя ямами, «огородами» и другими видами охотничьих устройств, сооружавшихся силами целого коллектива. По крайней мере так должно было быть тогда, когда складывались обряды и вырабатывались сопутствовавшие им традиционные схемы наскальных изображений. Правда, высказанному предположению противоречит, на первый взгляд, то, что на некоторых писаницах находим изображения боласа и бумеренга — оружия, как и лук, индивидуального. Однако это лишь кажущееся противоречие. Мы видели, что бумеранг и болас фигурируют лишь в композициях, связанных с охотой на линную птицу; охотой, по всей вероятности, загонной. В таких же случаях все виды метательных орудий, в особенности дубинок, к которым принадлежит и бумеранг, служили не столько для поражения, сколько для вспугивания птицы и загона ее в нужном направлении.

Суммировав данные, которые, на наш взгляд, так или иначе связаны с писаницами первого и второго сюжета, вернемся к рассмотрению материалов по третьему сюжету.

Третий сюжет. В отличие от первых двух он характеризуется почти полным отсутствием реалистических изображений животных и наличием условно антропоморфных и антропо-зооморфных фигур. По их содержанию композиции третьего сюжета могут быть разделены на два варианта.

Первый вариант. К нему относятся композиции, как бы переходные от первых двух сюжетов к третьему. Сюда входят изображения охотничьих и рыболовных сооружений, около которых находятся какие-то очень условные и стилизованные фигуры (например, рис. 51, *1, 4, 5*). В некоторых случаях подобная фигура оказывается в составе писаницы, которую, за исключением этого, можно было бы вполне отнести к первому сюжету, что еще в большей степени подчеркивает переходный характер подобных композиций. Такова, например, третья писаница на озере Большой Аллак (рис. 34, *2*), где вместе с реалистическими фигурами животных и изображениями загородок обнаруживается фигура (рис. 28, *3*), которая, как говорилось, находит себе многочисленные аналогии в угорском орнаменте, где она чаще всего представляет собой стилизованное изображение лягушки, связанное с представлениями о тотемном предке. Подобная же фигура, которую, очевидно, следует рассматривать как антропо-зооморфную, встретилась еще дважды и в сходных композиционных условиях на 2-й Бородинской скале (табл. XI, XII, *26*, *27* и рис. 28, *1*, *2*). Другим примером может служить писаница в 1-й группе 1-й Бородинской скалы. Здесь рядом с изображением оленя или косули (правда, достаточно схематичным) и солярным знаком находится совершенно условная птицеобразная фигура, подобных которой мы совершенно не встречали в типичных композициях ни первого, ни второго сюжетов. Приведенные выше соображения и графические параллели (рис. 28), как и в предыдущем случае, заставляют связывать подобные изображения птиц с какими-то явлениями культового порядка. Аналогичное сочетание довольно реалистических изображений животных с условно антропоморфными фигурами отмечено и для 1-й группы ирбитского Писаного Камня (рис. 51, *2* и табл. I). Наиболее типичными для описываемой категории писаниц являются, как говорилось, композиции, не содержащие изображений промысловых животных. К этой группе в первую очередь следует отнести уже рассмотренные выше изображения 1-й группы 1-й Бородинской скалы. В одной из находящихся там композиций, рядом с изображением запора и ловушки корзиночного типа, расположена фигура, хотя и схематичная, но явно антропоморфная. Чуть правее находится вторая, почти идентичная композиция, но содержащаяся в ней фигура, скорее, может быть причислена к птицеобразным (см. рис. 24). Судя по их положению в композициях, обе эти фигуры, очевидно, надлежит считать равноценными по значению и содержанию. Весьма вероятно, что они отображают собой одно и то же существо со смешанными антропо-орнитоморфными чертами. Другие, близкие по содержанию композиции можно указать на Писаном Камне на Тагиле (рис. 51, *1*, *4*), на Зенковской скале в группах три (рис. 51, *3*) и пять и некоторые другие, менее выразительные, как, например, сильно разрушенная 3-я группа на тагильском Писаном Камне. Здесь среди массы полустертых фигур [50] достаточно четко выступают изображения зигзагообразных загородок (фигура *26* на этой таблице), котцеобразная и сотовидная фигуры (*17*, *19*, *21* на указанной таблице, а также и др.). В самом центре группы отчетливо различим большой солярный знак [51], антропоморфная фигура (*23*) и

[49] E. Engelstad, 1934, p. 128.

[50] В. Н. Чернецов, 1964, табл. X.

[51] Там же, стр. *22*.

Рис. 51. Сводная таблица композиций и фигур третьего сюжета (*1—9*)

Рис. 52. Фигуры третьего и четвертого сюжетов и параллели к ним из бронзовых изображений I тысячелетия до н. э

антропоморфизированная фигура лося (*24*), по очертаниям поразительно близко совпадающая с бронзовой фигуркой с р. Уньи[52], изображающей лося, стоящего на задних ногах на каком-то звере. Близка к этому и фигурка *474* (по Спицыну) с р. Уньи. Наличие солярного знака сближает эту композицию со следующей группой писаниц второго варианта.

Второй вариант третьего сюжета в основном представлен изображениями массовых групп условно антропоморфных, птицеобразных и человеческих фигур, нередко в сочетании с солярными знаками. В качестве наиболее характерных образцов для писаниц этого типа можно привести композиции фигур *15*, *15а*, *29* и *30* в 4-й группе Писаного Камня на р. Тагил[53], (рис. 51, *7*, *8*). Столь же типична для этого варианта и третья писаница на озере Большой Аллак (рис. 34, *2*), которая достаточно подробно была описана выше. Сюда же, наконец, следует отнести изображения фигур *11* и *12* на 2-й Бородинской скале (рис. 51, *6*), как, по всей видимости, и композицию на нижнем Балабанском утесе на р. Тагил[54] и изображения *110—115* в 6-й группе и большую часть фигур 8-й группы Писаного Камня на р. Вишера[55]. Из отдельных фигур, характерных для этого варианта, стоит отметить такие, как *20* в 3-й группе Писаного Камня на р. Тагил[56], фигуру в 5-й группе того же камня[57], фигуру из 4-й группы Зенковской скалы[58] (рис. 51, *9*) и др.

Кроме отнесенных к первому, второму и третьему сюжетам композиций, остаются еще и такие, которые трудно отнести к какому-либо из них. В одних случаях это обусловлено содержанием писаницы, в других — запутанностью сюжета и плохой сохранностью изображений. Попытаемся все же разобрать некоторые из них.

Очень запутанная композиция находится в 3-й группе Сокольинских утесов на р. Тагил[59]. Види-

[52] Л. А. Спицын, 1906, рис. 471.
[53] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XI.
[54] Там же, табл. XX.
[55] В. Ф. Генинг, 1954, табл. 1: здесь рис. 39.
[56] В. Н. Чернецов, 1964, табл. X.
[57] Там же, табл. XV.
[58] Там же, табл. XXIV.
[59] Там же, табл. VI, *1*.

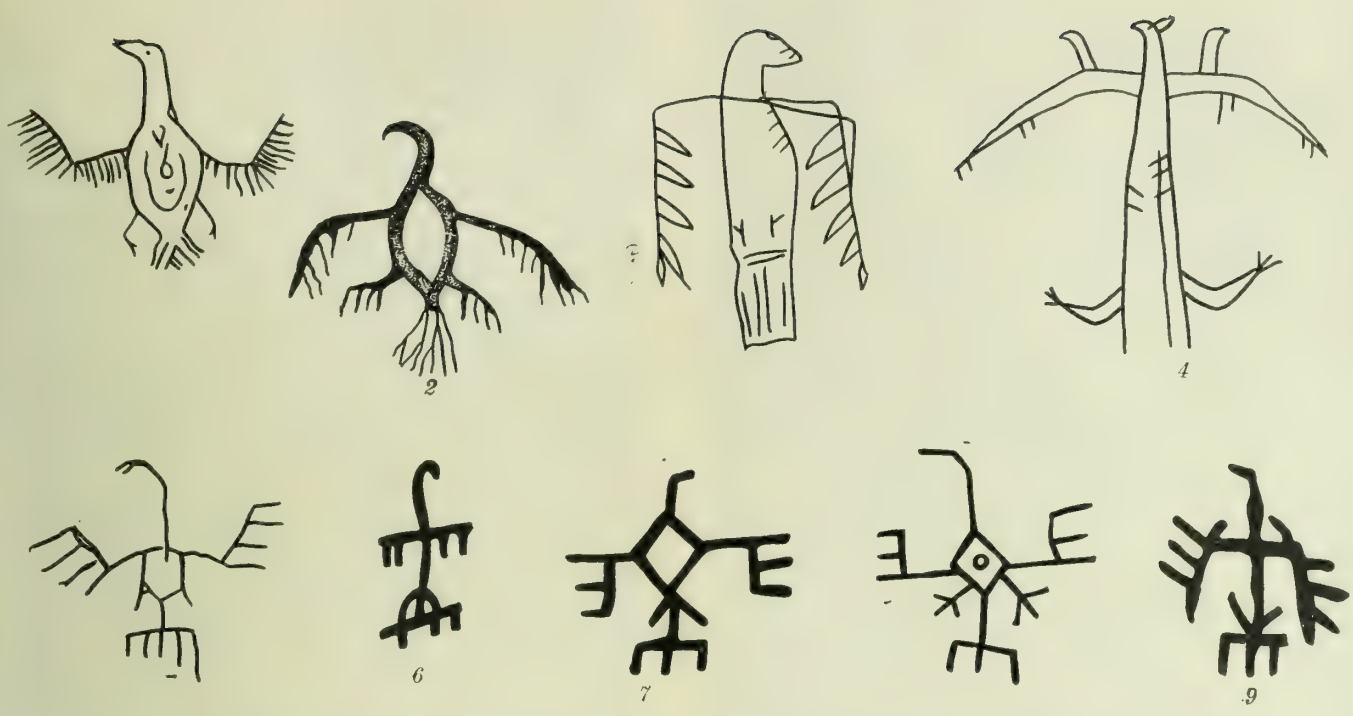


Рис. 53. Археологические этнографические параллели птицевидной фигуре четвертного сюжета

1, 2, 3 — современные мансийские рисунки; *3, 4* — гравировки на металлических дисках; *6* — мансийская тамга XVI в.; *7—9* — татуированные изображения обских угров

мо, здесь мы имеем дело с двух- или трехкратным наложением изображений, различных по своему содержанию. Писаницы сильно разрушены и полностью разобраться в них не удалось, поэтому приходится рассмотреть эту группу лишь с некоторым приближением. В левой ее части хорошо различимы две фигуры козлов (рис. 52, *2, а, б*), перед которыми находятся остатки кругообразной фигуры (рис. 52, *2, в*), напоминающей как некоторые солярные (например, как на нижнем Балабанском утесе), так, может быть, даже в большей степени, и фигуру *4* в пятой группе Змиева Камня[60] (рис. 45, *1*), которую мы пытались выше интерпретировать как кольцевой загон или ловчую яму. В крайней правой части группы столь же отчетливо видна обычная для писаниц зигзагообразная линия засеки (рис. 52, *1, 2г*). Таким образом, в пределах этой писаницы довольно уверенно можно выделить элементы, вероятно, составляющие композицию, вполне типичную для второго варианта первого сюжета. Между описанными крайними частями расположено изображение, видимо, налегающее на остатки ранее бывших здесь фигур, а потому и с трудом поддающееся анализу.

Чтобы свести к минимуму возможные субъективные ошибки, вся писаница, в особенности ее центральная часть, копировалась неоднократно и притом разными лицами. Один из таких дополнительных вариантов и приводится здесь (на рис. 52, *4*), чтобы дать представление о пределах возможных отклонений в чтении писаницы. В изображении средней части писаницы может быть выделена центральная птицевидная фигура (рис. 52, *2д*). Птица представлена в геральдическом положении с головой, повернутой в правую сторону. Туловище ее приблизительно шестигранной формы, заканчивается хвостом из двух или трех вертикальных, слегка расходящихся линий, перечеркнутых двумя горизонтальными. На одном из вариантов можно как будто различить лапы, но в этом месте изображение пересекается трещиной в камне, так что уверенности в этом быть не может. Для манеры передачи туловища и хвоста, а также для головы, повернутой вбок, можно привести много аналогий как среди древних литых изображений птиц, гравировок на металлических дисках, так и из этнографии обских угров, преимущественно манси. Последние взяты главным образом из фигур, встречающихся в татуировке (рис. 53, *7, 9*), среди тамг XVII в. (рис. 53, *5, 6*) и современной графики (рис. 53). При этом для постановки головы можно указать на одну закономерность. В поделках полуобъемного и плоского литья из бронзы фигурки птиц с головой, повернутой вбок, встречаются лишь среди наиболее ранних, относящихся к первой половине I тысячелетия до н. э. У всех более поздних поделок голова изображена в фас. В графических изображениях птиц в геральдической позе голова представлена повернутой вправо или влево. В фигурах так называемого медальонного типа на берестяной утвари изображения птиц, даваемых в той же позе, имеют раздвоенную голову. Фигура данной писаницы трактована в традиции графических изображений угров. В верхней части головы птицы на нашей писанице можно видеть вертикальную линию, раздваивающуюся вверху, пе-

[60] Там же, табл. XVIII.

рассеченную двумя горизонтальными. На одном из вариантов копии верхняя из пересекающих линий представлена усложненной, как бы крыловидной, но не исключено, что это результат наложения и слияния ее со слабо различимыми фигурами самого раннего слоя писаницы. Да и все это «наголовье», может быть, следует рассматривать как наложение птицевидного изображения на какую-то неясную фигуру, заканчивающуюся в нижней части зигзагом (рис. 52, *2е, к*). Тем не менее следует отметить, что подобные «наголовья» или, иначе говоря, нагромождение голов на фигурах антропо- и зооморфных и птицевидных — хотя у последних и реже — следует признать типичным для древних и сравнительно недавних культовых изображений Зауралья и обских угров. В качестве примера можно привести крылатую антропоморфизированную фигуру, на голове которой размещены еще три фигуры, увенчанную дополнительным птицевидным изображением, найденную в пещере Темной близ Писаного Камня на р. Вишере [61].

Некоторая трудность возникает и в понимании формы крыльев птицы. На дополнительной копии (рис. 52, *4*) они воспринимаются довольно отчетливо, но этого уже нельзя сказать про основной вариант, хотя плечевые части во всех копиях и совпадают. Вместе с тем, как можно легко заметить, место правого крыла занимает вполне отчетливое изображение человека (рис. 52, *2ж*). Встает вопрос, следует ли рассматривать это изображение как единое целое с птицей или его надо отнести к композиции, составляемой фигурами *а, б, в, г* и, возможно, еще более ранними *е, и, к* и решетчатой фигурой, подстилающей зигзаг *г*? За отнесение антропоморфной фигуры к другой композиции как будто говорят ее поза и общий облик, почти тождественный изображениям людей на ирбитской и сергинской писаницах. С другой стороны, антропоморфные фигуры, хотя и очень схематичные, входят и в состав левого крыла птицы (рис. 52, *2з*), что уже существенно меняет картину. Мотив птицы в геральдическом положении и с антропоморфными фигурами на крыльях столь же обычен в древних изображениях Зауралья и Нижнего Приобья, как и упомянутое выше нагромождение голов. В качестве примера можно привести бронзовую поделку из Истяцкого «клада» [62] — по всей вероятности, древнего святилища — где головы двух людей отлиты так же, как и сама птица, а их туловища выполнены графически линиями, которые были нацарапаны на модели, по которой производилась отливка (рис. 52, *5*). Другое изображение из того же памятника [63], награвированное на медном диске, имеет лишь дополнительные головы на крыльях. Подобный прием встречается очень часто, причем нередко от голов остаются лишь небольшие выступы на крыльях, как это мы видим у изображений птиц из древнего святилища на горе Азов на Урале (рис. 52, *3*) [64]. Изображения антропоморфизированных птиц и существ со смешанными антропо- и орнитоморфными чертами составляют значительный процент среди поделок так называемого плоского литья, образующих обширную, очень своеобразную группу культовых изображений Зауралья и Западной Сибири. Эти вещи известны нам по ряду находок так называемых «кладов», которые по своему существу суть не что иное, как остатки древних святилищ, в которых поделки плоского литья обнаруживаются иногда в количествах по нескольку десятков [65]. Ранние из них отливались в каменных формах, но приблизительно с середины I тысячелетия до н. э. их стали отливать в одноразовых глиняных или земляных формах, изготовленных по моделям, вырезанным из дерева и даже бересты (как некоторые из фигур волков из Истяцкого клада). Этот прием внес в поделки плоского литья больше индивидуальных вариаций в деталях и графичность изображений, что облегчает их сопоставление с этнографическими материалами. По мотивам и манере изображения поделки плоского литья варьируют по отдельным территориям Урала и Западной Сибири, но в пределах каждой территории их традиционные черты довольно устойчивы. Так, для Среднего (Свердловского) Урала и Зауралья типичными являются антропоморфизированные древовидные фигуры (гора Адуй, гора Азов, Куганакский клад, Палкино и ряд других мест) и изображения птиц, иногда антропоморфизированных (гора Азов, Караульная гора, оз. Куяш-Огневское, Палкино на Исети и др.). В районе лесостепной полосы от Свердловского Зауралья (Сапогово) до Омска — антропоморфные изображения, причем мужские, в виде фигурок вооруженных воинов с птицами на головах или на плечах. На Иртыше в районе Тобольска (точнее ареал не установлен) — особый вариант антропоморфизированных древовидных изображений, увенчанных либо дополнительными медвежьими головами, либо птицами. Для Вагая (приток Иртыша) характерны птицы и изображения волков, для верхнего течения Тавды и для Лозьвы — антропоморфные фигурки, иногда с изображением ребер и внутренних органов и изображения бобров и выдр. Для Чердынского Приуралья типичны изображения антропоморфизированных лосей. Новый комплекс, состоящий из более чем 90 зооморфных фигурок (?), был обнаружен В. Старковым в районе верхнего течения р. Ляпин, левобережного притока р. Северной Сосвы. Как и в других находках, изображения однотипны, но каждое из них отлито в особой форме. По данным В. Старкова, находка представляет собой остатки культового места, связанного с городищем усть-полуйского времени (2-я половина I тысячелетия до н. э.).

Мной уже ранее высказывалось предположение, что указанные районы, в пределах которых распространены фигурки лишь определенного облика, должны были соответствовать территориям генеалогических тотемных групп [66], т. е. территориальным общностям. Полагаю, что это объяснение может быть принято и сейчас как наиболее близко соответствующее тому, что мы знаем об общественном устройстве и системе тотемных представлений обских уг-

[61] В. Ф. Генинг, 1954, рис. 11.
[62] Тобольский музей.
[63] Тобольский музей № 2681.
[64] Свердловский музей; Н. Н. Бортвин, 1949, стр. 118.
[65] В. Н. Чернецов, 1953, *2*, стр. 175.
[66] В. Н. Чернецов, 1953, *3*, стр. 223.

ров и манси в частности. Точно так же не вижу оснований менять точку зрения на интерпретацию назначения фигурок плоского литья, которые мной были сопоставлены с манс. мохаг, хант. šoŋət, т. е. со специальными изображениями, изготовлявшимися после смерти человека, которые служили местом пребывания для реинкарнирующейся души-имени, до того момента как она вселялась в новорожденного младенца [67]. Современные мохар имели вид небольших антропоморфных фигурок с указанием признаков пола с линией жизни, изображавшейся в виде черточки, идущей ото рта вниз и завершавшейся схематическим изображением внутренних жизненных органов и непременно с деталировкой лица и с глазами, в противоположность куклам, которые всегда делались безликими. Способы хранения моχаг и šoŋət были различными. На нижней Оби их сначала держали дома, а по истечении определенного срока, обычно от одного года до трех лет, помещали в специальные погребальные домики. На Оби повыше устья Северной Сосвы их также сначала держали дома, а затем весной с прилетом уток сжигали на мысе в специальном шалашике, положив перед последним первую убитую утку. Особенный интерес для нас представляет территория верховьев Северной Сосвы и верхней Лозьвы, где в обрядах сохранилось много архаики. Там так же, как и на Казыме [68], изображения умерших хранились дома и наследовались по женской линии, в силу чего их постепенно накапливалось довольно значительное количество. По пресечении линии наследования, т. е. после смерти женщины, у которой не оказалось дочерей, все фигурки хоронились вместе с ней. Следует принять во внимание, что домовый коллектив [69], состоящий из некоторого количества брачных пар, и более крупная локальная группа, обитавшая в поселке, состоявшем из нескольких домовых коллективов, являлись лишь различной степени филиальными подразделениями более крупных генеалогических тотемных общностей, входивших в ту или иную экзогамную половину. В связи с этим филиальной была и вся генеалогическая обрядность. Поэтому предки отдельных селений или территориальных групп рассматривались как дочери и сыновья предков территориально-тотемных общностей. Отсюда закономерно сделать предположение, что и современные способы хранения изображений умерших лишь отражают общую тенденцию постепенного дробления генеалогических групп, и в прошлом ограничивались не пределами нескольких брачных пар, живущих в одном доме, а более обширными генеалогическими общностями. Об этом же свидетельствуют и нормы наследования имен. «Каждый род или поколение,— писал о манси в начале XIX в. Ф. Белявский,— имеет свои собственные имена, даваемые по назначению родных или в память покойных; присвоение же имени из чужого рода и без согласия считается величайшею обидою» [70]. О том же упоминают Паллас и Зуев: «Имя же из другого рода... дать не может, разве с позволения той фамилии; иначе часто кровопролитные ссоры из того бывают»[71]. Имя — представление, о котором я передаю за неимением лучшего термина, выражением «реинкарнирующаяся душа» — по воззрениям обских угров связывалось с дыханием и жизненным началом человека и представлялось в образе птицы, живущей у его головы (образ совершенно тождественный с фигурками плоского литья лозвинского типа) [72]. Из приведенных наблюдений XVIII—XIX вв. следует, что имена-души находились в наследовании более или менее обширной генеалогической группы — «род или поколение», по выражению Ф. Белявского. Надо думать, что и хранение изображений, в которых обитали имена-души по крайней мере между реинкарнациями, находилось в ведении всей такой группы, как и хранение тотемного предка, в особом святилище. Можно думать, что остатками таких хранилищ и являются так называемые клады изображений плоского литья, обнаруженные в разных местах Урала и Западной Сибири. Не исключено, что одно из таких хранилищ находилось у скалы, на которой обнаружена 3-я группа писаниц Сокольинских утесов, а возможно, что такими же местами были Каменный остров на Исетском озере и скала с писаницей на восточном берегу оз. Большой Аллак, около которой был найден слой с остатками жертвенного места, черепа и литая медная фигурка птицы с «ластовидными» крыльями.

Как можно было заметить, описанное птицевидное изображение из 3-й группы Сокольинских утесов является почти уникальным среди наскальных изображений Урала, даже если посчитать довольно примитивные фигуры птиц в геральдической позе на вишерском Писаном Камне и на Каменном острове Исетского озера.

Такая исключительность может быть легко понята, если предложенное выше объяснение этого изображения и связь его с хранилищами душ-имен правильны. Подобных хранилищ не могло быть много и, кроме того, каждое из них в деталях было своеобразным и неповторимым, как и современные священные места, которые мне доводилось видеть. В то время как более или менее универсальные систематически повторявшиеся охотничьи обряды, с которыми могли быть связаны наскальные изображения, должны были способствовать выработке устойчивых

---

[67] В. Н. Чернецов, 1959, стр. 156; V. Chernetsov, 1963, p. 42.

[68] Г. Старцев, 1928, стр. 124.

[69] Умышленно избегают слова «семья», так как в угорских языках отсутствует эквивалентный термин, так же как нет и соответствующей ему общественной единицы. Мансийское kol-tayəl букв «наполнение дома» и хант. χòtəŋ χătəχ (Paasonen, 1926, № 526, familie, haushalt) означает то, что описательно можно назвать «расширенной семьей», т. е. коллектив, состоящий из нескольких брачных пар наиболее близких родственников включая и зятьев, в случаях матрилокальных браков — ведущих совместное хозяйство, что было отмечено Паасоненом, давшим параллельный перевод «домохозяйство». В настоящее время такой домовый коллектив редко превышает две-три брачные пары, но в XIX в. его средний размер был пять-семь брачных пар, а в XVIII в. число их в одном доме доходило до 30. В настоящее время для парнобрачной семьи употребляется и русский заимствованный термин — М. Х. S'emja.

[70] Ф. Белявский, 1833, стр. 122.

[71] П. С. Паллас, 1788, стр. 99; Зуев, 1947, стр. 66.

[72] В. Н. Чернецов, 1953—2, стр. 158—159.

типов фигур и композиций, здесь этого не могло быть. Вместе с тем, видимо, существовала традиция установки одиночного более крупного изображения птицы, которое выделялось среди остальных. В одном из курганов на р. М. Киргизке, близ Архерейской заимки около Томска, крупное бронзовое изображение птицы было воткнуто хвостом в землю перед чашей с остатками трупосожжения[73]. Также стоймя были расположены «идолы» (видимо, речь идет о древовидных фигурах) на горе Азов[74]. На горе Караульной среди нескольких десятков литых изображений птиц выделялись три — одно большое и два поменьше, стоявшие вертикально[75]. Возможно, что роль такой крупной фигуры и играло птицевидное изображение на скале. Учитывая высказанные соображения, полагаю, что, несмотря на его уникальность, это изображение следует выделить в особый, четвертый сюжет, отличный по своему содержанию от всех остальных.

Описанными здесь сюжетами в основном исчерпывается почти все разнообразие наскальных изображений Урала. Однако за пределами рассмотрения, кроме слишком сильно разрушенных одиночных изображений, остались и некоторые фигуры, уже упоминавшиеся в первой части. К ним относятся сильно стилизованные изображения животных с Писаного Камня и Змиева Камня на р. Тагил[76], скорее всего медведей, если опираться на изобразительные традиции манси и хантов, и изображение медвежьей лапы[77]. Фигуры этого типа, так же как и рассмотренная выше, уникальны среди наскальных изображений. Возможно, что они относятся к относительно более позднему слою и, вероятно, связаны с действиями, посвященными культу медведя. Как увидим ниже, эти стилизованные изображения ближе всего стоят к писанице третьего сюжета, но, учитывая их специфику, их можно рассматривать как самостоятельный пятый сюжет.

Наконец, не могу обойти молчанием одну небольшую композицию, находящуюся в правой части 6-й группы Сокольинских утесов[78]. Композиция состоит всего из двух фигур и каких-то неясных штрихов. В левой части ее изображения лось или лосиха с подчеркнуто большой головой и динамично поставленными ногами. Перед зверем находится собака в типичной для такого случая позе — с отставленными назад задними лапами и торчащим вверх хвостом. Несмотря на схематичность, фигурки удивительно жизненны, в целом вся сценка поражает своей выразительностью. Всякий, кто хоть раз в жизни видел, как лайка «становит зверя», сразу признает в ней верно схваченную зарисовку с натуры. Тематически эта сценка относится к первому сюжету, но, вероятно, ее следует рассматривать как поздний и сильно индивидуализированный вариант.

---

[73] В. М. Флоринский, 1890, стр. 284.
[74] Н. Н. Бортвин, 1949, стр. 118.
[75] Д. Н. Анучин, 1899, стр. 127.
[76] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XII, *21*.
[77] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XVIII, *3;*
[78] В. Н. Чернецов, 1964, табл. V.

Глава III

НАЗНАЧЕНИЕ И ВНУТРЕННЕЕ СОДЕРЖАНИЕ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ УРАЛА

Уже при рассмотрении отдельных сюжетов, которые можно было выделить в имеющемся материале по наскальным изображениям Урала, отчетливо выступили различия в их содержании, несомненно, отражающие и различия в идеях и представлениях, лежавших в их основе. Даже не вдаваясь в подробный анализ, можно было сказать, что писаницы первого и второго сюжетов, формально характеризующиеся схематическим реализмом в изображении животных и сходными в общих чертах композициями, можно сблизить по единству заключающейся в них идеи. Несколько выпадают из них лишь немногочисленные изображения второго варианта второго сюжета, анализ которых и будет дан отдельно. Вместе с тем эта маленькая группа изображений может в известном смысле считаться переходной к писаницам третьего сюжета, которая и стилистически и по характеру содержащихся в них фигур совершенно четко отделяется от первых двух больших групп. То же самое можно сказать и про немногочисленные изображения четвертого и пятого сюжетов. Вместе с тем, что следует подчеркнуть особо, есть одна черта, общая для всех категорий уральских писаниц, которая была установлена выше. Все они отражают коллективность мероприятий как в области промысла, так и культа. Мы видели, что среди изображений полностью отсутствует ручной лук — оружие индивидуальное, причем в равной степени как охотничье, так и боевое. И изображения его отсутствуют отнюдь не потому, что лук не был известен, наоборот, кремневые наконечники стрел встречаются уже в раннем неолите, хотя широкое распространение они получают лишь значительно позднее. Вероятно, в течение большей части неолита лук хотя и применялся для охоты на крупного зверя, общественное значение его было невелико. Основную роль играла охота коллективная, с помощью различных ловчих сооружений. Именно эта коллективная охотничье-промысловая деятельность и отразилась в наскальных изображениях Урала. Возможно, что со временем индивидуальная охота с луком и приобрела несколько большее значение, однако можно думать, что основная часть обрядов, лежавших в основе наскальных изображений, сложилась задолго до этого, а далее весь комплекс действий сохранялся неизменным уже в силу традиции.

Вопрос о содержании и назначении наскальных изображений Урала частично уже затрагивался в первой части настоящей работы, причем для их интерпретации был приведен ряд примеров из этнографии, преимущественно обско-угорской. Повторять здесь все сказанное, конечно, нецелесообразно, но напомнить некоторые предварительные выводы будет, пожалуй, уместно. По аналогии с некоторыми периодическими празднествами обских угров было высказано предположение, что наскальные изображения были связаны с обрядами календарного характера и приурочивались к определенному времени года, например к весеннему равноденствию подобно тому, как это имело место у угорской экзогамной половины Пор. На такую календарность в первую очередь могут указывать солярные и небесные знаки и, кроме того, преимущественная ориентировка писаниц, особенно первого и второго сюжетов, на юг, с небольшими отклонениями к юго-востоку и юго-западу.

Содержание периодических обрядов, по крайней мере в той степени, как они могли наблюдаться у обских угров, представляло сложный комплекс, в котором нас в первую очередь могут интересовать две темы: 1) привлечение добычи в ловушки и удержание ее в них; 2) весеннее оживание природы и идея размножения. Как можно видеть из рассмотренного материала, обе эти темы, особенно первую, легко отнести к писаницам первого и второго сюжетов, связь которых с солярно-небесными символами и охотой совершенно очевидна. В первой же части мной было высказано довольно тривиальное допущение, что связь эта имела магический характер. Я продолжаю придерживаться этого мнения и сейчас, хотя должен признать, что выражение «магический характер» само по себе еще мало что говорит, если принять во внимание очень расплывчатое содержание самого термина «магия». По поводу сущности магии в этнографической литературе высказано множество точек зрения и гипотез, и ни одной сколько-нибудь общепринятой. Последнее хорошо видно хотя бы из остроты и оживленности дискуссии о понятии «магия», проведенной несколько лет назад журналом «Current Anthropology» [1]. Мнения различных авторов по поводу сущности магии столь разноречивы и содержание, которое вкладывается в этот термин, подчас столь нечетко, что не так давно Рэдклиф-Браун даже предложил, по возможности, элиминировать его из научного обращения. Такое предложение, конечно, не путь к решению проблемы, скорее, наоборот — отступление перед трудностями, но раз оно уже было высказано, мы не можем его полностью игнорировать. Именно поэтому

[1] M. W a x and R. W a x, 1963.

здесь придется приостановиться в рассмотрении нашей основной темы, чтобы уточнить то содержание, которое вкладывается в термин «магия» в настоящей работе, которое попытаюсь дать без каких-либо тенденций к генерализации толкования, удерживаясь, по возможности, лишь на данных обско-угорских и отчасти близко родственных им ненецких традиционных представлений.

Как уже говорилось, выражение «магия», «магический» применяется к слишком разнообразным и многочисленным категориям действий, представлений, верований и эмпирических навыков, чтобы покрыть их одним термином, хотя бы в этих явлениях и крылось нечто объединяющее их. В связи с этим, даже просто из удобства классификации наблюдаемых явлений, целесообразно ввести здесь более дробные определения. Полагая в основу различия в сущности и характере магического воздействия человека на окружающую среду, можно выделить три группы явлений: а) магия «рациональная» или псевдорациональные действия; б) собственно магия; в) магия волшебная. К первой группе следует отнести действия, связанные с материальными объектама, безразлично, как живыми, так и неживыми, направленные на достижение какой-либо цели или на предохранение от каких-либо нежелательных явлений. Эти действия в принципе рациональны и в них отсутствует обращение к какой бы то ни было промежуточной силе, не говоря уже о существе. Отсутствует в них даже и представление о какой-либо промежуточной внешней, а тем более сверхъестественной силе.

Действия, которые можно отнести к категории рационально-магических, зачастую невозможно отграничить от нормальных производственных процессов или лечебных приемов. Это, с одной стороны, дает нам возможность составить себе некоторое представление о генезисе рационально-магических действий, но с другой — в значительной степени затрудняет их выделение и фиксацию. Кроме того, действия этого типа обычно малозаметны и легко проходили мимо внимания этнографов, чем и объясняется, что относящийся к ним материал очень невелик. Тем не менее несколько примеров для пояснения своей мысли можно привести.

«Вогулы, — пишет Глушков, — лук-самострел на лося натирают пихтовыми ветвями» [2]. Прием этот служит для того, чтобы отбить запах человека и наряду с другими являлся лишь мерой предосторожности, чтобы не отпугнуть зверя от ловушек. С той же целью применялось окуривание пихтовыми ветками, можжевельником и т. д. Подобные мероприятия практиковались и другими народами Сибири. Д. Зеленин перечисляет их в довольно значительном количестве, причем хотя и называет подобные приемы «обрядами», отмечает тем не менее, что в поведении охотника «весьма многое объясняется стремлением его предохранить все свои снасти и себя самого от запахов, которые мог бы учуять зверь». По мнению Зеленина, с которым можно только согласиться, подобные действия возникали лишь как мера противодействия тонкому обонянию животных и ни с какими анимистическими представлениями не связаны [3].

Но, как уже упоминалось, очищению подвергались не только ловушки и снасти, но и сам человек. Манси в различных случаях применяли для этого натирание пихтовой хвоей, окуривание дымом можжевельника, пихты и березового нароста и очищение паром, который получается поливанием воды на раскаленные камни — древнейший вид парной бани, распространенный среди народов субарктической полосы. В данном случае мы имеем дело с действиями уже явно псевдорациональными (с нашей точки зрения), так как эти действия, если они и отбивают или ослабляют запах человека, то лишь на очень непродолжительное время. Однако псевдорациональность обусловлена здесь лишь неправомерным расширением области применения в принципе правильного, эмпирически выработанного приема. Никакой апелляции к посторонним силам здесь нет. В глазах людей, практикующих эти приемы, они столь же рациональны, как и умывание водой. Следующей ступенью этого процесса является окуривание жилища дымом можжевельника или березового нароста в целях очищения. Совершенно подобный же характер псевдорационального действия имеет описанное Палласом питье густого рыбьего клея в целях прекращения послеродового кровотечения. Хотя Паллас и усомнился в действенности этого средства, он никакого элемента сверхъестественности или колдовства в нем не усмотрел [4]. Как и в предыдущих примерах, здесь можно говорить лишь о неправильном использовании свойств клея, а не о каком-либо особом «магическом» подходе.

Легко заметить, что выделяемая здесь группа псевдорациональных действий весьма близка к тому, что К. Мошинский отнес к категории «субмагических обрядов» [5], хотя его определение покрывает и несколько более широкий круг явлений, отчасти входящих в нашу вторую группу — собственно магических действий. К последним отношу, в частности, такие действия, в которых между субъектом и объектом выступает промежуточное материальное звено, само по себе пассивное, но служащее либо орудием, либо средством как связи, так и передачи воздействия или свойства. В качестве примера, поясняющего последний случай, может служить представление, существовавшее у манси, по которому мужчина не должен был есть селезенку. Селезенка (от манс. jout-kaménт — букв. «мягкость лука») применяется у манси для выделки оленьих шкур. В связи с этим считалось, что если женщина будет, кроме того, и есть селезенку, то шкуры у нее станут получаться мягче. Наоборот, мужчине есть селезенку было нельзя, так как его лук сделался бы мягким и слабым. В этом представлении человек выступает как промежуточное звено, передающее материальные свойства селезенки предметам, с которыми он имеет дело.

В основе как рациональных, псевдорациональных, так и собственно магических действий лежит эмпи-

[2] И. Н. Глушков, 1900, стр. 50.

[3] Д. К. Зеленин, 1929, стр. 7, 24, 26.

[4] П. С. Паллас, 1788, стр. 71.

[5] K. Moszyński, 1934, стр. 268.

рически познанное представление о силе и внутренних свойствах как человека, так и окружающих его существах животного мира и предметов. Естественно, конечно, что к оценке этих свойств человек мог подходить лишь с меркой собственных ощущений. При этом, если представление о силе, которой в той или иной мере владеют существа, не требует объяснения, то иначе обстоит дело в отношении объектов неживой природы. Здесь, очевидно, как сила воспринималась скрытая сила противодействия (инерция), механическая прочность и другие качества, свойственные в той или иной мере каждому физическому объекту, требовавшие для их преодоления приложения силы со стороны человека. Представление о силе-свойстве предметов неживой природы отчетливо выступает в коротеньких, как правило, поучительных сказочках типа «кто сильнее», широко распространенных также у манси и хантов, в которых сопоставляются различные степени силы-свойства таких разных материальных тел, как вода, лед, дерево, камень и т. д.

С такими силами-свойствами человек постоянно сталкивался в своей повседневной практике и для достижения нужных целей должен был противопоставлять им свою собственную силу. Он познавал свойства и качества окружающего его живого и неживого мира и эмпирически находил способы и приемы действия. Однако пределы реального воздействия тех или иных приемов не всегда были достаточно очевидны и не всегда их можно было установить. Чрезмерное расширение сфер действия отдельных приемов привело к появлению псевдорациональных действий. Если даже положительный результат этих действий установить эмпирически и не было возможным, они могли сохраняться, а особенно в тех случаях, когда конечный результат предусмотреть было именно невозможно, а само мероприятие связано с опасностью. Сохраняясь, подобные псевдорациональные действия в отдельных случаях становились традиционными, составляя постепенно основу для действий магических.

Особенно затруднялось понимание закономерностей соотношений силы и способностей человека с силами-свойствами существ и предметов окружающего его материального мира в случаях сочетаний: человека (субъект) — промежуточное звено или звенья (в простейшем случае орудие) и — живой или неживой объект. Орудие является как бы продолжением руки человека и увеличивает его силу. Но орудие может быть удачным или неудачным. Плохим или хорошим, подобно правильно или неправильно заточенному ножу или резцу. Иными словами, у разных орудий силы-свойства могут быть различными. Хорошее обладает ими в большей степени. Оно облегчает работу и способствует безопасности его обладателя. Но предел полезного действия орудия и, в частности, его защитные свойства не всегда можно установить эмпирически, сфера применения орудия легко расширяется за пределы рациональных действий и оно становится оберегом. Так, у манси после смерти человека и выноса тела в доме над дверью полагалось класть острый кремень для охраны от нежелательных ночных посетителей. Аналогично ненцы избегали есть мясо белого медведя без ножа. На Ямале мне приходилось видеть, как, когда не хватало ножей, детям давали наскоро выструганные деревянные подобия железных ножей. Даже сучке на шею повязали медную цепочку, чтобы избежать возможных неприятностей, связанных с нарушением запрета.

Причины, обусловливающие то или иное свойство и качество орудия или какого иного промежуточного звена, далеко не всегда могут быть познаны, а тем более предусмотрены заранее. Материал, прочность, форма, цвет, наконец, запах и многие другие менее уловимые условия могут определить, будет оно хорошим или плохим. Калданному камню [6] у манси и хантов всегда придают определенную эмпирически выработанную форму. И тем не менее один камень будет «хорошо ловить» рыбу, а другой, совершенно подобный же, будет шуршать по дну реки и лишь отпугивать ее. Его качества и свойства узнают лишь испытанием на практике. И если камень оказался хорошим, на нем вырезают изображение пойманной рыбы или выбивают на нем особый узор в виде «елочки», также символизирующий рыбу, и даже приносят ему в дар небольшую жертву.

Особый материал может придать орудию и особые свойства. Так, манси некогда считали, что наиболее смертоносным был наконечник стрелы, сделанный из кости человека. Даже небольшое ранение, причиненное таким наконечником, влекло за собой неминуемую смерть (И. Сойнахов, р. Сакв). Возможно, что реальной основой представления было применявшееся раньше отравление стрел трупным ядом, но последнее, видимо, забылось и сохранилось лишь особое свойство наконечника из человеческой кости.

Всякое орудие должно было применяться с соблюдением определенных приемов и по назначению. Лишь тогда достаточно эффективно использовались его свойства. Стрелять дичь, сидящую на дереве, острой стрелой — может только глупец. Стрела воткнется, за ней надо лезть. Для этого есть набор различных тупых и полутупых стрел. Так же непригодна острая стрела для охоты на воде. Она воткнется в дно или корягу и потеряется. Для этого применялись Y-образные и многоконечные стрелы. Они лучше поражают и не уходят далеко в воду. Но применять такую или тупую стрелу для крупного зверя — опасно, и может грозить смертью человеку. Даже лук должен был быть более мощный. С переходом к огнестрельному оружию многие нормы сохранились по традиции и стали запретами, так как реальные причины, вызвавшие эти ограничения, отпали и даже забылись. Сохранилось правило — не употреблять оружие не по прямому назначению. Нарушение его может принести вред. Этим, видимо, обусловлен запрет: если из охотничьего ружья убит человек, то это ружье уже больше нельзя применять на охоте. Не будет удачи или даже хуже (Ась-Капай-Пыг, Северная Сосва). В данном примере можно усмотреть, как в цепи субъект — орудие —

[6] Каменное грузило для особого вида сети типа драги.

объект возникает своего рода обратная связь. Объект воздействует и на орудие и на субъект — человека.

С другим примером подобной обратной связи можно встретиться среди манси и хантов почти на каждом шагу. Здесь дело может касаться совершенно невинного предмета, например *тагана*, т. е. небольшого шестика, на котором подвешивают над костром котел. Однако этот предмет является связующим звеном между человеком и приготовляемой пищей, и с ним связан ряд ограничений и правил. Таган нельзя делать из ели — это дерево нижнего мира. Нельзя делать из пихты и осины — пища будет горькой и, что в данном случае особенно интересно, после того как котел снят, таган нельзя оставлять над огнем — он будет гореть, отчего у человека, оставившего его в этом положении, начнет болеть голова. Но снявши с огня, его нельзя поставить торчмя или прислонить к дереву. Таган «станет требовать» пищи, в котле у человека будет пусто. Таким образом, предмет, который делают на один раз и использовавши бросают, может оказать воздействие на человека, так как служил приспособлением для изготовления пищи.

Орудия и иные материальные объекты, являющиеся промежуточными звеньями, не остаются, как правило, неизвестными в процессе их использования и применения, приобретая тем самым новые качества, которые могут быть полезными, но еще чаще нежелательными и поэтому требующими особого к себе отношения. К таким случаям можно отнести запреты, связанные с посудой. Так, среди манси широко распространен запрет варить мясо (особенно лося) в котле, где перед этим лежала сырая рыба[7]). Этот запрет своими корнями уходит, видимо, еще в эпоху неолита, когда в результате перехода от преимущественно рыболовческого быта к охотничьему возникла дифференциация посуды, орнаментированной соответственно различными узорами. Позднее традиция разделения мяса и рыбы приобрела характер запрета. В основе последнего уже лежало представление, по которому котел, в котором находилась сырая рыба, приобретал специфические свойства, от которых его можно было очистить лишь окуриванием дымом пихты и некоторых других растений. В противном случае возникала угроза неудачи в охотничьем промысле.

На приведенных примерах мне хотелось хоть в самых общих чертах показать развитие и постепенное усложнение действий от псевдорациональных к магическим. Полнее этим вопросом здесь заниматься не место, но тем не менее мне хотелось бы подчеркнуть, что в ряде случаев, в том числе и в некоторых из приведенных здесь, особенно тогда, когда в цепи субъект — промежуточное звено-объект, выступают не только прямые, но и обратные связи, промежуточное звено наделяется как бы известной жизненностью. Такое явление, известное под названием анимативма[8], видимо, связанное с подсознательным перенесением человеком своих восприятий и ощущений на предметы окружающего его мира, вероятно, играет немалую роль в приемах и действиях нормальной магии.

Хочу остановиться здесь еще на одном примере со сложными связями, который играет большую роль в действиях охотничьей магии, а именно действия, связанные со следом. След животного — это объект, который повседневно привлекает к себе наиболее пристальное внимание охотника. След связывает в единый действенный комплекс охотника и животное. След имеет очертания, свойственные только данному животному и сохраняет его запах. По следу человек узнает о состоянии, поведении и даже ближайших намерениях зверя. Короче говоря, для охотника след — это часть животного и не в отвлеченном понимании как pars pro toto, а в самом реальном конкретном значении этого слова. След связывает человека с животным, но предполагается, что и последнее узнает по следу о человеке и ведет себя в соответствии с этим. Таким образом, след обусловливает возникновение ряда связей как прямых, так и обратных, причем не только рациональных, но и псевдорациональных. Возникает совершенно естественное в таких условиях представление, что через след можно воздействовать и на самого зверя. В мансийской сказке «Про Человека-Ловящего-Ястреба», охотник, желая поднять лосей, взял острую палочку и начал колоть ею звериный след. Лоси почувствовали это, поднялись и побежали (Сампильталов, Северная Сосва).

Подобных примеров магических действий можно было бы привести достаточно много, однако это не входит в нашу задачу. Здесь хочу лишь отметить, что манси не выделяют описанные выше — с нашей точки зрения магические — приемы от повседневных рациональных действий, а тем более не наделяют их какими-либо «сверхъестественными» чертами. Характерно, что в языке нет и никакого выделяющего их термина, который соответствовал бы понятию «магия».

Совершенно подобно рассмотренным псевдорациональным и магическим действиям, видимо, развивалась и изобразительная деятельность человека, к которой в первую очередь следует отнести и наскальные изображения. Здесь, очевидно, надо пояснить, что я понимаю под выражением «изобразительная деятельность».

Для первобытности, как мне представляется, к изобразительному искусству (в значении художественном) следует относить лишь те произведения, которые главным образом служили для удовлетворения эстетических целей, т. е. в первую очередь украшения одежды, тела, утвари и т. д. независимо будь то скульптура или плоскостные изображения. С этой категорией произведений связана сознательная художественность их выполнения. В противоположность этому изобразительная деятельность, располагая теми же материальными приемами — от рисунка до действия,— являлась в первую очередь средством передачи информации. Конечно, четкого разграничения между этими двумя разделами ожидать нельзя, так как орнамент нередко несет ту или иную информацию (например, орнамент на одежде указывает на принадлежность к определен-

[7] A. Kannisto, 1958, стр. 391.

[8] А. Попов, 1958, стр. 83; animatism — от лат. animare — оживлять. Этот термин следует отделять от «анимизм» от лат. anima, animus — душа, дух.

ной группе) или имеет апотропеическое значение, а многие культурные предметы могут быть выполнены тщательно и с определенным вкусом. Тем не менее изложенное здесь разграничение на деятельность художественную, с одной стороны, и изобразительную — с другой, позволяет нам легче понять развитие изобразительных явлений как в отношении их формальной стороны, так и смыслового значения. Попытка подобного деления не нова.

В статье, посвященной проблеме происхождения искусства, С. Н. Замятнин высказал мысль, по которой «зачаточные изображения» палеолита «представляли собой составную часть игровых тренировочных действий, являвшихся подготовкой к коллективной облавной охоте, непосредственно предшествовавших ей и направленных на согласование предстоящих действий коллектива». При этом он добавляет, что «нельзя допустить, что уже в это раннее время зачаточная изобразительная деятельность могла осложняться какими-либо религиозными представлениями или обрядами» [9]. Мысль эта, по нашему представлению, чрезвычайно плодотворна, но вместе с тем требует некоторых уточнений. Замечу попутно, что С. Н. Замятнин в отношении упоминаемых им зачаточных изображений применяет выражение «изобразительная деятельность», видимо, желая отделить их от искусства, хотя, к сожалению, этого и не раскрывает. Уточнение, о котором я только что упомянул, в первую очередь должно касаться выражения Замятнина «игровые (действия)». Не могу сказать, какое значение вкладывал в это слово автор, но со своей стороны хочу подчеркнуть, что понимаю это слово как «изображение действием», подобно мансийскому jēkw «драматизированный танец», игровое (действенное) изображение». Другое уточнение касается причины, вызвавшей к жизни подобные игровые действия и зачаточные изображения. Как мне представляется, такой причиной являлась недостаточная развитость речи человека, обитавшего в гротах Мустье и Ля Ферраси, которого имел в виду Замятнин, что заставляло дополнять ее иными, а именно изобразительными средствами передачи информации. Они были жизненно необходимы для подготовки достаточно сложных и хорошо скоординированных действий коллективной охоты. С развитием речи реальная необходимость в изготовлении изображений и в изобразительных действиях постепенно отпадала, но они продолжали сохраняться в силу традиции и, вероятно, уже в верхнем палеолите превратились в действия псевдорациональные. Весьма возможно, что к этой стадии относятся и изображения Каповой пещеры на Урале [10]. Можно думать, что в своем дальнейшем развитии изобразительные приемы передачи информации претерпели те же изменения, что и псевдорациональные действия, тем более что в охотничьей практике те и другие тесно переплетаются между собой. Ставшие практически ненужными изображения животных, ловушек и приемов охоты, но продолжавшие изображаться уже по традиции, обрастали представлениями о приемах и обратных связях, выходивших далеко за пределы реальных эффективных воздействий. В результате всего этого подобно цепи субъект (охотник — промежуточные звенья (орудия, след) — объект (животное, оставившее след) возникает аналогичная цепь: субъект (коллектив охотников) — промежуточные звенья (изображения графические + изображения действием + поясняявшие слова) — объект (промысловое животное). Примеры таких действий хорошо известны по этнографии манси и хантов. Обычно они имеют место во время весеннего цикла обрядовых действий, происходивших в центральном святилище экзогамной половины Пор, а также и на спорадических «играх», производившихся у обских угров всякий раз после того как бывал убит медведь. Привожу описание одного из таких действий, известного под названием «играния (танца) лисицы». В помещение, где производятся обряды, входит «лисица», которую изображает человек на четвереньках. На лице у него маска, сзади длинный хвост из травы. Подражая походке животного, он обходит помещение, как бы высматривая все вокруг. За лисицей следует человек, комментирующий происходящее. Он поет:

Человек загородку построил, лук поставил.
Лисица бежит вперед, лисица смотрит;
Широкая, как толщина трех пальцев, стрела
Вдали там поставлена.
Лесной лисицы ясные глаза,
Издалека им видно.
— Позади трех травинок вместе (стоящих),
Кругом ее обегу.
Как ниточка узкие следы
Многочисленными сделаю.
Лисицы-самки извилистые следы
Многочисленными сделаю,
Человеческим сыном поставленную,
Как ниточка, тонкую симу,
Кругом обойду.
По семи сорам, ветром заглаженным,
Лисица-самочка красавица я бегаю.
Так, когда я бежала,
От стрелы, шириной в три пальца (идущую),
Как ниточка, тонкую симу
В каком-то месте зацепила
И не заметила.
В три пальца шириной стрела с наконечником
Зверю, бедро имеющему, в бедро попала,
Лесной лисицы ясный глаз
Ах почему же потемнел...

(Сампильталов. Северная Сосва, январь, 1934)

В исходе песни и действия охотник добывает лисицу. Конечно, и на медвежьем «празднике» и даже в периодических обрядах все действия уже давно приобрели несколько театрализованный характер в том смысле, что из числа присутствующих действенными исполнителями являются лишь два-три человека, тогда как остальные присутствуют как зрители, хотя и не пассивные. И тем не менее пусть даже и в несколько переосмысленном виде описываемые «играния» (театрализованные танцы) сохранили в себе достаточно отчетливые отголоски магических действий. Последние хорошо прослежи-

[9] С. Н. Замятнин, 1961, стр. 48 и 53.
[10] О. Н. Бадер, 1967.

ваются и в описанном еще в первой части «играний» охоты на лося, завершающемся пусканием, не глядя, стрелы в стену дома. От того, в какое бревно попадает стрела, зависит предстоящий промысел. Как и при «танце» лисы, во время «охоты на лося», пока охотники гонятся за зверем, сопровождающий человек поясняет происходящее:

Большой Зверь (лось) в бору живет,
Теленка (при себе) имеет.
Человеком они выслеживаемы
Человеком окружаемы.
Большой Зверь так говорит:
— Завтра человеком убиты мы будем.
Завтра настигнуты будем.
— Внучек, человеком рожденным сыном
Ты добыт будешь,
В полдень настигнуты были мы,
Бежать пустились.
Внучек, силы в тебе мало,
Со мной сходно (бежать) не (можешь).
Внучек его человеком настигнут был...

(Пуксиков, Северная Сосва, Хангласам-паул, январь 1934)

Если в приведенных примерах звучит мотив добычи зверя, то в иных действиях можно уловить и другой сюжет — стремление к увеличению дичи и, в частности, рыбы. Последнее мы находим в одном из Больших (в смысле «важных») Танцев — так называются танцы предков, в большинстве случаев тотемных. В данном случае действие несколько отличается от обычных, человек, изображающий предка, во время танца беспрерывно строгает палку, и чем больше получится стужек, тем больше будет весной рыбы в реках. Сопровождающий поясняет действие:

В которой-то речке носатой рыбы
Если не хватило.
С плавниками рыбы если не хватило,
Маленькую стружечку как сосругну,
Маленькие плавники имеющей с плавниками рыбы
многочисленные стаи
Вперед пусть поплывут.
Если в которой течением бегущей, в быстрой реке
Рыбы с плавниками если не хватило,
Носатой рыбы если не хватило,
Большую стружку как отстругну,
С большими носами носатой рыбы стаи.
Вперед пусть поплывут...

(Алпин, Северная Сосва, Лспым-ус, декабрь 1935)

Можно было бы подумать, что сюжет со строганием как способ вызывания увеличения количества рыбы связан лишь с данным персонажем, но совершенно неожиданно он обнаруживается и вне Больших Танцев, будучи приурочен к самому заключительному акту цикла медвежьих тотемно-фратриальных обрядов. Излагаю порядок этих заключительных действий по несколько сокращенному устному описанию, сделанному манси С. Пуксиковым. Последнее представляет особый интерес, так как Пуксиков опускает различные второстепенные детали и касается лишь самого существенного. Как уже сказано, действия эти являются завершающими и исполняются уже после того как все обряды, длившиеся в течение нескольких ночей, окончены, перед самым выносом головы и шкуры медведя из помещения. На эти действия ложится акцент какого-либо особого значения:

«Последней ночи утро. Старуха и старик мамонты входят. В меховую ягушку и меховой гусь[11] одеты. (Оба) палки тонкими стружками строгают. Строгая стружки как будто едят, как будто голодны очень. У медведя с рук (передних лап) по кольцу берут. (Говорят): — «В другой раз еще зверя как уроните (медведя убьете) мы придем, поедим, кольца возьмем». Мамонты уходят.

Появляется филин (один из предков фратрии Пор). Вслед за ним — заяц (тоже, но фратрии Мощ). Филин охотится за зайцем и съедает его.

Входит журавль. У него длинная шея и большой клюв. Сопровождающий человек поет:

«...по многим болотцам
С кочками, поросшими хвощом.
По многочисленным я расхаживаю.
Больших жуков поедая, расхаживаю.
Маленькую стружку как сострогну,
С плавниками, плавники имеющей рыбой (став)
вперед уплывает...

(Пуксиков, Северная Сосва, Хангла-сам паул, январь 1934)

Если в сцене с мамонтами стружка хотя и означает пищу, но общий смысл остается затемненным, то в случае с журавлем магический характер действия выступает с полной отчетливостью. Можно думать, что в прошлом этот прием, как и другие, подобные ему по значению, не был связан лишь с отдельными предками, но применялся и значительно шире. Принципиально подобное же значение имели и другие действия, например женские танцы «собирание черемухи» и «выделывание шкуры».

Описанным действиям отнюдь не чужды и графические изображения, что еще в большей степени сближает сущность наскальных изображений с периодическими обрядами манси и хантов, начинающимися в зимнее солнцестояние и завершающимися в весеннее равноденствие. Начать с того, что каждая пропетая песнь, рассказанное сказание, каждый танец или какое другое исполненное действие фиксируется на особой бирке. *Бирка* — это палка, сантиметров 70, затесанная на несколько граней и на каждой грани отмечается лишь одна категория действий или обрядов. После окончания всего цикла эта бирка относится на особое место, где складываются и другие предметы, связанные с выполнением обрядов: посохи, палицы, берестяные маски и т. д. Там же на одном из деревьев вешаются и медвежьи черепа. Таким образом, бирка является точным отображением того, что было исполнено в течение того или иного обрядового цикла. Кроме того, в некоторых местах, например на Казыме, над входной дверью отмечается особыми зарубками и

[11] *Ягушка* — женская меховая одежда; *гусь* — мужская одежда типа малицы, но мехом наружу.

Рис. 54. Изображение медведя, солнца и человека на ритуальной палице (обские угры)

знаками каждый сыгранный в этом доме «медвежий праздник». Но специальный интерес имеют рисунки, которые делаются на ритуальных палицах, обязательно применяемых во время как периодических, так и спорадических обрядовых празднеств. Эти палицы длиной обычно до метра в противоположном от рукояти конце уплощены и расширены до 10—12 см. Края расширенной части украшены разьбой. На обеих сторонах расширения делаются изображения, чаще всего углем, реже охрой, смешанной с жиром. Так как изображения эти предназначаются лишь на один раз, никто не заботится о прочности краски. К концу «праздника» от бывших фигур остаются, как правило, лишь неясные пятна. Этим, очевидно, и объясняется, что изображения на палицах остались почти неизвестными. Типичными мотивами, изображаемыми на палицах, являются фигуры медведя и других животных, солярные знаки, изображения людей и других антропоморфных существ. Среди музейных собраний мне известны лишь три, находящиеся в Государственном Музее Этнографии в Ленинграде, на которых рисунки сохранились, потому что были сделаны какой-то более или менее прочной краской. Но и они представляют для нас огромный интерес. Привожу их описание:

№ 1711—555 (ГМЭ). На расширенной части палицы с обеих сторон изображения солнца в виде небольшого кольца, концентрически окруженного полукругами. В верхней и нижней частях подобные же полукружия, но повернутые наружу.

№ 1711—556 (ГМЭ), рис. 54. В верхней половине расширенной части — изображение медведя. Из-за схематичности рисунка трудно сказать, подан он в лежащей позе (если смотреть как бы со спины) или стоящим с поднятыми вверх передними лапами, подобно тому как мы видим на некоторых бронзовых фигурках [12]. В нижней половине — изображение человека с приподнятыми руками, возможно что в танцевальной позе. В центре, между ними, солнце, изображенное как небольшое округлое пятно с шестью лучами.

№ 1711—557 (ГМЭ). В нижней части — изображение идущего медведя, в центре — звездообразная фигура, вероятно, солярного характера, а в верхней — изображение, значение которого мне остается непонятным. На другой стороне в верхней части — изображение человека, а несколько ниже, почти сливаясь с ним, какая-то антропоморфная или антропозооморфная фигура.

Учитывая скудность площади, даже в самых расширенных частях палиц, следует признать, что описанные изображения чрезвычайно близко напоминают некоторые фигуры третьего и четвертого сюжетов наскальных изображений, а особенно *15*, *15а*, *29* и *30* в четвертой группе изображений Писаного Камня на Тагиле [13] (рис. 51, *6*, *7*, *8*).

Думаю, что приведенные этнографические параллели достаточно хорошо иллюстрируют возможное содержание и сущность первого и второго сюжетов наскальных изображений Урала. Допустимость предлагаемого освещения писаниц подкрепляется и тем, что аналогии идут не только по отдельным фигурам или деталям, но и всему комплексу явлений. Календарность, выражаемая и в писаницах и в угорских обрядах солярными символами, коллективность действий и несомненная связь последних с различными аспектами охотничьей и промысловой магии, а в стилистическом отношении — схематический реализм, вот то, что объединяет и характеризует все эти явления.

Но в пределах указанной обширной группы писаниц, видимо, следует выделить одно частичное отклонение. Касается оно описанного выше варианта второго сюжета. Как мы помним, композиция этого варианта состоит из изображений птицы, дерева и солярного знака. Охотничий элемент в них отсутствует. Видимо, следует искать каких-то отличий и в смысловом отношении. В этом направлении можно высказать одно предположение, хотя, конечно, правильность его утверждать не могу. В упоминавшемся уже комплексе весенних обрядов у обских угров есть одна небольшая группа песен и действий, также магических по своей форме, но не промысловых, а тотемных, некогда, видимо, связанных с идеей размножения. Эти песни, которые я объединяю под общим названием «птичьих» — ибо такова их тематика, весьма архаичны как по содержанию, так и по сопутствующим действиям. Исполнение их сопровождалось драматизированными танцами, во время которых танцоры надевали особые костюмы. Последние иногда ограничиваются лишь маской и крыльями, которые исполнитель держит в руках, но нередко они и более сложны, а в недавнем еще прошлом применялись и специальные одеяния, сделанные из птичьих шкурок. Содержание самих песен, хотя и варьирует в деталях, в целом очень традиционно и построено по одному плану, что также указывает на их большую древность. Привожу при-

[12] А. А. Спицын, 1906, стр. 130, рис. 374; И. М. Мягков, 1929, табл. II, рис. 5.

[13] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XI.

мер такой песни:

Вэт-луу, вэт-луу, вэт-луу (подражание крику птицы)
От пестрых вод птичьей страны
Птица я приближаюсь.
С шелестящим звуком маленьких крыльев,
С шумящим звуком маленьких крыльев
Птица я прилетаю.
Над семью пойменными озерами величиной в два дома,
Над семью пойменными озерами величиной в три дома
(На) кончиках крыльев семь раз
Птица я вспархиваю.
На берегу семи озер, поросших осокой
Из сухой осоки обломочков.
Дочерей (для) выращивания хорошее гнездо,
Сыновей (для) выращивания хорошее гнездо
Птица я делаю,
Из груди своей мягкий пух
Птица я вырываю.
С крепкой скорлупой два яйца
Птица я кладу.
С прочной скорлупой два яйца наклюнулись —
У одного-то маленького глазки его моим подобны,
Клювик его моему подобен.
У другого-то маленького
Глазки его совсем другие,
Рот его совсем другой —
Человеческого существа девочка,
Человеческое дитя...

(К. Сампилталов, Северная Сосва, Яныг-паул, январь 1934)

В птичьих песнях крайне интересна и существенна форма от первого лица, в которой ведется повествование. Эта форма предельно тесно связывает песнь с исполняемым действием, в течение которого танцор как бы сам перестает быть человеком и превращается в птицу. Эта форма отражает слитнось песни и танца в едином тотемно-магическом действии, направленном к увеличению числа существ тотемной группы. Особенно отчетливо это выступает при сопоставлении песен подобного типа с нехарактерным вариантом, построенным по типу так называемых призывных песен, имеющих в себе элемент заклинания и, вероятно, более поздних по сравнению с птичьими песнями. Такова призывная песнь к журавлю:

Журавль, журавль!
У вод птичьей (страны)
Пребывания твоего во время,
Этих (здешних) мест народа существование,
Осокой поросшие семь озерных мест
На ум тебе пусть придут!
Народом Сипыр [14] обитаемые,
Хвощем поросшие семь болотных мест
На ум тебе пусть придут!
Золотистых крыльев взмахами
Вверх поднимись!
К здешним людям обитаемым,
К осоково-болотистым семи озерным местам,
Золотистых крыльев семью взмахами
Опустись!
Журавль, приди!...

(Пуксиков, Северная Сосва, Хангла-сам паул, январь 1934)

[14] *Сипыр* — архаическое самоназвание обских угров.

Дальнейшее содержание песни близко к предыдущей. Исполняемые на предвесенних празднествах, посвященных, по словам неизвестного миссионера начала XIX в., «Бегу-Торму (он же медведь.— *В. Ч.*) и солнцу» [15], птичьи песни отражают идеи единства человека с тотемным существом, появление потомства и оживание природы и растительности. Последнее особенно ярко звучит в песнях про камышовку:

— Шепчущая, шепчущая женщина (камышовка)-девушка,
Девушка шепчет, шепчет.
С шелестящим звуком маленьких крыльев
От пестрых вод птичьей земли
Шепчущая, шепчущая, женщина-девушка
Сюда приближается.
С появлением ее река оживает,
лес оживает...

В вороньей песне:

От многочисленных вод птичьей земли
С шелестящим звуком маленьких крыльев
Птица я приближаюсь.
Людьми Сипыр обитаемые
Клюквой поросшие семь болот
На ум мне пали.
С моим появлением
Маленькие девочки, маленькие мальчики
Пусть родятся!
На ямку с таловыми гнилушками (из их люлек) [16]
Я присяду.
Замерзшие руки свои отогрею,
Замерзшие ноги свои отогрею.
Долгоживущие девочки пусть родятся,
Долгоживущие мальчики пусть родятся!

(Пуксиков, Северная Сосва, Хангла-сам паул, январь 1934)

Интересно отметить, что в синкретическом, возникшем под воздействием христианства календаре обских угров «Вороний день», т. е. время прилета ворон, слился, видимо, по своему содержанию с Благовещением. Такова, как мне представляется, возможная сущность композиций описанного выше варианта второго сюжета, состоящего из изображений птицы, дерева и солнца.

Перейдем к рассмотрению содержания писаниц третьего сюжета. Напомню, что в отличие от первых двух они характеризуются почти полным отсутствием реалистических изображений животных и наличием условно антропоморфных и антропозооморфных фигур, иногда сочетающихся с изображениями ловчих изгородей и иных промысловых сооружений. Напомню еще, что группы подобных изображений, как правило, встречаются на скалах отдельно от композиций первого и второго сюжетов. Выше указывались скалы, содержащие писаницы почти исключительно лишь третьего сюжета. Таковы ирбитский Писаный Камень, тагильский Писаный Камень, одна из скал на оз. Большой Аллак, Ниж-

[15] Рукопись церковного Древлехранилища при Тобольском братстве Св. Великомученика Дмитрия, № 759, л. 3ч ГАТо в Тобольске.

[16] У манси и хантов на дно детских люлек насыпают высушенные и хорошо измельченные тальниковые гнилушки, которые по мере надобности меняют.

ний Балабан на Тагиле и др. Некоторые, наиболее типичные изображения третьего сюжета сведены в таблицу (рис. 51). Как уже отмечалось ранее, самой характерной чертой этих изображений является их предельный схематизм и условность. Но несмотря на это, некоторые аналогии для них все же могут быть подобраны. В первую очередь следует обратиться к наиболее близкому по характеру материалу — к гравировкам на металлических дисках и зеркалах. Последние известны по ряду находок, но основная их часть происходит из так называемого Истяцкого клада, найденного на р. Вагай [17], относящегося к последним векам до н. э. Несколько дисков, особенно интересных по содержанию, находится в Ханты-Мансийском музее [18], куда они поступили из каких-то мансийских или хантыйских святилищ, скорее всего с рек Северная Сосва и Казым. Как и в наскальных изображениях, в гравировках на зеркалах и дисках можно выделить две основные группы — схематично реалистические изображения животных и птиц, подобных фигурам первого и второго сюжетов, и очень условные антропоморфные и антропозооморфные изображения, которые можно сопоставить с писаницами третьего сюжета. К последним сейчас и обратимся.

Первое, что сближает гравированные диски с писаницами, это полное пренебрежение к ранее сделанным изображениям. В некоторых случаях они соскоблены, но очень часто новые рисунки нанесены поверх старых. Отсюда совершенно очевидно, что значение изображений было преходящим и основной обрядовый акцент падал на самый процесс их изготовления. Второе, что следует отметить, это групповые композиции антропоморфных и антропозооморфных фигур, совершенно подобные в этом отношении композициям в писаницах на ряде скал, особенно такие, как Большой Аллак, тагильский Писаный Камень и др. Третьим сближающим признаком является то, что почти все гравировки обнаруживаются на круглых предметах: серебряных блюдах, металлических зеркалах и дисках, которые с достаточной уверенностью можно связывать с солярной символикой [19].

Конечно, в стилистическом отношении гравированные изображения достаточно сильно отличаются от наскальных, но эти отличия обусловлены, скорее, техническими причинами. Все гравировки представляют собой миниатюры, выполненные тончайшими линиями, и в отличие от писаниц их вполне можно приравнять к графическим рисункам. Поэтому, если в наскальных изображениях туловища антропоморфных существ имеют вид палочки, накрашенной достаточно широкой линией, то в гравировках они переданы более реалистично или по крайней мере менее схематично с изображением ряда деталей и подробностей. Но тут же следует подчеркнуть, что в плоском литье, синхронном гравировкам из Истяцкого клада и из Ханты-Мансийского музея, а в отношении степени схематизации, находящемся между гравировками и писаницами, антропоморфные и зооморфные изображения передаются и тем и другим приемами, т. е. как в виде «палочек», так и «объемно». Примером могут служить фигурки из Лозвинского клада [20]. Кроме того, следует добавить, что женские фигуры, хотя и единичные в наскальных изображениях, например 5-я группа Зенковской скалы [21], переданы совершенно так же, как и в гравировках (рис. 55, *1, 2*).

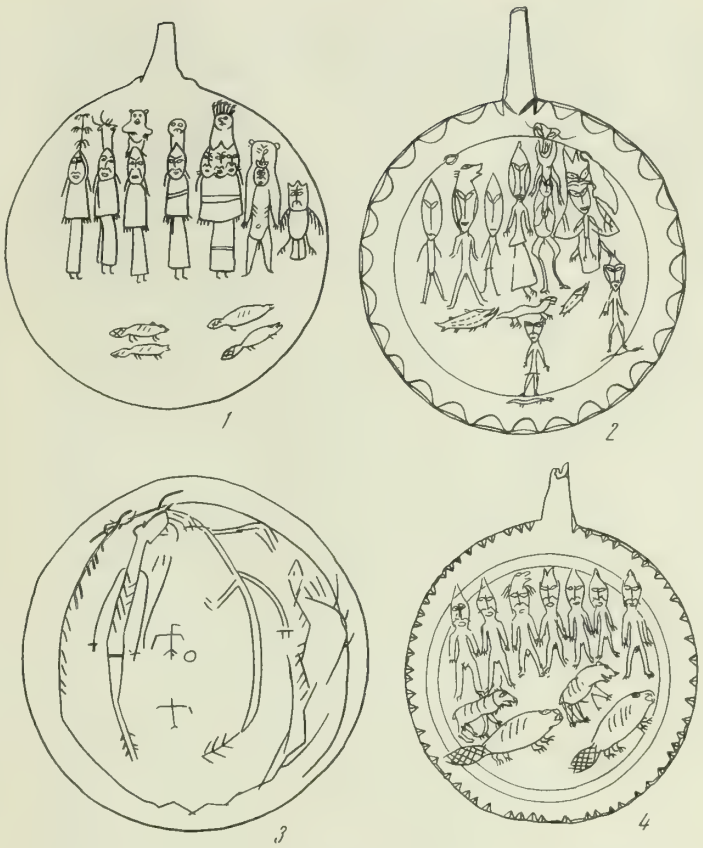


Рис. 55. Изображения антропозооморфных предков и других существ. Гравировки на металлических дисках. I тысячелетие до н. э. *(1—4)*

Все известные нам гравированные изображения происходят из святилищ как древних (с территории нижнего Обь-Иртышья), так и современных мансийских и хантыйских. Уже это одно свидетельствует об их культовом назначении. Однако традиция изготовления гравированных изображений у обских угров не сохранилась и, вероятно, оборвалась достаточно давно, скорее всего, в начале II тысячелетия н. э., где-то между XI и XIV вв. Однако, привлекая фольклор, некоторые традиционные представления и другие данные из этнографии обских угров, можно в какой-то степени понять изображенные в гравировках фигуры и сцены с тем, чтобы, опираясь на это, попытаться хоть частично проникнуть в содержание композиций третьего сюжета наскальных изображений.

Гравировки, приведенные на рис. 55, вполне типичны для ранней группы и достаточно выразитель-

[17] В. Н. Чернецов, 1953—2, стр. 162.
[18] В. Н. Чернецов, 1953—2, табл. XIII, XIV.
[19] В. Н. Чернецов, 1947, стр. 117, 121 и сл.
[20] В. Н. Чернецов, 1953—2, стр. 158, табл. XV, *3*, *4*, табл. XVI, *6*, *7*, табл. XVIII, *3*, *5*.
[21] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XXIII, *1*.

ны для нашей цели. Большинство изображенных на них существ характеризуется смешанными чертами, что выражено в обычной для манси и хантов манере; антропоморфным фигурам приданы дополнительные зооморфные или иные наголовья, а фигуры животных имеют антропоморфные личины на груди, именно таков облик существ, изображенных на первом зеркале. Первой слева стоит женщина-растение (возможно, что зонтичное, скорее всего, «порыг» (Heracleum Sibiricum)), за ней следуют женщина-косуля, женщина-медведь и женщина-сова. Далее изображено женское трехголовое существо, облик которого не совсем ясен, хотя не исключено, что это тоже сова. Еще правее медведь с человеческой личиной на груди и, наконец, филин. На втором зеркале, в левой его части между двумя не совсем понятными существами изображен мужчина-волк (?), в центре — женское существо с птичьими лапами, а правее — лось в сочетании с фигурой человека и орел с тройным теменем, что указывает на его силу, также со вписанной в него фигурой человека. Ниже описанных существ изображены: на первом зеркале четыре бобра, на втором — выдра и две рыбы, символизирующие землю. На втором зеркале еще ниже расположены два «куля» — духи нижнего мира, один со змеей, другой с ящерицей. На третьем зеркале, происходящем из комплекса Истяцкого клада, изображен человек-выдра, сражающийся со змеевидными существами, вероятнее всего, олицетворяющими болезни. В центре две птицевидные фигуры, очевидно тамги присутствовавших. Эта гравировка связана с лечебными действиями. На четвертом зеркале представлена композиция, подобная первым двум. Здесь изображены семь «мэнквов» [22], из которых один с раздвоенным теменем — признаком силы, а другой — слитно с обликом птицы. Ниже их нарисованы олень, медведь и два бобра, отображающие земной мир. Образы изображенных на зеркалах существ в целом хорошо совпадают с обликами антропозооморфных предков генеалогических групп обских угров. Вот несколько примеров для последних: женщина-соболь — предок одной из генеалогических групп в верховьях р. Тапсуя. Медведь — то же на той же реке. Стрекоза (мужчина) — низовья Тапсуя. Люди-лоси — одна главная и две филиальные генеалогические группы — в верховьях рек Лозьвы и Северной Сосвы. Человек-филин — в верховьях Северной Сосвы. Женщина-тетеря — там же, несколько ниже по течению. Человек-волк — верховья Ляпина. Женщина и мужчина желтые трясогузки — там же. Щука (мужчина) — там же. Женщина и мужчина филины — р. Ляпин и т. д.

Таким образом, можно с достаточной уверенностью утверждать, что антропоморфные и антропозооморфные фигуры в гравировках являются не чем иным, как изображениями предков, а группы последних, представленные на зеркалах из Ханты-Мансийска, отображают танцы, которые предки исполняют, появляясь во время периодических и спорадических празднеств. Предки, изображаемые танцорами в масках или с лицами, закрытыми платками и облаченные в специальные одежды, являясь на празднество, исполняют каждый свой танец «для счастья и удачи в промысле». Для вызова их исполняются специальные «призывные» песни заклинательного характера, так называемые Kastəne ēriγ в содержании которых хорошо раскрывается как образ призываемого существа, так и смысл всего действия. Привожу для иллюстрации несколько отрывков из призывных песен, в частности песню, обращенную к «Семи Крылатым Пастер» [23], образ которых близко соответствует группе существ, изображенных на четвертом зеркале.

В вершине Сорахт-реки с черной водой
Отвесный хребет, поросший лиственницей,
(Куда) женщинам доступа нет,
(Куда) мужчинам доступа нет,
Вершины Сорахт местные люди,
Семь Крылатых Пастер
Там живут.
В доме покрытом (шкурками) черного зверя,
В доме покрытом (шкурами) красного зверя,
(они спят)...

Так во сне своем
Однажды вот слышит (один из них)
В каком-то месте призыв к нему звучит.
Из сна глубокого (так что хоть) шею режь,
Из сна глубокого (так что хоть) голову режь
Просыпается, наружу выходит.
К задней стене дома, имеющего стену, идет
(То ли) небом взращенные,
(То ли) землей взращенные
Три лиственницы (там стоят).
В облике рыжей белки взбирается [24],
В облике когтистой белки взбирается;
Все существующие семь концов (земли) предков,
Подобный месяцу на ущербе косой глаз его [25]
Так высматривает.
Видит, дочерей шумный дом приготовлен,
Сыновей танцевальный дом приготовлен
В истрепанной одежде бедняжечки,
В истрепанной обуви бедняжечки,
К себе его призывают.
В облике рыжей белки.
С лиственницы спускается,
В облике когтистой белки
С лиственницы спускается...
Лесной женщиной Мис, матерью его сделанную [26]
Одежду надевает,
Лесной женщиной Мис, матерью его сделанную
Обувь надевает...
К задней стене дома, имеющего стену, идет,

---

[22] М. Мэŋkw — лесные существа, имеющие медвежье-человеческий облик, принадлежащие к экзогамной половине «Пор» и родственные людям этой половины, ведущим свое происхождение от медведя.

[23] Семь Крылатых Пастер — семь *мэнквов* — предки людей селения Мэзи на р. Ляпин.

[24] Один из Пастер представлялся в виде белки.

[25] Один из эпитетов Мэнква: «косоглазый Уччи» (или Мэнкв).

[26] Манс. mis — аналогичные мэнквам лесные существа, но связанные с экзогамной половиной Мощ (манс., moš'). Согласно нормам дуально-экзогамной системы, матерью мэнква (или человека Пор) могла быть только *мис-нэ*, т. е. «женщина мис» (у людей — женщина Мощ).

(От) одного (корня) выросшие семь порыг идут[27].
Стаей маленьких уток (ставши)
В даль улетают.
Стаей маленьких гусей ставши
В даль улетают...
К селению дочерей прибывают,
К селению сыновей прибывают...
По ходу солца семь раз его обходят,
С громкими звуками свиста они (кругами) обходят,
С далеко разносящимися звуками свиста, они (кругами) их обходят...

(р. Ляпин (Сакв), Лопэм-ус, М. Алпин, декабрь 1935)

В следующем отрывке из призывной песни к Калтась[28] отчетливо выступают как синкретичный облик последней, в котором архаические тотемные черты смешиваются с образами, пришедшими из коневодческой среды, так и благодетельная роль ее появления:

Из одного основания семь берез,
Семи берез в основании
Рогатых животных в жертву принесения место,
С копытами животных в жертву принесения место.
Там обитает...
Так обитая, ко всем священным семи концам (земли)
Пугливой морянки чутким ухом прислушивается,
Пугливой черняди чутким ухом прислушивается.
Так существуя (слышит):
В истрепанной одежде многими ее бедняжечками
Она призываема...
На спину животного, спину имеющего (лошадь) она опускается
В хорошем облике золотистой гусыни опускается...
Идущих облаков высоты достигает,
Бегущих облаков высоты достигает.
В этом (вот) месте для сборища семи крылатых дом приготовлен[29],
Для сборища семи ногами обладающих дом приготовлен
В дом (для) сборища семи крылатых
Туда входит.
В истрепанной одежде многие ее бедняжечки
Горькими слезами плачутся,
В истрепанной обуви многие ее бедняжечки
Горячими просьбами ее домогаются...
Если который человек с коротким веком есть,
(Долгий) век ему наказывает,
Если которая женщина с коротким веком есть,
(Долгим) веком ее одаривает.
Если без счастья в лесном (промысле) человек какой есть,
Счастье ему наказывает,
Если без счастья в (промысле) водяной рыбы человек какой есть,
Счастьем в (промысле) водяной рыбы одаривает...
В истрепанной одежде бедняжечки
Ее обнимают и целуют.
Так говорят:
— Дочерей посылающая наша мать Калтась,
Пришла ты!
С могуществом теплого ветра
Пришла ты!
Для будущих дочерей силу
Нам оставь!
Для будущих сыновей силу
Нам оставь!

(М. Алпин, р. Ляпин (Сакв), Лопэм-ус, декабрь 1935)

И, наконец, еще один отрывок из призывной песни, обращенной к «Маленькой Прародительнице», имеющей Облик Золотистого Клеста[30] из числа записанных ныне покойным В. Штейницем в 1936 г. от ханты К. Маремьянина. В песне этой дается очень интересный и типичный вариант окончания, хорошо раскрывающий значение танца, исполняемого предком:

...В счастливом гнезде из (шкур) черного зверя,
В счастливом гнезде из (шкур) красного зверя
Великая женщина живу я...
В ночи, темной как черные глаза
Слушаю я.
Осторожной морянки хорошими ушами
Слушаю я.
Осторожной черняди чуткими ушами
Слушаю я...
Болотно-Лесного Зверя (медведя) веселый дом,
Веселый дом уже приготовлен...
Три взмаха моих маленьких крыльев
Делаю я,
Четыре взмаха моих маленьких крыльев
Делаю я,
С одного дерева на другое
Я перепархиваю,
С одного дерева на другое
Я опускаюсь...
С семью балками дом
По ходу солнца хороших семь раз
Окружаю я...
(Здесь) много моих женщин в истрепанной одежде,
(Здесь) много моих мужчин в истрепанной обуви...
Пятиструнного дерева со струнами (музыкальный инструмент)
Шестиструнного дерева со струнами
Нижнюю струну если тронут,
Звуки голосов нижних тонгхов (духов-предков)
Тогда зазвучат.
Верхнюю струну, если тронут,
Звуки голосов верхних тонгхов
Тогда зазвучат.
Что же могу я вам здесь оставить?
Танец для удачи (в промысле) водяной рыбы,
Мой танец вам оставлю
Танец для удачи (в промысле) лесного зверя
Мой танец вам оставлю...[31]

---

[27] *Порыг* — съедобное зонтичное расстение (Heracleum Sibiricum). В фольклоре выступает как синонимический эпитет для мэнквов и отчасти для людей (преимущественно мужчин) Пор. Медведица — прародительница этой дуально-экзогамной половины — родила первую женщину Пор после того, как съела растение порыг.

[28] Калтась или Калтась-сян.— Мат Калтась — прародительница дуально-экзогамной половины Мось. Ее тотемный облик — бабочка, зайчиха, гусыня. Ее священное дерево — береза.

[29] «Семь крылатых и семь ноги имеющих» — общее наименование для предков.

[30] Сорнинг Калса Най — Золотистый Клёст Великая женщина — предок людей селения Нака-курт на р. Малая Сосва.

[31] W. Steinitz, 1939, S. 371—376.

В приведенных отрывках хорошо раскрываются назначение и сущность танцев и драматических действий, а в прошлом, очевидно, и соответствующих изображений, сопровождавших песни. Раскрываются в них и сложные тотемно-зооморфные образы предков — «всех крылатых и всех ноги имеющих», как они суммарно именуются в песнях и сказаниях. Крылатые и ноги имеющие предки собирались в определенные периоды года. Их голоса звучали в струнных мотивах, они олицетворялись танцорами, каждый из которых исполнял определенный танец, и они же изображались в гравировках, очевидно, и в наскальных рисунках.

Как мы могли видеть, несмотря на единообразную схему построения призывных песен, образы, представленные в них, варьируют от типично тотемных до очень развитых синкретичных фигур типа Калтась. То же, видимо, можно усмотреть и в наскальных изображениях. Думаю, что наиболее архаичными фигурами, из числа относящихся к третьему сюжету, являются упоминавшиеся выше (рис. 24, 7) изображения со скал 1-й и 2-й Бородинской и у оз. Большой Аллак. Там же были приведены и аналогии, которые отчетливо показывают близость, если не тождественность, этих фигур с изображениями птиц и лягушки в угорских мотивах. Лягушка — «нярас-най» или «нярас-най-эква» — великая болотная женщина-прародительница она же порыпан-эква — прыгающая женщина и лус-хал-эква — между кочками (живущая) женщина — один из тотемных предков старшей генеалогической линии, имеющей большое количество филиаций, причем все филиальные предки — также лягушки. Вероятно, в одну группу с птицами и лягушками следует отнести и другие сильно стилизованные изображения животных, в частности медведя, которые упоминались в конце предыдущей главы.

Завершая рассмотрение материала, который, как мне представляется, был правомерно привлечен при анализе содержания писаниц третьего сюжета, следует подчеркнуть, что в той же степени, в какой они отличаются от композиций первого и второго сюжетов, отличаются и призывные песни от магических действий и песен птичьих. По сравнению с последними призывные песни и все связанные с ними образы и действия отражают, видимо, более поздний пласт в развитии мировоззрения угров и их общественных отношений.

Глава IV

ПИСАНИЦЫ УРАЛА И НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДРУГИХ ТЕРРИТОРИЙ

До сих пор мы рассматривали уральские писаницы и связанные с ними вопросы, почти не выходя за пределы территории их распространения. Точно так же и при анализе изображений и композиций привлекались археологические материалы лишь уральские, а этнографические параллели — преимущественно относящиеся лишь к манси и хантам. Как мне представляется, этот подход дал определенный положительный результат и известную уверенность в правильности выводов. Однако одним лишь этим направлением в работе ограничиться нельзя. Для того чтобы составить себе действительно полное представление об уральских писаницах, установить их своеобразие, или, наоборот, близость с другими аналогичными памятниками, их следует сравнить с наскальными изображениями смежных территорий, а может быть, и противопоставить последним. Тут мы встречаемся с известными трудностями. Хотя в работах, посвященных наскальным изображениям, сопоставлениями пользуются и достаточно широко, общего метода для таких сравнений до сих пор нет. Это обстоятельство в сочетании с известными всем трудностями в датировках наскальных изображений еще более усложняет задачу и неминуемо приводит к субъективному подходу в оценке тех или иных черт писаниц или петроглифов, что в свою очередь снижает убедительность приводимых сопоставлений. Как и другие авторы, я тоже не располагаю никаким сколько-нибудь выработанным методом сравнения и поэтому опасаюсь, что также не смогу избегнуть субъективности в своих рассуждениях. Тем не менее попытка все же должна быть сделана. Начну с наиболее легкого — с противопоставления.

А. П. Окладников наметил в Сибири несколько областей с характерными для них наскальными изображениями. Одна из них охватывает лесостепные районы Северной Монголии и отчасти Забайкалья. Для нее характерны писаницы, выполненные красной краской, «удивительно единообразные по стилю и сюжетам» [1]. На них представлены контурные четырехугольники, заполненные фигурками людей и точками, а также изображения домашних животных и парящих в воздухе птиц. В. В. Волков тоже подчеркивает, что эти композиции повторяются с поразительным единообразием [2]. Датируются эти писаницы первой половиной I тысячелетия до н. э., и их ареал довольно точно совпадает с территорией распространения плиточных могил.

На пространствах Центральной и Средней Азии А. П. Окладников выделяет обширную группу петроглифов с изображениями горных козлов и охотников, вооруженных луками и стрелами, вероятно, более или менее синхронных упомянутым монгольским писаницам. А. П. Окладников связывает эти петроглифы с охотничьими племенами, населявшими степные и горные районы этих частей Азии. К несколько более позднему времени относятся петроглифы и писаницы степей Монголии и Южной Сибири, содержащие стилизованные изображения оленей, связанные с культурами сако-тагарского типа [3].

На верхней Лене А. П. Окладников выделяет курыканские писаницы, представляющие «целый мир всадников, лошадей и верблюдов». Эти писаницы сопровождаются тюркскими надписями и могут быть сопоставлены с синхронными и наскальными рисунками енисейских кыргызов и отчасти с тюркскими писаницами Алтая [4].

Легко заметить, что по содержанию и сюжетам, по манерам изображать людей и животных перечисленные группы писаниц и петроглифов бесконечно далеки от уральских. Кроме самых общих моментов, отражающих явления, свойственные большинству всех наскальных изображений, ничто не роднит их между собой. Видимо, не только о генетической но и о контактной связи здесь говорить не приходится.

А. П. Окладников выделил еще одну большую группу наскальных изображений, которую он противопоставил рассмотренным выше, группу, отражающую «большой культурно-исторический мир лесных племен охотников, собирателей и рыболовов сибирской тайги», центральное место в которой «принадлежит образу лося» [5]. А. А. Формозов, соглашаясь с классификацией, предложенной А. П. Окладниковым, добавляет, однако, что, «если принять за основной признак этой группы изображения лосей, придется включить в ту же зону не только Сибирь, но и Урал и Карелию» [6]. Оба соображения А. А. Формозова, очевидно, правильны, но в чем заключаются сходства и различия между сибирскими, уральскими и карельскими наскальными изображениями он не раскрыл, преимущественно ограничившись ссылкой на разницу в технике выполне-

[1] А. П. Окладников, 1966, стр. 3.
[2] В. В. Волков, 1967, стр. 84.
[3] Там же, стр. 84—85.
[4] А. П. Окладников, 1966, стр. 3.
[5] Там же.
[6] А. А. Формозов, 1967, стр. 83.

ния и отчасти на стиль изображений. Однако техника нанесения, хотя и может оказаться весьма существенной для первоначального выделения ареалов, сама по себе является лишь частным признаком, по которому мы не можем судить ни о сюжете и композиционной стороне, ни о каких-либо других характерных чертах изображений данного ареала. В стилистическом отношении А. А. Формозов противопоставляет реалистические изображения лосей Сибири схематическим и статичным фигурам этих животных на Урале и в Карелии. Это правильно, но лишь в самых общих чертах, и при ближайшем рассмотрении мы неминуемо увидим несколько более сложную картину. Начать с того, что изображения зверей в карельских петроглифах не так уж схематичны и часто выполнены весьма тщательно, но при этом они стилизованы в совершенно определенной и достаточно выдержанной манере. Даже взятые отдельно карельские фигуры в большинстве случаев легко распознать среди петроглифических изображений любой другой территории. Но при этом они действительно статичны. Уральские изображения зверей, конечно, схематичны, причем выполнены с той непосредственной небрежностью, которая дается лишь при нанесении краской привычных, хорошо устоявшихся контуров рисунка. В то же время многим фигурам уральских писаниц никак нельзя отказать в динамичности. Таким образом, в стилистическом отношении между карельскими и уральскими изображениями значительно больше различий, чем сходства.

Кроме того, в карельских петроглифах фигуры зверей всегда, а людей в подавляющем большинстве случаев строго профильны. В силу этого животные изображены с двумя ногами, а люди как бы с одной. Отклонения от последнего чрезвычайно редки и то лишь в отношении пеших людей, как бы бредущих по снегу и оставляющих за собой следы. Лыжники — всегда профильно «одноногие». На Урале фигуры животных тоже профильны, но изображаются когда с двумя, когда с четырьмя ногами, даже в пределах одной композиции. Люди даны всегда в фас. Таким образом, и по этому пункту между Карелией и Уралом устанавливаются отчетливые различия.

Сопоставим вкратце состав изображений. На Урале, как мы видели, животный мир представлен тремя породами копытных и в небольшом проценте некоторыми другими видами животных. Птицы представлены тремя видами водоплавающих — утками, гусями и лебедями. Изображения птиц и зверей дополняются крайне незначительным количеством человеческих фигур. Из других категорий: солярные и небесные знаки, изображения ловчих сооружений, бумерангов и болас и, наконец, условные трудно дифференцируемые изображения третьего и четвертого сюжетов. Для Карелии Ю. Савватеев приводит следующий список: лодки, люди, олени и лоси, медведи, волки и другие, морские звери, птицы, следы, солярные и лунарные знаки (капканы) [7]. Этот список можно дополнить данными, приводимыми А. Линевским: а) звери — лось, олень, медведь, лиса, заяц, неопределимые животные б) птицы — глухарь, куропатка, вальдшнеп, неопределимая лесная птица (кроншнеп), лебедь, утка, гусь; в) морские животные [8]. Легко заметить, что, если даже и отбросить морскую фауну Карелии, состав здесь несравнимо более разнообразный, чем на Урале. Очень интересно для характеристики карельских петроглифов и количественное соотношение различных фигур. Так, по данным Ю. А. Савватеева, на Онежском озере встречено: изображений людей и других антропоморфных фигур — 63, лодок — 26, различных животных — 50, птиц — 192, капканов (солярные знаки?) — 83; на Белом море в Новой Залавруге: людей — 179, лодок — 390, различных животных — 142, птиц — 67[9]. Ко всему этому следует добавить многочисленные изображения луков, стрел, гарпунов, лыж и других предметов оружия и орудий, предназначенных для активной охоты. Таким образом, в петроглифах как Онежского озера, так и особенно Белого моря человек со своими снастями является едва ли не центральной фигурой, хотя и окружающий его мир отображен с большим разнообразием и тщательностью. Снова видим глубокое различие между Уралом и Карелией.

Некоторые авторы пытались сопоставлять уральские и карельские наскальные изображения по формальному сходству отдельных фигур. Так, В. Генинг в статье, посвященной вишерскому Писаному Камню, отмечает тождество фигур *104* на Вишере, «в виде дуги с восемью отростками» с 69 на VI мысе Пери Носа на Онежском Озере [10]. Действительно, сходство в этих изображениях почти полное, но остается неясным, имеем мы дело здесь с аналогией или случайным совпадением. На Урале дугообразная фигура с отростками, которую с большей или меньшей уверенностью определяем как небосвод, расположена всегда выгнутой стороной вверх и неизменно входит в состав вполне четко выраженных композиций первого и второго сюжетов. В количественном отношении эти фигуры многочисленны и встречаются по всему ареалу уральских писаниц. Фигура *69* является уникальной среди карельских петроглифов и, судя по публикации В. Равдоникаса, не входит ни в какую композицию. Все это заставляет отнестись с осторожностью к предложенной В. Генингом параллели.

Как уже отмечалось ранее, А. А. Формозов склонен утверждать сходство в изображениях ладьи шведских и карельских петроглифов, с одной стороны, и уральских писаниц — с другой. Впервые он высказал это мнение в 1950 г., ссылаясь на весьма неточное воспроизведение тагильских писаниц Шориным. В последующих работах А. А. Формозов снова возвращается к этой теме, связывая изображения лодок в писаницах с распространением вплоть до Сибири солярного мифа в основном египетского происхождения [11]. Сущности этой малоубедительной концепции я здесь касаться не буду и остановлюсь

[7] Ю. Н. Савватеев, 1967, стр. 66.

[8] А. М. Линевский, 1940.

[9] Ю. А. Савватеев, 1967, стр. 66.

[10] В. Ф. Генинг, 1954, табл. I, *104*; В. И. Равдоникас, 1936, табл. XXI, *69*.

[11] А. А. Формозов, 1966, стр. 41—42, рис. 16; он же. 1967, стр. 93.

лишь на разборе самих изображений. А. А. Формозов указывает, что «на утесах по берегам уральских рек Вишеры и Тагила мы увидим аналогичные рисунки (т. е. солнечную ладью.— *В. Ч.*), нанесенные охрой» [12], но, к сожалению, не ссылаясь на какие-либо определенные фигуры в современных публикациях. Поэтому придется попытаться найти какие-то изображения, которые могли бы быть положены в основу его утверждений. Наиболее близко к схематичным изображениям лодок с сидящими в них людьми могут подойти некоторые из гребневидных фигур, изредка встречающихся среди уральских писаниц. Я не касался этих фигур при рассмотрении материала, так как при их разнообразии они не составляют единого типа, возможно, варьируют по значению, которое в силу этого остается неясным и их трудно увязать с какими-либо композициями. Формально наиболее близкой к изображению лодки может быть фигура 9а и в 3-й группе Змиева Камня на Тагиле. Она представляет собой гребенку с пятью обращенными вверх зубцами, средние из которых несколько наклонены в одну сторону. В 40 см выше ее, на соседней плите находится фигура 9, которая выше была определена как болас. Таким образом, оба эти рисунка можно поставить в известную логическую связь, но составляют ли они единую композицию, сказать трудно. Все же, так как многие из писаниц Змиева Камня посвящены сюжету охоты на водоплавающую птицу, присутствие на этой скале изображений лодки может быть вполне уместным. Но в то же самое время применительно к данному случаю следует отбросить и всякую мысль о лодочно-солярной символике в египетском духе.

Другое довольно близкое изображение находится на скале правого берега Тагила, пониже д. Гаевой [13] в пределах остатков сильно разрушенной композиции первого сюжета. В последней можно хорошо различить солярную фигуру, остатки животного над ней, а несколько правее и выше — часть фигуры «небосвода». Пониже его расположена «гребенка» и вправо от нее, на соседнем метре, нераспознаваемые остатки каких-то фигур. Для понимания общей направленности писаниц этой скалы добавлю, что на соседней плите находится еще одна плохо сохранившаяся композиция первого сюжета. В отношении дешифровки гребнеобразной фигуры ничего определенного сказать нельзя. Видимо, она сохранилась не полностью, так как в нескольких сантиметрах справа заметно как бы ее продолжение. Лодка ли это или остатки фигуры типа «небосвода» или загородки — судить не берусь. Если отдать предпочтение лодке, то можно подобрать и смысловое оправдание ее присутствия — на лодках производят охоту на лосей, когда они в летнюю жару, спасаясь от оводов, забираются в воду, из которой остается выставленной лишь конец морды.

Третья гребневидная фигура с очень короткими зубцами находится в 1-й группе писаниц Сокольинских утесов, но здесь, судя по ее наклону и характеру соседних изображений, она, видимо, является остатком «небосвода». Еще две «гребенки» — одна с длинными, а другая с неровными зубцами и обе, видимо, не полностью сохранившиеся, находятся на 2-й Бородинской скале на р. Реж и на Коптеловом камне на р. Неёве.

Два или три гребневидных, но косо расположенных изображения можно различить во 2-й группе Змиева Камня и на верхнем Балабанском утесе, но здесь это почти наверное остатки небосводов [14]. Гребенка с пятью зубцами, обращенными вниз, имеется и на Писаном Камне на р. Вишере [15]. Рядом с ней в той же 6-й группе расположены фигура птицы с ластообразными крыльями и личина, которые В. Генинг с достаточным основанием датирует I тысячелетием до н. э. Возможно именно эту перевернутую гребенку А. Формозов считает солярной ладьей [16], но мне это представляется маловероятным, так как все изображения Урала, в том числе и вишерские, всегда ориентированы нормально, т. е. «головой» вверх и «ногами» вниз. Не представляю себе, почему для данного случая следует допустить исключение.

Чтобы покончить с проблемой об изображениях солярной ладьи на Урале, обратимся еще раз к фигуре 52 во 2-й группе Змиева Камня. Как я уже говорил [17], в этой фигуре при некотором участии воображения можно распознать гребную ладью с высоким носом, двумя гребцами и солярным знаком в виде квадратика над ней. Однако следует иметь в виду, что нижние камни этой части скалы сильно покрыты известковыми натеками, деформирующими, а частью и полностью скрывающими изображения. В силу этого уверенности, что копия, сделанная с фигуры 52, соответствовала истинным контурам древнего изображения, не было ни у кого из нас, когда мы работали на этой скале. Не помогли и повторные копии, сделанные в разные годы. Но если даже допустить, что приведенная в издании копия в какой-то степени соответствует истине, мы все равно встанем перед новыми затруднениями. Река Тагил настолько порожиста, что местное население в очень малой степени пользовалось лодками, а тем более гребными. Как и на других уральских горных речках, вверх по течению здесь можно подниматься преимущественно лишь с помощью шестов, тогда как вниз по течению плывут, пользуясь кормовым веслом. Да и вообще до появления русских гребни, т. е. весла с уключинами, здесь не были известны.

Подавляющее большинство авторов, писавших о петроглифах Карелии, были склонны связывать их появление с охотничьей магией. Отчасти к этой позиции примыкает и Ю. А. Савватеев, занимающийся исследованием этих памятников в настоящее время, хотя в большей степени он видит в петроглифах прямое отражение местных преданий и мифов. К этой мысли он приходит главным образом потому, что на протяжении своего тысячелетнего существования петроглифы постепенно изменялись,

[12] А. А. Формозов, 1966, стр. 41.
[13] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XIV, *1*.
[14] В. Н. Чернецов, 1964, стр. 31, табл. XVI, *14*, табл. XXI, *1*.
[15] В. Ф. Генинг, 1954, табл. I, *112*.
[16] А. А. Формозов, 1966, стр. 41 и рис. 16.
[17] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XVII, *1*, табл. XXI, *1*.

причем реалистичность рисунков усиливалась, а сложность композиций увеличивалась в сторону все большей их повествовательности. Отмечает автор и преходящее значение отдельных групп изображений. Однако, исходя из объяснения, даваемого автором, мы легко можем установить, что сущность этого явления, т. е. кратковременность значения рисунков, в карельских петроглифах совершенно иная, чем в уральских писаницах. На Урале, как я пытался показать, кратковременность должна была обусловливаться тем, что смысловой акцент приходился не на рисунок, а на его изготовление и сопровождающие обряды. Преходящий характер карельских петроглифов Ю. А. Савватеев объясняет направлением развития местного петроглифического искусства, «художественная выразительность» которого постепенно усиливалась, в связи с чем старые петроглифы переставали «удовлетворять древних людей» [18] и рядом с ними выбивались новые.

Таким образом, при сопоставлении карельских наскальных изображений с уральскими мы обнаруживаем ряд расхождений между ними. Как мы видели, уральские писаницы характеризуются небольшим количеством сюжетных композиций, неизменно повторяющихся с несущественными лишь вариациями. По их лаконичности их можно сравнить разве с графическими формулами. И при этом у нас нет никаких оснований предположить, что эти формулы заметно менялись со временем. Совершенно иную картину наблюдаем как в онежских, так и в беломорских петроглифах. Если в основе их и лежали какие-то магические действия и представления, они как будто уже не нашли места даже в самых ранних известных нам композициях. Видимо, уже к тому времени, т. е. к середине III тысячелетия до н. э., действия и представления, связанные с сезонными обрядами, достигли высокой ступени развития, возможно, обросли мифологическими сюжетами и охватили несравненно более широкий, а во многом и иной круг вопросов, связанных с бытовыми, культовыми и общественными интересами, чем тот, который когда-либо существовал не только в обществе древних уральцев, но и у непосредственных предков современных манси. Можно, следовательно, думать, что и по своей направленности карельские наскальные изображения не сопоставимы с уральскими. Мало того, что их развитие шло в ином направлении — к постепенному усложнению и совершенствованию композиций и художественности рисунка,— но они глубоко отличны и по содержанию этих композиций. Видимо, карельские петроглифы принадлежали и к иной этнической среде, с отличными формами общественного устройства и иными религиозными концепциями.

Остается проследить возможную близость уральских писаниц с более восточными группами наскальных изображений. Особый интерес представляют некоторые из ангарских, состоящие из повторяющихся фигур лосей. По своему содержанию и в сюжетном отношении они еще в большей степени элементарно моноплинейны, чем уральские. Бесконечное повторение изображений лосей, нередко налегающих одно на другое, иногда фрагментарные. И как бы в дополнение — «простые, монотонно повторяющиеся длинные ряды полос красной краски», пишет Окладников, которые «представляют собой один из самых характерных элементов наскальных изображений на Каменных островах... и в других местах на Ангаре...» Эти полосы «явно не имеют никакого определенного эстетического или изобразительного содержания,— и ограничиваются только утилитарной целевой направленностью»... О важном значении таких изображений свидетельствует уже само по себе их обилие. Смысл композиций из параллельных вертикальных полос, выполненных на скалах красной краской, ясен. Они «изображают охотничьи изгороди-загоны для копытных животных, в первую очередь для лосей» [19].

В этих фразах А. П. Окладников хорошо и отчетливо вскрыл содержание ангарских лосиных композиций. Идея размножения и удачного промысла выступает в них совершенно отчетливо. И «что бы не оставалось сомнений,— продолжает он,— в истинном назначении и смысле таких рисунков, древний художник рисовал в связи с ними иногда и фигуры животных — лосей, попавших в западню. ...В сочетании с полосами краски совершенно определенно и прозрачно показано целое стадо лосей, настоящий табун, загнанный за изгородь, сооруженную древними охотниками. Такой рисунок имел в глазах охотника определенный магический смысл и назначение» [20].

В отличие от уральских ангарские изображения зверей выполнены преимущественно техникой выбивания, но в небольшом количестве сохранились и накрашенные, в отношении которых А. П. Окладников отмечает, что они «довольно грубы и наивны, но при всем том вполне реалистичны» [21]. Такие рисунки — впоследствии схематически повторенные выбиванием — имеются на Втором Каменном острове рядом с накрашенными же вертикальными полосами, что позволяет поставить их в прямую связь. В то же время именно эту группу изображений лосей со слегка стилизованными «в виде параболы» головами А. П. Окладников склонен рассматривать как одну из древнейших, предшествующую крупным реалистическим фигурам, сделанным техникой выбивания [22]. Однако эта датировка основана главным образом на косвенных соображениях, что отмечает и сам автор, говоря, что «время их, однако, определить точнее невозможно, так как прямых аналогий в датированных памятниках у нас нет» [23]. И действительно, в своем исследовании А. П. Окладников как будто оценивает упрощенные изображения зверей, у которых головы имеют «как бы обтекаемую форму и напоминают параболу» [24], как более поздние по сравнению с более реалистическими рисунками. Возможно, конечно, что между этими двумя вариантами изображений различия во времени нет и они относятся к одной и

[18] Ю. А. Савватеев, 1966, стр. 90.

[19] А. П. Окладников, 1966, стр. 125.
[20] Там же.
[21] Там же, стр. 123.
[22] Там же, стр. 128.
[23] Там же.
[24] Там же, стр. 124.

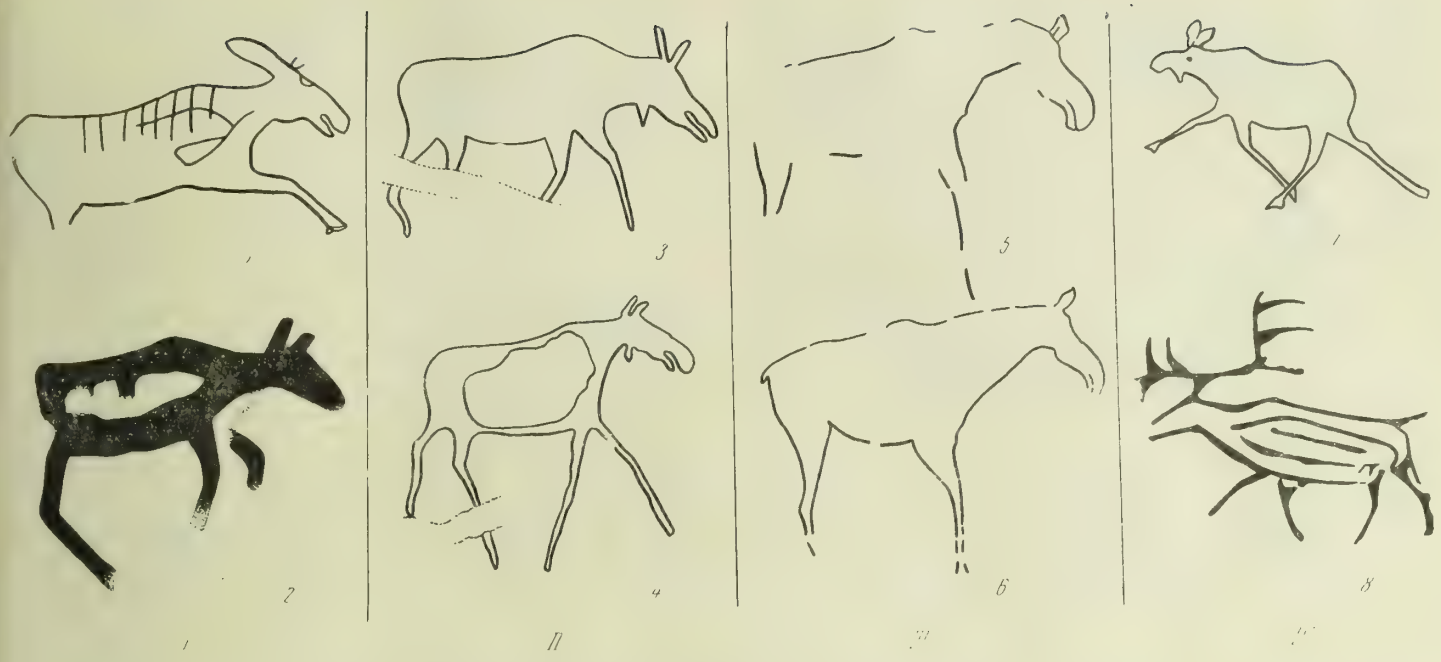


Рис. 56. Сводная таблица реалистических изображений животных

I — Урал; *II* — Ангара; *III* — Норвегия; *IV* — этнографические рисунки; *1* — лось — изображение, нацарапанное на металлическом диске; *2* — олень — Писаный камень на р. Тагиле; *3, 4* — лоси — петроглифы Ангары (по Окладникову); *5, 6* — лоси — петроглифы Северной Норвегии. Бадал (по Йессингу); *7* — лось — резьба по дереву. Юкагиры (по Йохельсону); *8* — олень — резьба по кости. Норвежские лопари (по Йессингу)

той же эпохе и этнокультурной среде. Не исключено, что некоторая обобщенность изображений, выполненных красной краской, в какой-то степени определялась и самой техникой нанесения рисунка.

При сопоставлении уральских наскальных изображений с ангарскими можно, как видим, установить их большую близость в содержании и общей целевой направленности. Нет глубокого различия и в технике нанесения изображений. Так, с одной стороны, выбивание не являлось совершенно чуждым приемом на Урале, а с другой — накрашенные охрой изображения не только не редки на Ангаре, но, возможно, отражают и достаточно ранний слой. В частности, только краской нарисованы ряды загородок. Следует еще сопоставить наскальные изображения обоих районов в стилистическом отношении. Как уже говорилось, уральские фигуры животных не лишены реализма и динамичности, хотя в целом достаточно схематичны и лишь изредка среди них встречаются изображения, выполненные живо и натурально, например фигура оленя на тагильском Писаном Камне (рис. 56, *2*). На Ангаре выбитые изображения лосей и оленей в подавляющем большинстве случаев и реалистичны и динамичны (рис. 56, *3*, *4*), но накрашенные проявляют значительную степень упрощения и схематизации, сближаясь этим с уральскими. Изображения ребер у накрашенных фигур лосей со Второго Каменного острова [25] (рис. 57, *14*) делает эту группу еще более похожей на уральские писаницы, в которых эта черта представлена достаточно широко, например у лосей со скалы Зенковской на Тагиле [26] (рис. 57, *1*, *2*, *4*, *6*).

Хотя основная масса реалистически переданных выбитых изображений копытных на Ангаре довольно существенно отличается от уральских, можно тем не менее показать, что и такая реалистическая манера не чужда кругу зауральских или, говоря шире, древнеугорских памятников. Для этого необходимо лишь обратиться к дополнительным материалам, а именно к гравировкам на металлических дисках, относящихся к I тысячелетию до н. э. Правомерность сопоставления наскальных изображений с малыми формами рисунка и скульптуры признается многими авторами. Так, А. П. Окладников сравнивает в стилистическом отношении ангарские петроглифы с мелкой костяной скульптурой из Базаихи с изображениями на керамике и т. д. А. А. Формозов также сопоставляет изображения лыжников на петроглифах и на рукоятке бронзового ножа из могильника у д. Ростовка на Оми [27]. Наиболее же интересные соображения по этому вопросу были высказаны С. Н. Замятниным в статье, посвященной мелким фигурным изделиям из кремня, изображающим различных животных и антропоморфные существа. Автор отмечает основной район концентрации подобных фигурок по верхней Волге и Валдайской возвышенности, т. е. на территории культур с керамикой ямочногребенчатого типа, а в смысловом отношении подчеркивает «наиболее тесную связь» этих фигурок с карельскими петроглифами [28]. Однако

[25] А. П. Окладников, 1966. табл. 49.

[26] В. Н. Чернецов, 1964, табл. XXII, *1*.

[27] А. А. Формозов, 1967, стр. 92.

[28] С. Н. Замятнин, 1948, стр. 98, 102, 112 и рис. 1.

вместе с тем на приводимой им карте можно наблюдать резкое снижение числа находок кремневых фигурок именно в северной части этой культурной области, т. е. в Карелии. Напрашивается вывод, что при адекватности значения кремневых фигурок и петроглифов первые бытовали в тех районах, где нет скал, а вторые там, где в изобилии встречаются скальные обнажения, но почти нет кремня.

Совершенно идентичную картину можем наблюдать и в итересующем нас районе. Долины Иртыша и Оби в их нижних течениях полностью лишены выходов скал и уже одно это должно было препятствовать появлению здесь писаниц или петроглифов. И тем не менее в каком-то количестве они существуют. Около устья Иртыша долину пересекает конечная морена, в силу чего по правому берегу местами можно встретить довольно значительные валуны. Один из них находится у самой воды около юрт Алешкинских, и на нем совершенно отчетливо видны семь личин, выполненных техникой выбивания. Сведения об этом памятнике сообщил сотрудник Ханты-Мансийского музея В. С. Алачев; не исключено, что подобные петроглифы могут оказаться и в других местах этого района. Но в основном для низовий Иртыша и Оби характерны многочисленные находки гравированных изображений. Последние обнаруживаются на металлических дисках, древних зеркалах и серебряных блюдах. Находки таких вещей обычно приурочены к древним святилищам и жертвенным местам, хотя мне известны случаи хранения их и в настоящее время среди манси и хантов.

Все известные нам гравировки охватывают период от середины I тысячелетия до н. э. до рубежа I и II тысячелетий н. э., хотя нет оснований ограничивать возникновение этой традиции лишь упомянутой ранней датой. Последняя свидетельствует, скорее, только о начале использования нового материала для нанесения рисунков, т. е. металлических и преимущественно круглых предметов. До той поры для этой цели могли использоваться и иные материалы и поверхности. В последнем нас убежда-

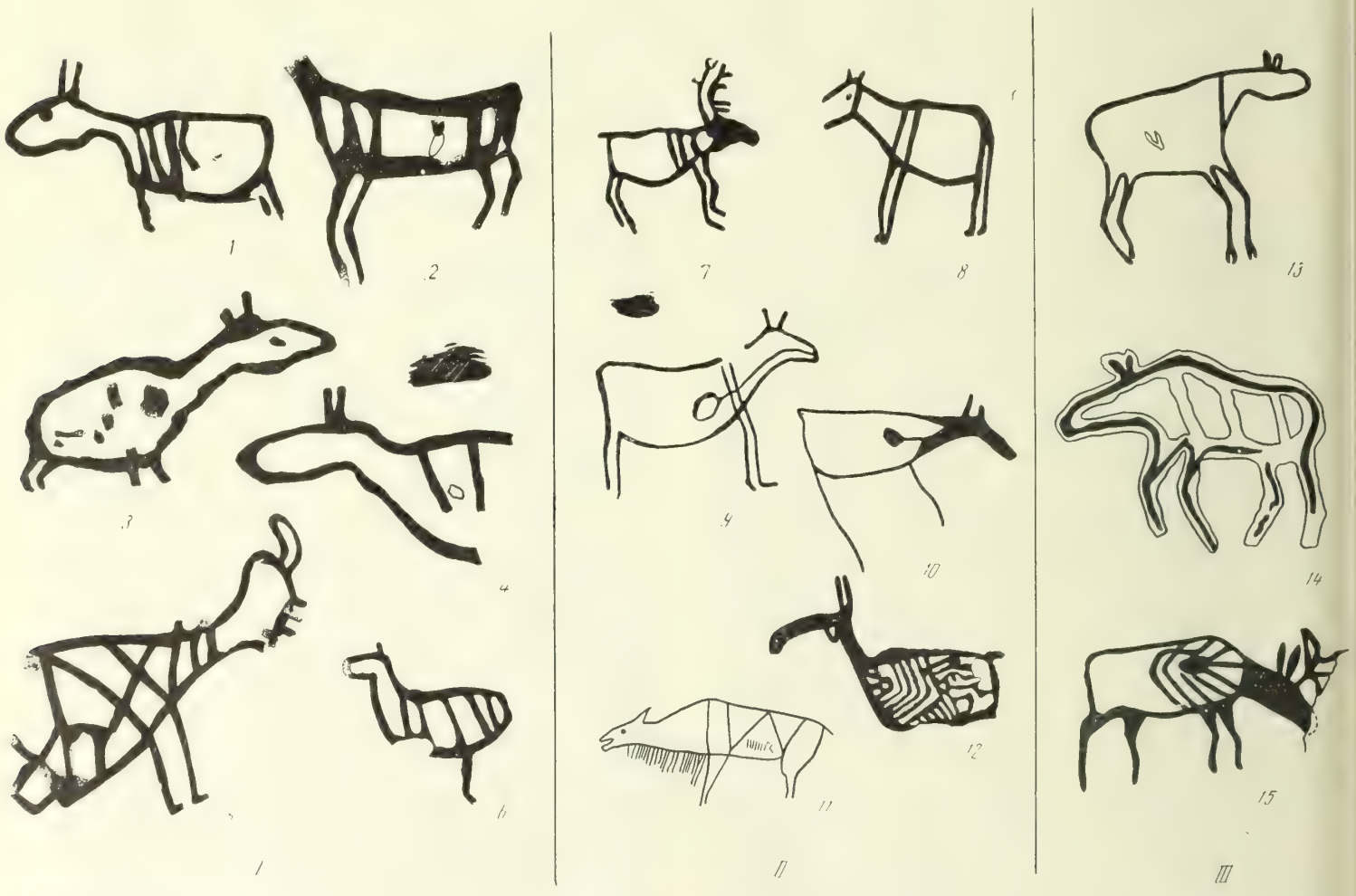


Рис. 57. Сводная таблица реалистических и схематизированных фигур животных с изображенными в них ребрами и сердцем

I — Урал, *II* — Норвегия, *III* — Ангара; *1* — лось — Сокольинские утесы на Тагиле, *2* — олень — 1-я Бородинская скала, р. Реж; *3, 4* — лоси — Сокольинские утесы на р. Тагиле; *5, 6* — изображения копытных животных — 2-я Бородинская скала, р. Реж; *7* — олень — Лейербург, Норвегия (по Симонсену), *8* — олень — Форбергодден (по Энгельстаде); *9* — олень — Эвенхус (по Йессингу); *10* — олень — Скогерсвейен (по Энгельстаду); *11* — олень — Гел (по Йессингу); *12* — лось (?) — Бальсфиорд (по Йессингу); *13, 14, 15* — лоси — Второй Каменный остров (по Окладникову)

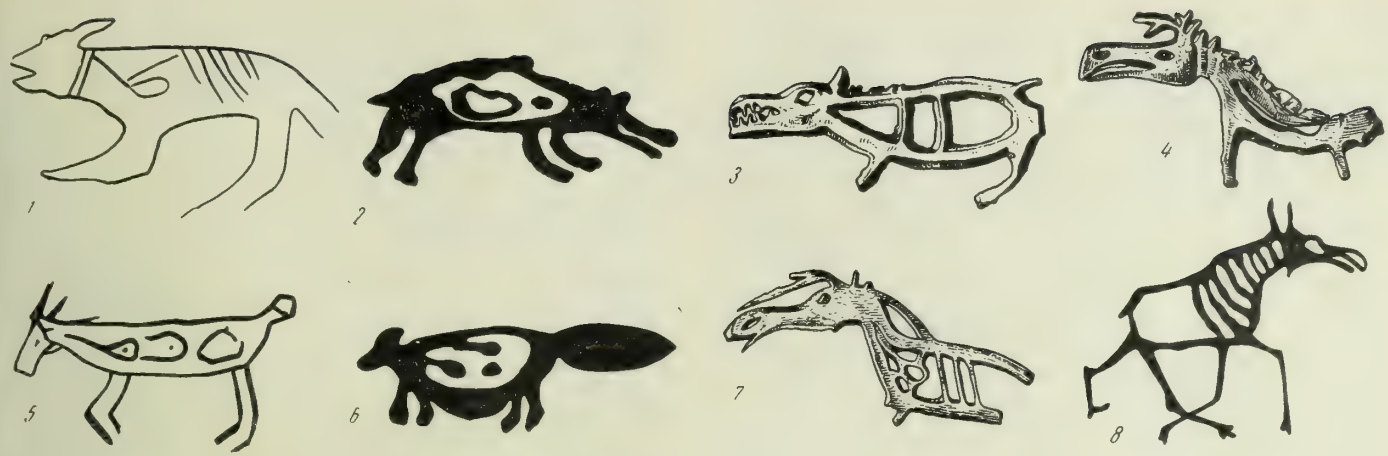


Рис. 58. Сводная таблица древних и современных изображений животных с показом элементов скелета, внутренних органов и линии жизни

1 — волк — изображение, нацарапанное на металлическом диске (Истяцкий клад); *2* — медведь (?) — Томские петроглифы (по Мартынову); *3* — медведь; *4* — лось — оба Мурлинский клад. Литье из бронзы; *5* — заяц — хантыйский рисунок (по Руденко); *6* — песец — петроглифы Норвегии, Скогервейен (по Энгельстаду); *7* — лось — Кривошеинский клад. Литье из бронзы (по Ураеву); *8* — лось — Томский Писаный камень (по Мартынову)

ет сохранившаяся до недавнего времени на Казыме традиция делать на деревьях рисунки в районах некоторых культовых мест, о чем уже говорилось в первой части настоящей работы [29]. Не исключено, наконец, что некогда рисунки могли наноситься на песке или расчищенных земляных площадках, как это известно по этнографическим наблюдениям у многих народов в разных точках земного шара.

Гравированные изображения, о которых здесь идет речь, не дают единообразной картины на всем протяжении их бытования. Наиболее поздние из них, известные по гравировкам на блюдах от сасанидских до византийских включительно, дают преимущественно изображения всадника и плящущих воинов с мечами. Ранние группы, относящиеся главным образом ко второй половине I тысячелетия до н. э., но, возможно, доходящие и до аланского времени, судя по некоторым плоско-выпуклым латунным бляхам, на которых некоторые из них нацарапаны, состоят из изображений антропозооморфных существ и фигур птиц и животных. Как уже отмечалось выше, именно эти группы по содержанию ближе всего стоят к наскальным изображениям Урала. Характерной чертой для находок гравированных изображений является то, что в каждом месте они попадаются группами — от нескольких штук до нескольких десятков предметов с нацарапанными на них фигурами, например в Истяцком кладе [30], в составе которого было около 80 металлических дисков, зеркал и слегка выпуклых блях из хрупкой светлой бронзы. Другая и, пожалуй, еще более существенная черта заключается в том, что рисунки очень часто наносились повторно, причем предыдущие при этом грубо соскабливались. Из этого выше был сделан вывод о преходящем значении гравировок, которые, видимо, лишь дополняли какие-то действия и обряды, в основе своей магического характера.

Обратимся теперь к материалу, который нас непосредственно может интересовать, а именно к изображениям животных в гравировках. В большинстве случаев они переданы вполне реалистично, несравненно реалистичнее, чем в писаницах, и в некоторых случаях вполне напоминают изображения ангарских петроглифов, как, например, лось из Истяцкого клада (рис. 56, *1*). Но кроме реализма — черты, распространенной дотаточно широко, в гравированных изображениях есть и еще одна, для них очень характерная и крайне редко встречающаяся за пределами описываемых памятников. Я имею в виду манеру изображать животных с открытой пастью. Кроме приведенного здесь примера (рис. 56, *1*) можно напомнить, что в такой же манере выполнены все медные литые фигурки волков из Истяцкого клада, нацарапанные изображения бобров и медведей на металлических дисках (рис. 58, *1*) и многие другие фигуры. Обычна она и для анималистической костяной скульптуры Усть-Полуя [31] и для современных рисунков манси и хантов (рис. 59, *1*, *2*). Столь же типична описываемая черта и для реалистических изображений лосей на Ангаре, в частности среди петроглифов Первого и Второго Каменных островов, у Сухой Бали, Большой Кади и др. (рис. 56, *3*, *4*; рис. 59, *3*, *4*).

В то же время тщетно искать эту черту среди писаниц и петроглифов других районов. Не говоря уже о Карелии и Казахстане, она почти полностью отсутствует на Лене, и даже на Енисее встречается как исключение и притом лишь у изображений, в стилистическом отношении наиболее близких ангарским. Сближаются гравированные изображения зверей с некоторыми ангарскими накрашенными фигурами лосей, так же как и с уральскими писаницами, и манерой изображать ребра.

[29] В. Н. Чернецов, 1964, стр. 27.
[30] В. Н. Чернецов, 1953, стр. 162.
[31] В. И. Мошинская, 1965, рис. 23, 27, 31.

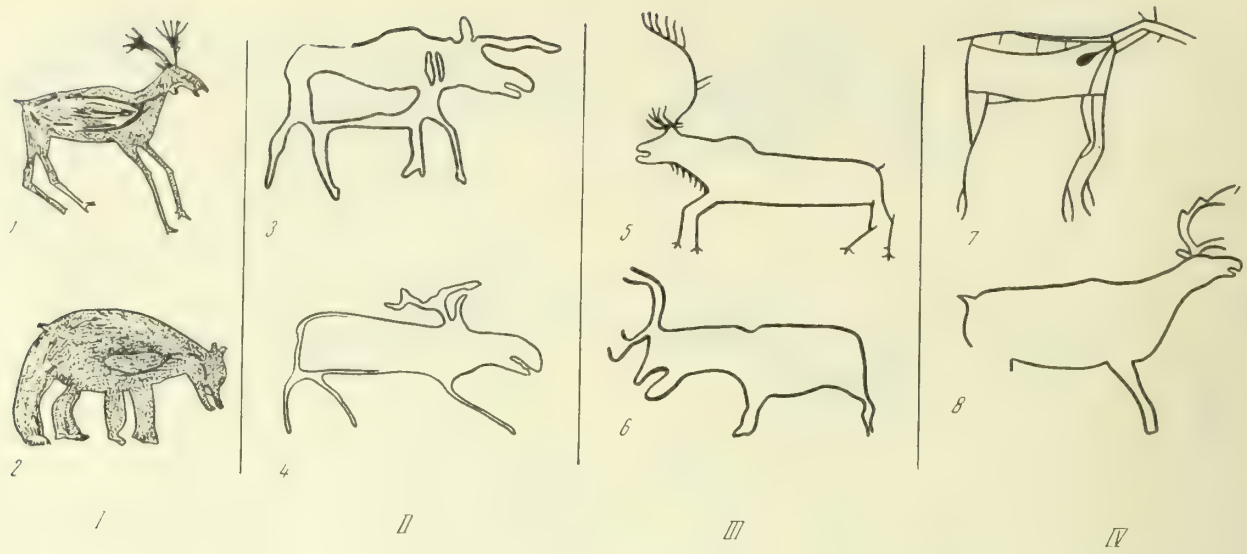


Рис. 59. Сводная таблица древних и этнографических изображений животных с раскрытой пастью

I — обские угры; *II* — Ангара; *III* — Юкагиры; *IV* — Норвегия. *1, 2* — лось и медведь — ханты, р. Казым, рисунки карандашом (по Руденко); *3, 4* — лоси — Большая Када и Баля Сухая (по Окладникову); *5, 6* — юкагирские тамги XVII в. (по Иванову и Симченко); *7, 8* — олени — Скогервейен (по Энгельстаду) и Мелей (по Йессингу)

Проведенное сопоставление позволяет прийти к заключению, что, если полной прямой связи между уральскими писаницами и ангарскими наскальными изображениями и нет, ее можно установить при посредстве других памятников сходного значения, т. е. гравированных изображений, относящихся к тому же, что и писаницы, зауральско-нижнеобскому этнокультурному комплексу.

Остается еще один, более удаленный район, к которому мы можем подойти, опираясь на ангарские параллели. Этим районом является северная часть побережья Норвегии, где в изобилии обнаружены наскальные изображения. Крупнейший знаток норвежских петроглифов проф. Гуторм Йессинг (и другие исследователи) выделил среди наскальных изображений северной территории две резко отличные между собой группы. Первая, которую он связывает с местным охотничьим населением, состоит из более или менее реалистических изображений сухопутных и морских животных и в меньшей степени птиц. Эта группа в целом относится к неолиту, хотя наиболее поздние комплексы заходят и в эпоху бронзы. Вторая группа, относящаяся к эпохе бронзы и раннему железу, отличается от первой решительно во всех отношениях — стилистически, по содержанию, приемами нанесения и т. д. Она состоит преимущественно из очень схематичных изображений людей и животных, а также крупных лодок и кораблей с высокими загнутыми форштевнями. Этого типа петроглифы встречаются лишь в южной части территории и неизменно перекрывают изображения охотничьего характера [32].

Нас, конечно, могут интересовать лишь петроглифы первой группы. Они в свою очередь также не единообразны и распадаются в стилистическом и хронологическом отношениях на более или менее отчетливые варианты. Один из них расположен на побережье Нур-Трённелага и значительной части Нурланда. На основании степени выветренности линий, высоты расположения над уровнем моря и ряда других наблюдений Г. Йессинг полагает, что петроглифы этого раннего типа охватывают весьма значительный промежуток времени, в течение которого менялись как размеры, так и стилистические особенности изображений. Наиболее ранние из них состоят из крупных фигур лосей, оленей и морских животных. Величина их иногда даже превышает натуральную, так что не редкость представляют фигуры лосей и оленей, достигающие трех метров в длину. Выполнены они прошлифованными контурами и сделаны в очень живой и реалистической манере (рис. 56, *5, 6*), чем оказываются вполне схожими с ангарскими, равно как и с фигуркой из Базаихи, на которую ссылается А. П. Окладников. Весьма существенно отметить, что часто встречаются фигуры, изображенные с открытой или по крайней мере с намеченной пастью (рис. 56, *5*; рис. 59, *7, 8*). Последнее особенно сближает этот тип норвежских петроглифов с Ангарой и гравированными изображениями. К этому можно добавить, что на основании находок остатков краски в углубленных контурах некоторых петроглифов Г. Йессинг полагает, что эти контуры некогда заполнялись красной охрой. Наиболее выразительные и, вероятно, наиболее ранние группы наскальных изображений описанного типа встречены в Нур-Трённелаге, из которых можно указать такие, как Бола, Гелл и особенно Бадал, где на площади более чем 150 кв. м расположена целая галерея изображений лосей и других животных, а также птиц, над чем доминирует гигантская

[32] G. Gjessing, 1936, S., 166, 179, 201, 202.

фигура кита длиной 7 м. Здесь же, но преимущественно ниже по скале находится значительное количество более мелких фигур животных, сильно испорченных поздними петроглифами второго или «земледельческого» типа. По направлению к северу, особенно на территории Нурланн, наблюдается постепенное мельчание фигур с прошлифованными контурами, хотя они и продолжают сохранять свойственный им реализм. Северной границей их распространения является Финнхоген на Эфьорде [33]. Здесь же, в Нурланн, начинается территория другого варианта наскальных изображений описываемого «охотничьего» типа. Они в основном распространены в областях Тромс и Финмарк, но в ряде случаев и южнее — в Нур Трённелаге, Телемарке и даже в районе Осло. Наскальные изображения этого варианта, как правило, выполнены способом выбивания, но среди них встречаются и писаницы, накрашенные охрой. В стилистическом отношении они резко отличаются от изображений первого. Они меньших размеров, фигуры лосей и оленей редко достигают в длину 1 м, и в массе значительно схематичнее, хотя отдельные фигуры и не лишены живости и реализма. Но основной спецификой петроглифов и писаниц второго варианта являются изображения «линии жизни» и сердца (рис. 57, *9, 10;* рис. 58, *6*), ребер (рис. 57, *7*), а также очень своеобразные и не совсем понятные линии, иногда продолжающие направление передних ног, а в других случаях перечеркивающих шею и, таким образом, как бы отделяющие голову от туловища животного (рис. 57, *8, 9*). Все эти своеобразные графические элементы нам уже хорошо известны. Мы видели, что с той или иной полнотой они присутствуют и в уральских писаницах (рис. 57, *3, 4* и *2, 5*), и в обских гравировках (рис. 56, *1*), и на Ангаре, особенно в изображениях Каменных островов (рис. 57, *13, 14*), а в небольшом проценте также и в Шалоболинской писанице на Енисее [34], в группах, стилистическую и композиционную близость которых с ангарскими отмечает А. А. Формозов [35]. В качестве примера на рис. 58 сведены некоторые из этих параллелей. Ко всему этому следует добавить и еще одну своеобразную манеру заштриховывать более или менее сложным переплетением линий (в основе, вероятно, изображающих внутренности) туловища животных, встречающуюся в петроглифах Норвегии (рис. 57, *11, 12*), на Ангаре (рис. 57, *15*) и изредка на Урале (рис. 57, *5*).

Г. Йессинг, как и другие норвежские исследователи, полагает, что описанные петроглифы и писаницы первого и второго стилистического варианта следует связывать с охотничьей магией, в чем с ним, очевидно, можно согласиться. Кроме соображений, высказанных им и Симонсеном [36], за это же говорит факт, что даже однотипные и синхронные изображения постоянно перекрывают друг друга. Как уже говорилось в соответствующих случаях выше, из этого можно сделать вывод о том, что смысловой акцент приходится не на сами изображения, а на процесс их изготовления, т. е. на те или иные, возможно магические действия. К изображениям, связанным с охотничьей магией, следует, видимо, отнести и различные геометризованные фигуры, часто встречающиеся в композициях как первого, так и второго вариантов. В одних случаях это ряды вертикальных штрихов (Геля), несколько напоминающих накрашенные на Каменных островах Ангары, а также уральские (2-я Бородинская), в других — линии, пересекающие фигуры оленей, как в Теннес, Киркели и др. Столь же обычны зигзагообразные фигуры, как в Бадал, несколько сближающиеся с уральскими, объясняемые нами как загородки. Особенно интересно в этом отношении уже упоминавшееся выше изображение «В» на Овненской писанице, полностью идентичное уральским фигурам в виде зигзагов с отростками (рис. 50, *19*) [37]. Близость фигуры «В» к уральским «охотничьим загородкам» подтверждается и наличием в ней изображения животного. В целом Овненская писаница вызывает живые ассоциации с приведенным выше описанием Торнеуса старинных лопарских загонных охот на дикого оленя.

К этой же категории изображений относятся иногда довольно сложные геометризованные фигуры из переплетающихся линий, так или иначе связанные с изображениями животных, например Киркели (*12, 13*), Скавберг I (*4, 10*), Скавберг III (*1—2*) [38] и Эвенхус II (*5*), в которой Г. Йессинг считает возможным видеть «dyregrav», т. е. ловчую яму для оленей [39]. Сюда же следует отнести фигуры вытянуто удлиненно-овальной формы, иногда одиночные, как в Экберг (*6*), но чаще поставленные рядами или вытянутые в линии, в иных случаях сходящиеся под углом (Скогервейен, группа В и Споранес) [40]. Эйвинд Энгельстад сравнивает эти овальные фигуры со старинной деревянной ловушкой на оленей, хранящейся в Ствангерском музее, и считает, что в наскальных изображениях представлены охотничьи «путики», т. е. линии, состоящие из таких и им подобных звероловных снастей [41].

Таким образом, можно видеть, что норвежские наскальные изображения арктической группы в своей ранней части стилистически сближаются с реалистически выполненными фигурами лосей и оленей Ангары и обских гравировок и отчасти уральских писаниц (рис. 56). Более поздние части норвежских петроглифов и писаниц, содержащие уменьшенные в размерах схематизированные изображения животных, у которых часто показаны «линии жизни», сердце и внутренние органы, находят себе полные аналогии с соответственно позднейшими группами ангарских петроглифов и уральскими писаницами (рис. 57). С последними норвежские наскальные изображения еще в большей степени роднит близость композиций, состоящих из фигур животных и

[33] G. Gjessing, 1958, S. 63, 74.
[34] К. В. Вяткина, 1949, рис: LVI—9—1; LVI—21; LVI—69; LVI—74—1,2.
[35] А. А. Формозов, 1967, стр. 84.
[36] G. Gjessing, 1932, Pl. XXVI; E. Engelstad, 1934, Pl, XLIV, XLVI, LIII; P. Simonsen, 1958, PL. XLIV.
[37] E. Engelstad, 1934, Pl. LIX, S. 90 og 132.
[38] P. Simonsen, 1958, Pl. XLVI, LV, LVI.
[39] G. Gjessing, 1936, Pl. LXXIV, S. 87.
[40] E. Engelstad, 1934, Pl. XLIV, fig. 6; XLVII, LX.
[41] Там же, Pl. XLIII, b. s. 81, 131.

птиц, ловчих сооружений и снарядов и иногда — людей.

Чтобы в должной степени оценить указанные параллели, мы должны в какой-то степени ответить на вопрос, чем они могут определяться, генетической связью или конвергентностью развития в сходных экологических условиях. В поисках ответа на этот вопрос надо прежде всего сопоставить петроглифы и писаницы арктической группы Норвегии с территориально ближе всего к ним расположенными наскальными изображениями. Как известно, южноскандинавские петроглифы, которые местами достигают на севере Нур Трённелага, не имеют ничего общего с изображениями арктического типа, хотя частично и совпадают с ними по времени. Они отражают совершенно иное общество, далекое от охотников Крайнего Севера, создавших арктическую группу. Этот вопрос разработан в скандинавской и особенно норвежской литературе достаточно подробно, так что далее останавливаться на нем здесь нет необходимости. В Финляндии, как отмечает К. Нордман, пока что неизвестно наскальных изображений с зооморфными фигурами, и лишь на юге Финляндии имеются геометризованные орнаментальные начертания, выполненные краской [42]. Таким образом, остается лишь один район, примыкающий к Норвегии с востока,— территория карельских петроглифов. Уже в свете того, что было изложено выше, можно предвидеть, каковы окажутся сходства и различия между ними. К последним кроме специфичности стиля карельских изображений следует отнести и полное несходство в выполнении наскальных изображений. Карельские — всегда выбитые и почти всегда силуэтные, тогда как норвежские — неизменно контурные и нанесены как выбивкой, так и прошлифовкой и накрашиванием. Но еще существеннее отметить обилие изображений человека и повествовательный характер многих карельских композиций, чуждый северонорвежским наскальным изображениям в такой же степени, как и уральским и ангарским. Также коренным образом отличается и направление развития общего стиля изображений карельского и норвежского ареалов. Ю. Савватеев пишет, что в Карелии «это развитие шло не по пути схематизации образов и утраты реалистических черт, а как раз наоборот... Именно в относительно поздних петроглифах Залавруги мы как раз и находим особенно яркие образцы — настоящие шедевры наскального искусства» [43]. В Норвегии же, как мы видели, по данным Г. Йессинга, Е. Энгельстада и П. Симонсена, все развитие шло от крупных реалистических изображений к измельченным схематичным, подобно тому, как отмечает А. П. Окладников и для Ангары. Полагаю, что уже эти две особенности в развитии Карельских петроглифов — нарастание повествовательности и художественности — по мнению Ю. Савватеева тесно связанные между собой, достаточно глубоко отличают их от норвежских.

Что касается элементов сходства, то в них можно выделить две группы, совершенно различные по значению. Одна из них обусловлена главным образом экологическими условиями, достаточно единообразными в условиях как норвежского, так и карельского побережья. Сюда следует отнести состав фауны, особенно морской, отраженной в петроглифах, а также и общий охотничий характер содержания петроглифов обоих районов. Другая группа охватывает изображения более частного и специфичного характера. В первую очередь это лодки, имеющие несколько своеобразную форму в виде прямоугольника, длина которых обычно лишь немногим более чем вдвое превышает ширину. Прямой, как правило, форштевень возвышается над уровнем бортов и отогнут вперед, как бы в виде головы. Лодки этого типа широко представлены в петроглифах Норвегии и в некоторых группах, например в Эвенхус (Нур Трённелаг), совершенно определенно сочетаются с изображениями китообразных. Г. Йессинг склонен видеть в них кожаные каркасные лодки арктического типа, подобные эскимосским «уммиакам» [44]. В Карелии изображения лодок такой формы в небольшом количестве встречаются на Белом море, но совершенно отсутствуют на Онежском озере. Они резко отличаются от остальных лодок, как правило, более узких и вытянутых и, судя по количеству гребцов, достигавших больших размеров. Такие суда имеют на переднем и заднем концах килевой доски своеобразные выступы, которые делают их похожими на древнюю ладью из Хьёртспрингса в Дании [45] и суда наскальных изображений Южной Скандинавии. Ю. Савватеев также отмечает среди беломорских петроглифов особый тип лодок, которые он тоже считает каркасными с кожаной обтяжкой, основываясь на «контурных изображениях небольших лодочек, по борту которых тянется до семи поперечных линий» [46]. Наличие изображений кожаной лодки арктического типа в беломорской группе карельских петроглифов, очевидно, следует рассматривать как результат контактов между оставившим их населением, по Ю. Савватееву, носителями ямочной и ямочно-гребенчатой керамики [47], и аборигенами, обитателями побережья и субарктической полосы Карелии, Финляндии и Норвегии, видимо, отдаленными предками современных саамов-лопарей. Отсутствие лодок описанного типа на Онежском озере лишь еще раз подчеркивает различия, отмеченные между норвежскими и карельскими петроглифами.

В заключение следует обратиться еще к одной группе наскальных изображений, которые своим сходством и различиями с рассмотренными здесь уральскими, ангарскими и норвежскими могут, как мне представляется, подкрепить высказанные выше предположения. Я имею в виду петроглифы томского Писаного Камня, находящегося на правом берегу р. Томи, в 90 км ниже Кемерова. Этот памятник известен уже с начала XVIII в., когда в 1734 г. Вильгельм Люрсениус срисовал находящиеся на нем изображения по поручению Гергардта Миллера. С тех пор он посещался много раз, но настоящие исследования томских петроглифов начались лишь в

[42] C. A. Nordman, 1936/37, S. 48.
[43] Ю. А. Савватеев, 1966, стр. 90.
[44] G. Gjessing, 1936, S. 130.
[45] А. Э. Кристенсен, 1966, стр. 34, рис. 1.
[46] Ю. А. Савватеев, 1967, стр. 143.
[47] Ю. А. Савватеев, 1966, стр. 76.

1964 г. группой сотрудников Кемеровского пединститута. Изображения Писаного Камня, количество которых А. Мартынов оценивает как 280, были сфотографированы и скопированы художником Э. Биглером. Несколько десятков из них было опубликовано А. Мартыновым [48]. К сожалению, автор приводит очень мало объективных данных, и публикация не дает представления о характере и содержании изображений отдельных групп (их всего насчитывают восемь), налегании фигур, выполненных разными приемами и в разных стилях и количественном их соотношении. Поэтому все суждения об этом крайне интересном и важном памятнике приходится делать на основании лишь отрывочных данных. Технически изображения томского Писаного Камня выполнены точечной выбивкой по контуру и лишь головы животных переданы силуэтно. Есть также и фигуры с прочерченным или врезанным контуром, но хронологическое соотношение их с выбитыми не совсем ясно. Хотя А. Мартынов и считает прочерченные изображения более поздними, табл. III на его публикации ясно видно налегание выбитой фигуры на прочерченную. Территориально и в культурном отношении томский Писаный Камень находится между писаницами Урала и петроглифами Ангары. Характерными для него являются фигуры животных с открытыми пастями (рис. 58, *2, 8*), изображения ребер, линии, пересекающие шею и грудь лосей, иногда сближающиеся с заштриховкой, о которой говорилось выше в отношении ангарских и норвежских фигур (рис. 57, *11, 14*). В ряде случаев встречаемся с изображением внутренних органов. Среди прочерченных изображений можно увидеть своеобразную манеру изображать глаз животного [49], типичную для угорских гравированных фигур. С уральскими писаницами томская скала сближается и своими композициями, среди которых встречаются, несомненно, близкие описанному выше первому сюжету. Такова, например, композиция третьего камня [50]. На ней изображена группа лосей, двигающихся в правую сторону. Совершенно очевидно, что группа не была создана сразу, а неоднократно пополнялась новыми фигурами. В левой части — мужская антропоморфная фигура и остатки еще двух, а в правой, непосредственно перед лосями — три кружка с точками посредине, не исключено, что это изображения ловчих ям. Близки к ним и композиции второго и пятого камней, но на последней фигурирует антропоморфное изображение с раздвоенной головой [51], на Урале характерное для изображений лишь для третьего сюжета. Можно думать, что на томской скале они сливаются, и место загонщика-человека замещает дух.

Но в одном отношении томские изображения резко отличаются и от ангарских и от уральских. Почти все они, особенно выбитые, сильно стилизованы в совершенно определенной манере. В основе этой стилизации лежит гипертрофическое подчеркивание характерных черт животных. Головы лосей вытянуты, морды неестественно раздуты и выгнуты. Задняя часть туловища непропорционально мала по сравнению с передней. Все эти стилистические особенности, включая и изображения раскрытой пасти и ребер, хорошо известны по зооморфным поделкам ажурного литья кулайской культуры, на территории которой или в непосредственной близости от нее находится и томский Писаный Камень. В качестве аналогий можно сослаться на фигурки лосей из Бокчара и Кулайки, опубликованных И. М. Мягковым [52], а особенно изображение того же зверя из Мурлинского клада на Иртыше [53] (рис. 58, *4*). Почти столь же близки между собой и изображения медведей с томской скалы (рис. 58, *2*) и из Мурлинского клада [54] (рис. 58, *3*). Приведенные аналогии позволяют нам не только надежно датировать выбитые изображения томской скалы временем Кулайской культуры, т. е. второй половины I тысячелетия до н. э., но в известных пределах определить ее этническую принадлежность. По мнению М. Косарева, В. Могильникова, Р. Ураева [55] и других исследователей, кулайскую культуру следует связывать с предками некоторых самоедских групп и в первую очередь селькупов. Они же, вероятно, явились творцами и петроглифов томского Писаного Камня.

Томские петроглифы представляют очень большой интерес для понимания некоторых закономерностей в развитии наскальных изображений рассматриваемого ареала. Как уже отмечено, в основе они содержат те же самые специфические особенности, которые свойственны наскальным изображениям Урала, Ангары и Норвегии и, видимо, отражают какие-то общие для населения этих территорий представления и традиционные навыки. Вместе с тем для каждой из перечисленных территорий можно указать те или иные типичные для них черты как в характере композиций и составе фигур, так и в стиле изображений. Первые, скорее всего, могут объясняться особенностями экологических условий; так, например, обилие солярных знаков и изображений загородок в уральских писаницах, очевидно, связано с сезонной периодичностью основного вида промысла. Обособление стилистических черт можно объяснить, с одной стороны, изолированностью отдельных районов, где изменения в стиле изображений происходят медленно и постепенно, подчиняясь развитию каких-то внутренних причин, а с другой — внешними контактами с инокультурной средой. Последнее особенно отчетливо выступает на Томи. Кулайская культура раннего железа генетически связана с предшествовавшей ей культурой эпохи бронзы самусьской. Как показали наблюдения М. Косарева, территория этих культур уже со II тысячелетия до н. э. испытывала неоднократные воздействия со стороны более южных районов, расположенных по Иртышу и Оби. Подобные, но, видимо, более сильные воздействия на Енисее, в районе Минусинской котловины привели к полному стиранию архаических

[48] А. И. Мартынов, 1966.
[49] Там же, стр. 28, изображение в верхней части таблицы.
[50] Там же, стр. 27.
[51] Там же, стр. 13.
[52] И. М. Мягков, 1929, табл. I, рис. 6, 9, 10, 14, 20 и др.
[53] В. Н. Чернецов, 1953—1, стр. 153, табл. XII, рис. 4.
[54] Там же, рис. 5.
[55] Р. А. Ураев, 1955, стр. 345.

форм наскальных изображений, которые, с одной стороны, судя по отдельным фигурам Шалаболинской скалы, сближались с Ангарой, а с другой — как можно думать по процарапанным изображениям Тас-Хазы и антропо-птицевидным фигурам томского Писаного Камня, с культурами Томско-Нарымской части.

Я затронул здесь эти вопросы, связанные с проблемой развития общего и частного в наскальных изображениях урало-сибирского ареала, которых в связи с изображениями личин в ангарских петроглифах уже касался А. П. Окладников, отнюдь не рассчитывая их здесь решать. Для этого мы не располагаем достаточно полными материалами, а тем более публикациями в первую очередь по Томи и Енисею. Мне хотелось лишь заглянуть немного вперед, чтобы уяснить возможное направление дальнейшей работы над столь важным для древней истории этнических образований урало-сибирского ареала материалом, каким являются наскальные изображения.

В настоящее время, суммируя изложенное выше, можно наметить лишь некоторые закономерности в развитии наскальных изображений, которые как будто являются общими для выделенного ареала. Они заключаются в последовательности изменения форм изображений животных, что довольно отчетливо выступает в сводных таблицах (рис. 56 и 57). Еще Йессинг, анализируя наскальные изображения «охотничьего» типа, выделил среди них три группы, которые он определил как стилистические и отчасти хронологические. В основном Йессинг был, видимо, прав, хотя, сопоставляя теперь норвежские изображения с писаницами и петроглифами других частей ареала, думаю, что говорить здесь следует не столько о стиле, сколько об изменении и развитии представлений, связанных с изготовлением наскальных изображений. Изменение формы представляет собой вторичное явление, подчиненное общей причине — развитию традиционных представлений.

К первой группе Йессинг отнес крупные, реалистически выполненные фигуры животных, которые, судя по высотным отметкам и налеганию изображений, являются наиболее ранними, хотя не исключено, что в отдельных случаях они продолжали изготовляться и в последующее время. Эта группа хорошо представлена и на Ангаре, хотя хронологическое соотношение там и не столь четко. Возможно, что существование изображений этого типа растянуто во времени здесь гораздо больше и что они отчасти синхронны фигурам второй группы. На Енисее и на Томи реалистические изображения представлены как будто единицами. Может быть, тут сказывается недостаточная изученность этих районов, но не исключено, что в этом следует видеть результат достаточно ранних, относящихся еще к концу неолита, сторонних воздействий. На Урале реалистические изображения также нечасты, но если даже в прошлом они были и обычнее, то едва ли могли сохраниться как благодаря относительной нестойкости краски, так и будучи перекрыты позднейшими рисунками. Кроме того, на Урале переход к упрощенным изображениям мог произойти быстрее и раньше, чем в других местах, как результат появления единой схемы композиций первого и второго сюжетов. К тому же на Урале этот переход был не всегда полным, ибо, как уже не раз говорилось, уральские изображения животных при всей упрощенности рисунка и известной схематизации часто очень правдивы и живо отражают природу оригинала.

Вторая группа представлена упрощенными и схематизированными изображениями животных. Наряду с этим характерной для нее чертой является передача элементов внутреннего строения — ребер, сердца, внутренностей и «линии жизни». Думаю, что было бы неправильно рассматривать эту группу как результат «упадка изобразительного искусства», что нередко приходится слышать. Этот формальный подход едва ли может привести нас к пониманию сущности явления. К тому же не следует упускать из виду, что в наскальных изображениях рассматриваемого ареала мы имеем перед собой не произведения художественного творчества, а лишь служебные рисунки, изготовление которых было полностью подчинено требованиям традиционных представлений и действий, а форма изменялась лишь в результате развития столь же традиционных идей. С этой точки зрения изображения и первой и второй группы в разной степени, но по своему правдивы. Разница заключается, видимо, в том, что фигуры первой группы отражают ничем не корректированное визуальное восприятие, откуда и стремление к натуралистическому воспроизведению внешности объекта. Изображения второй группы основаны не на зрительном восприятии, а на знании естества этого объекта. Каждое существо кроме внешних покровов имеет и жизненно важные внутренние органы и истинно правдивый рисунок должен их отобразить. Чем больше переносится внимание на внутреннюю сущность объекта — в данном случае животного — тем упрощеннее могут быть и внешние контуры рисунка (рис. 57, *1—4, 7—10, 13, 14;* 58, *2, 6, 8*). Как будто повсеместно, в пределах ареала, фигуры этого типа сочетаются с изображениями различных ловушек.

К третьей группе вслед за Йессингом отношу очень схематичные изображения, часто локально стилизованные, контуры которых нередко грубо нарушают природу объекта. Зато внутри эти фигуры бывают заполнены пересекающимися линиями, в основе отражающими жизненные органы (рис. 57, *5, 6, 11, 12, 15*). На Урале, Ангаре и на Томи фигуры этого типа обычно сочетаются с условно антропоморфными и антропозооморфными изображениями. Фигуры этой группы следует, видимо, рассматривать как переход к графическим символам, передающим объект в совершенно условной форме, на которой, например на Урале, могут отражаться и стилистические приемы, выработанные в орнаментальном искусстве (см. часть I, рис. 7, *4, 5*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой заключительной главе мне хотелось бы дать некоторые историко-этнографические интерпретации изложенным выше данным. О полном их объяснении говорить пока еще, конечно, не приходится, но известные попытки могут и должны быть сделаны. Однако прежде чем переходить к ним, следует вернуться к вопросу о датировке наскальных изображений Урала.

В первой части настоящей работы в качестве основы для установления ранней даты писаниц мной была взята фигура зигзага с отростками, в равной степени часто встречающаяся как в наскальных изображениях, так и в орнаментации керамики периода раннего металла, которую можно отнести к первым векам II тысячелетия до н. э. Эта дата или, может быть, рубеж III—II тысячелетий до н. э. и была принята как исходная для определения времени сложения наскальных изображений Урала [1]. И теперь, по прошествии нескольких лет, я продолжаю считать, что этот прием датировки в общих чертах может быть принят. Во всяком случае он более надежен, чем датировка по цвету краски, особенностям техники и стиля или даже по близлежащим археологическим памятникам, к чему уже прибегали авторы, занимавшиеся до меня данной темой. И тем не менее установленная тогда дата требует пересмотра. Дело в том, что мной было сделано одно упущение — я слишком увлекся керамикой, только что открытой тогда Е. М. Берс, орнаментация которой столь эффектно совпадала с фигурами наскальных изображений, и в силу этого упустил из виду материал, еще более важный, хотя и малозаметный. Этот материал заключается в гравировках на костяных вкладышевых наконечниках дротиков, происходящих из слоев сапропеля Шигирского торфяника. Эти наконечники имеют в среднем около 25 см длиной, при ширине 10—12 мм и толщине 7—8 мм. Сделаны они все с исключительным мастерством и всегда тщательно отполированы. Насад, когда он сохранился, имеет вид пологого клина и, видимо, вставлялся в расщеп древка. По одной или обеим сторонам наконечников имеются пропилы для укрепления вкладышей. Последние во многих случаях сохранились и в таком случае представляют собой микропластинки из яшмы. Вкладыши всегда без ретуши и лишь иногда внутренний край слегка притуплен для лучшего укрепления их в канавках или для выравнивания по ширине. Подавляющее большинство наконечников покрыты гравировкой, выполненной тончайшими линиями. Гравировка не имеет характера устоявшегося орнамента и на каждом наконечнике обнаруживаем иной рисунок. Обычно это волнистые или прямые, или ломаные линии, в том числе и хорошо знакомые нам зигзаги с отростками (рис. 60, *4*, *7*). Все эти линии вытянуты вдоль наконечников и имеют на своем протяжении разрывы, как бы воротца, в которых размещены различные фигуры в виде прямоугольников или шестигранников с отростками, неправильных овалов, ромбов и т. д. (рис. 60, *3*, *5*, *6*). В целом некоторые из них донельзя напоминают изгороди с ямами, расположенными в проходах. У некоторых наконечников, как, например, у 1582—24 или 1627—156 [2] (рис. 60, *1*, *2*), изображены даже ответвления загородок, подобные тем, о которых упоминают в своих описаниях Сабанеев и Теплоухов (см. выше). Существенно отметить, что к подобной же интерпретации гравировок на наконечниках пришел и К. В. Сальников, который, привлекая в качестве параллели к орудиям из погребения близ с. Пеган гравированные наконечники из уральских торфяников, писал, что «на всех описанных ножах (Сальников эти наконечники считал ножами. — *В. Ч.*), нам думается, нужно видеть изображения рыболовных ловушек» [3]. Не исключено, что Сальников в той или иной степени был прав и что на наконечниках изображались также и рыболовные заколы, но это не особенно существенно. Как заколы, так и изгороди принципиально и конструктивно близки между собой, да и возникали они, вероятно, параллельно в зависимости от местных условий, поэтому и различить в схематичных рисунках, какими были гравировки, едва ли возможно. В данном же случае нас интересует общая интерпретация гравированных линий, в частности зигзагов, как заграждений и их возможный смысл.

Наконечники с кремневыми лезвиями были, вероятно, достаточно универсальным оружием, но в большей степени должны были применяться для зверя, чем для рыбы, хотя бы и крупной. Для последней существовало достаточное количество разнообразных специализированных орудий — гарпунов и острог с зазубренными остриями, на которых, существенно отметить, гравировки никогда и не встречаются. Можно думать, что узкие и очень острые вкладышевые наконечники по своему назначению были близки сибирским «поколюгам», т. е. легким

[1] В. Н. Чернецов, 1964, стр. 19—21 и рис. 4, табл. I.

[2] Шифры по работе В. Я. Толмачева, в которой дан список наконечников, поступивших в УОЛЕ (В. Я. Толмачев, 1914, стр. 210).

[3] К. В. Сальников, 1952, стр. 22.

копьям с узкими наконечниками, применявшимся для поколки оленей на плаву, во время переправ их через реки и на озерах. Последнее отчасти подтверждается указанием В. Толмачева, который отмечает находки костей «разных видов оленей» в тех же местах, где обнаруживались и наконечники [4]. Несомненно, что копья с подобными наконечниками должны были применяться и для прикалывания добычи, попавшей в ловчие ямы, что дает некоторый намек и на осмысление выгравированных на наконечниках рисунков. Таким образом, связь последних с охотой несомненна, причем характер этой связи до известной степени можно проиллюстрировать примером из угорской этнографии.

«После того как изготовят калданный камень [5], с ним производят пробный лов рыбы. Если последний будет удачным, то первую пойманную рыбу едят с соблюдением всех возможных предосторожностей, дабы не нарушить каких-либо запретов. Если этого не соблюсти, камень испортится. После этого на камне изображают рыбу — ту самую, которая была поймана с его помощью — моксуна, осетра или нельму. Тогда только камень для этого человека подходящим станет (т. е. будет хорошо действовать). Иной камень рыбой совсем не затрагивается (т. е. с этим камнем рыба в сеть не идет). (Потому что) камень скрипит (об дно). Изображение на нем сделают, после того не скрипит» (И. Яркин, селение Нярыг-Хумит на Оби, 1938).

Связь изображения на орудии и удача в промысле выступают, как видим, совершенно отчетливо и магический характер этой связи тоже довольно очевиден. Можно думать, что близкий смысл имели и награвированные на наконечниках рисунки, что в известной степени приближает их по смыслу к наскальным изображениям, к которым они стоят даже ближе, чем узоры на глиняной посуде. Все это заставляет и время возникновения наскальных изображений отодвинуть соответственно в более отдаленное время, ближе к периоду бытования описанных выше костяных наконечников с кремневыми лезвиями. К сожалению, дата для них устанавливается не слишком четко. В. Толмачев указывает, что большинство костяных и деревянных поделок было обнаружено на территории Шигирских приисков после того как был снят слой торфа. Вещи залегали в слоях сапропеля — верхнем оливковом и нижнем розовато-палевом, в которых кость приняла соответственно серо-каштановый и желтоватый цвета. Наконечники обнаруживались в вертикальном или наклонном положении, острием вниз, из чего можно заключить, что они тонули, постепенно погружаясь в жидкий ил. В самых нижних горизонтах и на глине залегали такие более тяжелые предметы, как каменные орудия [6]. Значительную работу по относительной датировке костяных орудий, в том числе наконечников, провела В. М. Раушенбах. За исходные данные она приняла цвет, который приобрели костяные поделки, свидетельствующий о глубине их залегания в слоях сапропеля, и типологию различных категорий предметов на основе их формы, пропорций и т. д. В результате ею были выделены две группы — более древняя и более поздняя, причем все наконечники с кремневыми вкладышами отошли в первую. В целом выводы В. Раушенбах, касающиеся стратификации находок, звучат достаточно убедительно, в частности в отношении интересующих нас наконечников, из которых 70% имеют желтый цвет и, следовательно, происходят из самого нижнего слоя сапропеля, 20% — серо-каштановый и лишь 10% окрашены в коричневый тон, свидетельствующий о том, что они залегали непосредственно под торфом [7]. Как первую, так и вторую группы костяных изделий В. Раушенбах отнесла ко времени, предшествовавшему выделенному ею раннему этапу «горбуновской культуры», который приблизительно относится к средней фазе неолита Зауралья [8]. Основанием для такого отнесения ей послужило то, что костяные орудия первой и второй групп «не встречены в стоянках раннего, среднего и позднего этапов горбуновской культуры» [9]. Такая мотивировка едва ли убедительна. По сравнению с колоссальной площадью торфяников, вскрытых при разработке Шигирских приисков, 164 кв. м раскопа на стоянке Стрелка на Горбуновском торфянике — величина ничтожна малая. Нельзя и думать, что материал, собранный на этом раскопе, хоть в какой-то мере полно отражает весь комплекс материальной культуры раннего этапа. Тем более это относится к орудиям из кости, сохраняющимся хуже, чем керамика и камень. В других стоянках этого времени дерево и кость не сохранились совершенно. В то же время мы располагаем материалом из погребений (у с. Притык и у с. Васьково), в которых вкладышевые ножи и кинжалы, наконечники игловидные и биконические укороченного типа и другие вещи «шигирского» облика встречены вместе со шлифованными каменными орудиями и удлиненно-иволистными наконечниками из кремня, обработанными с двух сторон тонкой отжимной ретушью, т. е. с материалом, хорошо известным нам по памятникам самой поздней фазы неолита Зауралья. Правда, гравировка, обнаруженная на костяных вкладышевых орудиях из погребения у с. Притык, довольно заметно отличается от описанной выше в сторону известной геометризации и орнаментальности узора, что, вероятно, следует отнести за счет хронологических отличий. Не вдаваясь здесь в дальнейший разбор всех имеющихся данных, так как это неминуемо увлекло бы нас еще больше от основной темы, могу лишь сказать, что вторую типологическую группу костяных орудий, выделенную В. М. Раушенбах, очевидно, следует синхронизировать со средней и отчасти поздней фазой зауральского неолита, тогда как первую — с ранней (Козловской) фазой и, быть может, частично с мезолитом. Ориентировочная дата Козловской фазы лежит, видимо, в пределах от конца V до третьей четверти IV тысячелетий до н. э. [10],

[4] В. Я. Толмачев, 1914.
[5] Каменное грузило особой формы, к которому прикрепляется шест с напизанной на нем нижней тетивой калданной сети, имеющей вид драги.
[6] В Я. Толмачев, 1914, стр. 204—205.
[7] В. М. Раушенбах, 1956, стр. 101.
[8] В. Н. Чернецов, 1968, стр. 47, 48.
[9] В. М. Раушенбах, 1956, стр. 103.
[10] В. Н. Чернецов, 1968, стр. 41.

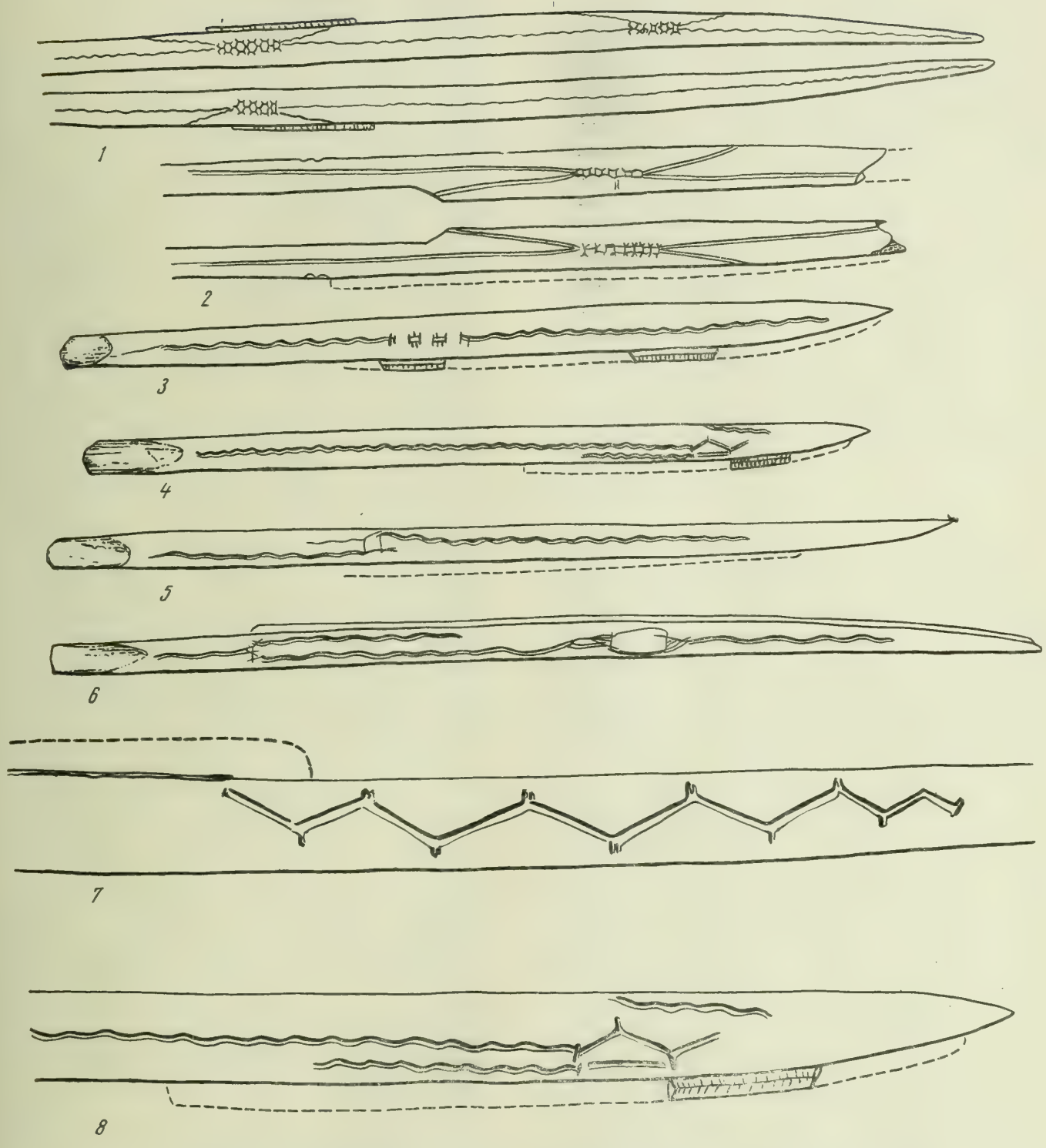


Рис. 60. Гравированные изображения охотничьих засек и ловушек на костяных наконечниках с кремневыми вкладышами. Урал, Шигирский торфяник (Свердловский музей)

к какому периоду, очевидно, и следует отнести появление некоторых изобразительных элементов, известных нам и по наскальным изображениям.

Все приведенные выше данные и заставляют нас пересмотреть дату возможного возникновения наскальных изображений и отнести ее к значительно более раннему времени, чем начало II тысячелетия до н. э. Все это, конечно, не дает нам существенно новых оснований для датировки отдельных фигур и композиций уральских писаниц, но в целом некоторые из них, в частности отдельные группы первого сюжета, все же могут быть отнесены к большей древности. В связи с этим одно явление выступает теперь с совершенной отчетливостью — это необыкновенная устойчивость хотя бы отдельных изобразительных форм, остающихся неизменными на протяжении ряда тысячелетий. Существенно, что такая же устойчивость обнаруживается и в этнографии обских угров, к которой мы выше уже неоднократно обращались. В общественной структуре последних, в нормах экзогамии и брака, в воззрениях на окружающий мир и внутреннюю сущность человека, в отношениях последнего к животному миру, во всем обнаруживаются столь архаические элементы, которые в подобном же сочетании могут встретиться далеко не часто. К аналогичному же выводу пришел известный исследователь музыкального фольклора Е. В. Гиппиус, изучая музыкальные наигрыши манси и хантов, особенно связанные с танцами, посвященными антропо-, зоо- и орнитоморфным предкам. Оказалось, что эти наигрыши построены строго на ритмике движений соответствующих существ и имеют отчетливо программный характер для исполнителя танца, задавая ему формулу характера и последовательности движений, выдержанных в определенной манере... По словам Е. В. Гиппиуса, подобный тип наигрышей известен был в литературе лишь на основании австралийского материала [11].

В чем же можно искать объяснение такой устойчивости и малой изменчивости традиций? В известной степени ответ на это дает археологический материал. В настоящее время мы уже в состоянии наблюдать последовательность развития культуры в Зауралье, начиная с позднего мезолита, т. е. более или менее с VII тысячелетия до н. э. И мы можем видеть, что это развитие протекало при очень незначительной и притом лишь эпохальной изменчивости экологических условий и без каких-либо заметных воздействий извне, со стороны других иноэтничных и инокультурных групп. При этом примыкающая к Зауралью полоса западных предгорий Урала на протяжении большей части неолита оставалась почти не населенной. Несмотря на относительно очень хорошую археологическую изученность Камского Приуралья, там до сих пор открыты лишь две неолитические стоянки — Боровое озеро I и Хуторская, относящиеся по времени к началу и к концу Чэс-Тый-Ягской (гребенчатой), т. е. самой поздней фазы зауральского неолита, да и эти стоянки содержат как в формах каменных орудий, так и в профилировке и орнаментации керамики значительный процент зауральских черт. Материал более раннего времени обнаружен лишь Л. Я. Крижевской на р. Юрезани, но и здесь оказались вещи характерных зауральских форм, что свидетельствует, скорее, об отдельных заходах сюда людей с восточной стороны хребта. Об этом же пишет и сама Л. Я. Крижевская: «Малочисленность поселений... своеобразный инвентарь заставляют предполагать, что на побережье р. Уфы в неолитическое время не сложилась самостоятельная неолитическая культура... Существовавшее здесь население, по-видимому, входило в широкий круг зауральской племенной общности» [12]. Такая скудная населенность Западного Приуралья на протяжении значительной части неолитического периода должна иметь какое-то объяснение. Последнее находится в особенностях экологических условий западных склонов Урала.

В соответствии с данными климатологии с запада на Урал оказывает влияние постоянная область пониженного давления над Северной Атлантикой, вследствие чего здесь преобладают воздушные потоки западных направлений, так что повторяемость западных ветров, особенно в ноябре, составляет до 66%. Уральский хребет, протянувшийся с севера на юг, оказывает перехватывающее влияние, вследствие чего ветры приходят в Зауралье менее богатые влагой. Это обусловливает и значительно большее количество осадков на западной стороне хребта по сравнению с восточной [13]. Для интересующего нас вопроса особенно существенную роль играет неравномерность выпадения зимних осадков. В западных районах количество их с ноября по март составляет 100—140 мм, тогда как в восточных лишь 70—90, причем большая их половина выпадает в первые месяцы зимы. Несколько далее, в восточных и центральных районах Свердловской области, «среди зимы на полях нередко встречаются участки с тонким снежным покровом или совершенно непокрытые снегом» [14]. Эта неравномерность зимних осадков обусловила и устойчивые миграции копытных, о чем выше уже упоминалось, которые с начала ноября массами откочевывают с западных склонов в Зауралье, уходя от глубоких снегов. Существенно отметить, что звери снимаются с летовок еще осенью, задолго до того, как перевалы будут засыпаны снегом, что, несомненно, свидетельствует о глубокой древности этих миграций, уже закрепившихся в наследственной памяти животных. Таким образом, с осени, а тем более зимой, после отлета водоплавающей птицы и ухода копытных, наступала резкая разница в условиях существования человека по восточную и западную стороны хребта. Тогда как на западе зверя почти не оставалось, а глубокие снега затрудняли к тому же всякое передвижение, в Зауралье скапливалось громадное количество лося, оленя и косули, промысел которых еще в XIX в., по сообщению Л. Сабанеева, практиковался в очень широких пределах.

Изобилие зверя в лесах, водоплавающей птицы и рыбы по бесчисленным озерам Зауралья, видимо,

[11] Неопубликованные данные, полученные от Е. В. Гиппиуса, за что автор приносит свою благодарность.

[12] Л. Я. Крижевская, 1962, стр. 110.

[13] Н. Д. Степанов, 1958.

[14] Там же, стр. 75.

создавало исключительно благоприятные условия для существования людей в течение круглого года, чем только и может объясняться то количество археологических памятников, с которым мы встречаемся на этой территории. По всей видимости, уже в раннем неолите относительная плотность населения достигала каких-то критических величин, что приводило к постепенному расселению древних уральцев, которое хорошо прослеживается в северном, северо-восточном и северо-западном направлениях. Таким образом, на территории Зауралья, севера Западной Сибири и субарктического Приуралья в эту пору постепенно создавалась единая этно-культурная общность, в пределах которой, как можно думать, достаточно устойчиво сохранились многие характерные традиционные черты. В конце среднего неолита, приблизительно около рубежа IV и III тысячелетий до н. э., миграционные процессы, видимо, начали постепенно затухать, так как уже в последующую фазу, т. е. в позднем неолите, наблюдаем появление локальных различий, а в первую очередь между Зауральем и восточной частью ареала, охватывающей территорию от Томско-Чулымской Оби до правобережных притоков Енисея. В западном направлении, в субарктической полосе, связь с Зауральем, вероятно, сохранялась и позже, возможно, даже до начала II тысячелетия до н. э., но она осложнялась рядом дополнительных процессов, что также приводило к культурному обособлению этой территории.

Остается открытым вопрос, когда в Зауралье появились наскальные изображения, хотя, как можно было заключить из описанных выше рисунков на наконечниках, есть некоторые основания относить их существование уже к раннему неолиту. В связи с этим встает еще один вопрос — можно ли допустить какую-либо связь между наскальными изображениями Урала и палеолитическими росписями Каповой пещеры? К сожалению, ответа на него сейчас дать никто не может. Палеолит на Урале выражен, видимо, слабо, к тому же недостаточно изучен. Трудно даже сказать, просуществовало ли хоть в какой-то мере население верхнего палеолита до эпохи мезолита в Зауралье или между этими двумя периодами существовал разрыв? Правда, как будто есть некоторое формальное сходство между фигурами нижнего зала Каповой пещеры и писаницами, но каково происхождение этих фигур и не случайно ли это сходство — сказать не могу. В связи с этим, однако, обращает на себя внимание, вероятно, не случайное расположение писаниц, главным образом на тех скалах, где в непосредственной близости находятся пещеры, навесы или ниши. Ниже приведен их список.

р. Тура, Корелинская писаница — находится в «своде» (нише?) по выражению Г. Миллера.

Р. Тагил.

Балабанский утес II — ниша или неглубокая пещера.

Верхний Балабанский утес — навес.

Зенковская — навес.

Писаница на правом берегу ниже Гаевой — пещера и ниша.

Писаный Камень — неглубокий грот.

Р. Нейва.

Писаный Камень — пещера.

Двуглазый Камень — неглубокий грот.

Р. Реж.

1-я и 2-я Бородинские скалы — навес.

3-я Бородинская скала — навес.

Р. Ирбит.

Писаный Камень — пещера.

Серга, Писаный Камень — была пещера, но обвалилась.

Кыштым — писаница в пещере (по данным Г. А. Сосновского).

Усть-Катава — писаница у входа в пещеру.

Вишера.

Моховой Камень-пещера.

Писаный Камень-пещера.

Приведенный список включает около половины всех известных пунктов с наскальными изображениями, причем вполне возможно, что нами учтены не все пещеры и навесы, так как специальных поисков не производилось. Имеют ли установленные совпадения какое-либо историческое значение, сказать затрудняюсь. Можно надеяться, что дальнейшие поиски, особенно обследование пещер, дадут дополнительные материалы для решения этого вопроса.

* * *

В предыдущей главе было показано, что для наскальных изображений Урала некоторые параллели обнаруживаются среди петроглифов и писаниц Ангары, с одной стороны, и северной Норвегии — с другой. Кроме того, ряд аналогий устанавливается и непосредственно между этими двумя районами. Естественно, что встает вопрос, как надлежит оценить эти явления. Следует ли их рассматривать как перекрестные, но случайные совпадения или они представляют собой отражение каких-то реальных исторических связей. Археологический материал, который можно привлечь, свидетельствует как будто, скорее, о последнем. Еще в 1947 г. А. П. Окладников в своем докладе на Первом уральском археологическом совещании отметил, что восточноуральская культура неолита и бронзы распространялась на восток до Енисея, где она обнаруживается в нижних слоях поселения на р. Собакиной, на Базаихе и т. д. В носителях ее следует видеть древних «уральцев, предков современных манси и хантов, и может быть, самоедов — ненцев [15]. Этот тезис А. П. Окладников впоследствии развил в отдельной статье, в которой он привел и некоторые образцы керамики с Енисея, с четко выраженными уральскими чертами, в том числе с орнаментом в виде уже хорошо знакомого нам зигзага с отростками [16]. В настоящее время благодаря полевым исследованиям последних лет и, в частности, раскопкам Л. П. Зяблина на верхнем Енисее, работам Г. И. Андреева на Подкаменной и Нижней Тунгусках, а Л. П. Хлобыстина на п-ве Таймыр мы располагаем уже значительно более полными данными. Эти новые материалы позволяют уже с достаточной уверенностью говорить о том, что территория рас-

[15] А. П. Окладников, 1948, стр. 20.

[16] Там же, 1957.

пространения урало-западносибирской культурной общности захватывала в эпоху неолита и бронзы также и Енисей. По всей видимости, не позднее, чем средний неолит, т. е. еще в пределах IV тысячелетия до н. э. древние уральцы, распространяясь по лесной полосе на северо-восток, заселили среднее и нижнее течение Енисея, включая нижние течения Ангары и Подкаменной Тунгуски, Нижнюю Тунгуску и в той или иной степени п-ов Таймыр, принеся с собой и ряд традиционных черт в области материальной культуры.

Аналогичную картину можно наблюдать и в направлении севера и северо-запада, считая от Среднего Зауралья. Следует оговориться, что здесь даются лишь некоторые выводы о направлениях и пределах распространения ареала Урало-Сибирской общности, так как привести материалы, на основании которых эти выводы построены, в рамках настоящего заключения не представляется возможным. Эти материалы, достаточно обширные, будут приведены в отдельной работе, которую я рассчитываю в скором времени закончить. Здесь же позволю себе ограничиться лишь самыми необходимыми отдельными ссылками. Трудно точно установить пути расселения людей и распространения культуры из Зауралья на запад. Однако, вероятно, они не лежали через бассейн р. Вычегды. Во всяком случае, неолитические материалы, известные нам из этого района по работам Г. М. Бурова, не содержат никаких отчетливо зауральских форм. В свое время М. Е. Фосс высказала мнение о том, что путь из-за Урала в Большеземельскую тундру шел по северу, а отчасти через верховья Печоры [17]. С таким предположением, очевидно, следует согласиться, тем более что в условиях более мягкого климата среднего голоцена, когда в районе современных западных тундр северная граница редколесья доходила до моря [18], эта территория представляла несравненно больше удобств, чем непроходимые дебри и глубокие снега более южной таежной полосы. В пользу этой гипотезы свидетельствуют и характерные формы каменного инвентаря, которые обнаруживаются среди сборов, произведенных Г. А. Черновым на развеянных стоянках в бассейне Печоры [19]. Особенно интересны материалы с притоков реки Колвы, рек Сандибей-ю и Колва-вис. Эти материалы характеризуются преимущественным использованием пластинчатой техники. Здесь находим многочисленные концевые скребки, пластины с боковыми выемками, столь характерные для раннего и отчасти среднего неолита Зауралья, ножи и наконечники стрел на ножевидных пластинах. Из последних особенно интересны наконечники асимметричные или с боковым шипом. У одного из них, происходящего со стоянки 8 на р. Сандибей-ю, двусторонней ретушью обработана только черешковая часть и выделен зубец, тогда как острие лишь слегка подправлено противолежащей краевой ретушью. В Зауралье этот тип наконечников является прямым развитием ранненеолитического наконечника с боковой выемкой (так называемый кельтеминарско-уральский) и, может быть, датирован IV тысячелетием до н. э. К этому же времени и комплексу может относиться керамика со «слабым волнистым орнаментом», которую Г. Чернов отмечает для той же стоянки Сандибей-ю 8 [20]. К несколько более позднему времени — завершающей фазе зауральского неолита — относятся длинные узкие двусторонне ретушированные кремневые наконечники с плоско-ромбическим сечением и слабо выраженным черешком, характерные как для стоянок Зауралья, так и для Большеземельской тундры. Большинство описанных черт, включая и наконечники с боковым шипом, обнаруживаются и далее на запад, в Заонежье, в частности в материалах Модлоны и Караваихи, и в северной части Карелии (Черная Губа IV). Близость форм каменных орудий, относящихся к «печорской» культуре и раннему периоду каргопольской, отмечала и М. Е. Фосс [21]. Однако наиболее отчетливо уральский неолитический комплекс выступает в южном Оленеостровском могильнике. Так как по этому вопросу уже много говорилось и много писалось, ограничусь лишь ссылками на основных авторов. В. И. Равдоникас отмечает сходство оленеостровской культуры с памятниками Зауралья и Западной Сибири, а опираясь на данные А. П. Окладникова, и с неолитическими комплексами нижней Лены [22]. Н. Н. Гурина указывает на атипичность Оленеостровского могильника для карельской культуры и высказывает мысль, что имеющиеся материалы не дают «возможности прямо связать древнее население, оставившее после себя могильник на Большом Оленьем острове, ни с одним из древних племен, обитавших в эпоху неолита или в более раннее время в лесной полосе европейской части СССР». Далее Н. Гурина отмечает близость Оленьего острова с памятниками каргопольской культуры (нижний слой Нижнего Веретья) и приходит к выводу, что «наиболее вероятным путем проникновения древнего населения в Карелию в эпоху, предшествующую возникновению могильника на Онежском озере, следует считать восточный» [23]. К этому она добавляет, что, по-видимому, с древними оленеостровцами была связана керамика типа сперрингс, характерная для наиболее ранних стоянок Карелии [24].

Археологические материалы, которые здесь упоминались, несомненно, достаточно убедительно указывают на присутствие в неолитических памятниках Заонежья и северной Карелии восточного, скорее всего, зауральского компонента. Однако наиболее яркими доказательствами и в полном смысле слова следами этой древней миграции являются полозья нарт типа «со средним желобком», обнаруженные в торфяниках Финляндии и отчасти Швеции. В отношении этих полозьев существует довольно обширная литература, но я постараюсь коснуться здесь лишь самого главного. Дело в том, что полозья «со средним желобком», найденные в Финляндии, конструктивно совершенно идентичны полозьям, обнаружен-

[17] М. Е. Фосс, 1952, стр. 145.
[18] В. А. Тихомиров, 1962, стр. 47—50 и рис. 4.
[19] Г. А. Чернов, 1941; он же, 1948,; он же, 1948—1.
[20] Г. А. Чернов, 1948, стр. 81, табл. V, рис. 60.
[21] М. Е. Фосс, 1952, стр. 140 и рис. 62.
[22] В. И. Равдоникас, 1956, стр. 23.
[23] Н. Н. Гурина, 1956, стр. 261.
[24] Там же, стр. 258.

ным в торфяниках Зауралья — Горбуновском (2 полоза) и Приканавинском. Но мало того, обломок полоза из Йилистаро (Финляндия) оказался к тому же сделанным из сибирского кедра, распространение которого на запад в эпоху среднего голоцена не заходило далее верховьев Печоры [25]. В связи с этим У. Сирелиус, опубликовавший находку, писал, что «с предельной вероятностью можно принять, что нарта, которой принадлежал полоз, была сделана в области произрастания сибирского кедра, а не то, чтобы в Финляндию был привезен лишь материал для нее» [26]. Позднее к вопросу о возрасте и происхождении полозьев со средним желобком вернулся финский же исследователь Вилле Лухо. Он отметил, что полозья этого типа, найденные в Финляндии, можно отнести ко времени типичной гребенчатой керамики, а полоз из Гротраск (Швеция) к переходу от неолита к бронзе. Вместе с тем В. Лухо высказал сомнение, что горбуновский полоз (из раскопок Д. Эдинга), который типологически старше, чем финские, синхронен находившейся поблизости керамике андроновского типа и, скорее, его следует связывать с более древней гребенчато-волнистой керамикой. Он пришел к выводу, что связи между Зауральем и территорией современной Финляндии существовали уже в период ранней финской гребенчатой керамики и продолжались позднее, как это подтверждает полоз из Йилистаро [27]. В настоящее время можно сказать, что В. Лухо был совершенно прав в своих допущениях, хотя ему и не были известны ни полоз из Приканавинского приска, пока не опубликованный, ни полоз из Стрелки, который тогда еще не был найден. Может быть теперь уточнена в известной степени и датировка уральских находок. Полоз был найден Эдингом в слое сапропеля «6-го разреза» Горбуновского торфяника (из доклада Д. Эдинга в Ленинграде в ГАИМК в 1927 г.). Позднее, приблизительно из того же или несколько высшего горизонта этого же 6-го разреза, во время работ А. Я. Брюсова и В. М. Раушенбах было взято дерево, абсолютный возраст которого по C_{14} определен 4360±2000, т. е. около середины III тысячелетия до н. э., что, по нашим представлениям, соответствует гребенчатой фазе неолита Зауралья. Такая дата полоза может быть отчасти подтверждена и тем, что в непосредственном соседстве от 6-го разреза расположена 1-я Береговая стоянка, содержащая керамику гребенчатого типа. Второй полоз Горбуновского торфяника относится к более раннему времени — к средней фазе неолита Зауралья и датируется по C_{14} 4800±200. Последняя дата в той или иной мере подтверждает и взгляд В. Лухо о возможной связи с Уралом сланцевой культуры Суомусярви, который он высказал в цитированной выше статье. Подобный же взгляд на сланцевую культуру Северной Норвегии высказал Г. Йессинг, который синхронизировал ее с финской. При этом Йессинг отмечает, ссылаясь и на других норвежских исследователей, что сланцевая культура возникает не на базе местной культуры Комса, а под воздействием, проникающем извне, а точнее — с востока. Он даже намечает пути проникновения этих воздействий: из Заонежья через Северную Финляндию, северное побережье Ботнического залива и далее по большим водным путям вдоль рек Скелефте и Питэ в Хэльгеланд, Офотен, Тромс и западный Финмаркен [28]. Тут можно напомнить, что именно в бассейне р. Питэ был найден гротрасский полоз уральского типа, а в Остерботтене — полоз из Йилистаро.

Со своей стороны, об «особенно отчетливых» связях Карелии с арктическим неолитом Скандинавии писала и М. Е. Фосс, опираясь как раз на наиболее типичные формы сланцевых орудий [29]. Надо сказать, что именно подобные орудия — угловые (boot-shaped) ножи, длинные, ромбического сечения наконечники стрел, наконечники удлиненно-треугольной формы, с продольными желобками и т. д. являются столь же характерными и для неолита Зауралья.

Таким образом, археологический материал, привлекаемый даже в самой общей форме, показывает на распространение к западу и на восток неолитической культуры Зауралья и Западной Сибири. Есть также некоторые основания полагать, что одновременно, как результат этого процесса, по всей полосе субарктики, от Норвегии на западе и по крайней мере до низовьев Лены на востоке, складывалась более или менее однообразная культура, возможно, с рядом специфических локальных черт. Впервые мысль о такой арктической культуре была высказана Г. Йессингом, который писал, что нельзя исключить возможности существования реальных связей на протяжении этого обширного пространства [30]. К подобному же выводу пришел А. П. Окладников, допуская «мысль о прямых связях, существовавших в древности между племенами и древними культурами» [31] на пространстве по крайней мере от устья Лены до Южного Оленьего острова и до Северной Скандинавии [32]. Несколько позднее позицию Окладникова принял В. И. Равдоникас. Приходилось об этом вопросе писать и мне [33].

Выше упоминалось, что, по данным палеоботаники для раннего и среднего голоцена, отмечается значительный сдвиг к северу границы лесов. Для Западной Сибири этот сдвиг по широте достигал 3,5°—4°. Согласно Г. Крылову, в районе современного «Салехарда росли ель, лиственница, сосна, кедр и древовидная береза» [34]. Даже значительно севернее, в окрестностях которого в настоящее время не растет ничего, кроме низкорослого тальника, были обнаружены пни и стволы ели и лиственницы, а также мощные стволы березы [35]. Разнообразнее была и фауна даже к концу климатического оптимума. Так, в культурных слоях Усть-Полуя, расположенного в низовьях Оби на Полярном круге, кроме обычного и теперь северного оленя найдены кости лося, а среди многочисленных в усть-полуйских материалах скульптур-

[25] М. И. Нейштадт, 1957, стр. 252.
[26] U. T. Sirelius, 1916—1920, S. 17.
[27] V. Luho, 1950.
[28] Gr. Gjessing, 1942, fig. 231, p. 491—496.
[29] М. Е. Фосс, 1952, стр. 198.
[30] Gr. Gjessing, 1942, p. 492.
[31] А. П. Окладников, 1949, стр. 120 и табл. XVII.
[32] Там же.
[33] В. Н. Чернецов, 1964, стр. 7 и сл.
[34] Г. В. Крылов, 1961, стр. 68, 69.
[35] М. И. Нейштадт, 1957, стр. 362.

ных фигур животных зоологи без колебания признали косулю [36], которая теперь встречается лишь далеко на юг от этих мест. Вместе с тем и в ту эпоху лес в полярной зоне был по сравнению с таежными районами более разрежен, что, конечно облегчало передвижения в пределах этой зоны, т. е. в широтном направлении. Специфика экологических условий в субарктике, особенно в прибрежной полосе, и относительная изолированность ее от более южных районов должны были неизбежно привести к сложению особых, специализированных форм хозяйства и материальной культуры и к известному своеобразию в истории формирования самого населения этой зоны. Следует учесть, что оно в какой-то степени было оторвано от этногенетических процессов, протекавших особенно интенсивно в лесостепи и южной части лесной полосы, где уже в среднем неолите началась дифференциация древней урало-сибирской этно-культурной общности. Отголоски этих процессов достигали крайнего Севера по долинам магистральных рек — Печоры, Оби, Енисея и Лены, но, однако, лишь в ослабленной степени, что хорошо прослеживается по археологическим материалам. Есть много оснований полагать, что в приполярной полосе продолжало существовать население, сохранявшее в себе, местами даже до средневековья, этнические черты древних уральцев. В неолите эта этническая общность была еще достаточно едина за счет внутренних связей, которые были, видимо, достаточно интенсивными. О степени этой интенсивности можно составить себе некоторое представление, если подумать о том, что деревянные полозья нарт могли служить никак не более десяти лет, и тем не менее за это время бродячие охотники, которыми, скорее всего, и были уральцы приполярной полосы, покрывали расстояние от Урала до побережья Ботнического залива, где и был найден Йилистарский полоз из сибирского кедра.

Существование описанной здесь древней этнической общности, вероятно, и явилось причиной близости черт наскальных изображений Северной Норвегии и нижней Ангары, с одной стороны, и Урала — с другой. Подтверждения этому предположению можно найти и не только в археологических, но и в языковых, антропологических и этнографических материалах. В западной части приполярного ареала уральцы, представленные там южно-оленеостровской культурой, с которой, по мнению Н. Н. Гуриной, связана керамика типа сперрингс, явились основным компонентом в позднейшем формировании саамов-лопарей. Именно с протосаамами связывает поселения с керамикой типа сперрингс и Г. А. Панкрушев [37]. Это предположение особенно хорошо подтверждается исследованиями только что упоминавшейся Н. Н. Гуриной, которая проследила непрерывную генетическую связь между культурами южного Оленьего острова, неолитических поселений Кольского полуострова и могильника на северном Оленьем острове [38], в материалах которого обнаружены столь специфичные для саамов Т-образные колотушки для бубнов. Хорошо отражают единство древней общности и языковые данные. Как известно, протосаамский язык, до того как он был в I тысячелетии до н. э. ассимилирован балтийско-финским, был близок восточноуральским. Так, Лагеркранц пришел к заключению, что саамы имеют наиболее близкое языковое родство с хантами, манси, самоедами и должны быть признаны вместе с ними в качестве носителей древней арктической культуры [39]. Вопрос о языковой близости саамов, самоедов и обских угров привлекал к себе внимание многих исследователей. О нем писали Тойвонен, Равила, отчасти Итконен [40]. Аристэ и Хакулинен отмечают, что предки саамов перешли на балтийскую речь в период ее единства, т. е. лишь около начала I тысячелетия до н. э. [41] До этого, как полагает Хайду, «предки саамов, пользовавшиеся еще каким-то самоедским диалектом, когда-то стали северными или северо-восточными соседями угров (или в их соседстве находились искони» [42]).

В антропологическом отношении лапоноидный тип, к которому относятся саамы, может рассматриваться как результат древней метисации, с участием какого-то монголоидного элемента, которым был, по-видимому, енисейский расовый тип [43]. Этот монголовидный компонент хорошо прослеживается в материалах древних могильников на островах Большом Оленьем в Баренцевом море и Южном Оленьем на Онежском озере. По поводу его М. М. Герасимов отмечал, что он, видимо, представляет собой «древний палеосибирский вариант юкагирского антропологического типа», что совершенно несомненно «указывает на древнее движение с востока из-за Урала. Подобное проникновение монголоидного типа из Сибири, вероятно, было многократным, но в черепах с Оленьего острова отражен, по-видимому, древнейший этап переселения этого юкагирского палеосибирского типа» [44]. К результатам, хорошо подкрепляющим эти выводы, пришла И. М. Золотарева на основании исследования групп крови у народов Севера. По ее данным, лопари, юкагиры, эскимосы и в меньшей степени некоторые самоедские народности принадлежат к одному типу, характеризующемуся высокой частотой группы А, очень низкой частотой группы В и умеренным показателем для О [45]. В перечисленном ряду народностей юкагиры находились в восточной его части. В историческое время западной границей их расселения была восточная часть полуострова Таймыр [46], но в более отдаленные периоды они или, вернее, их предки жили и южнее по правобережью нижнего Енисея и, вероятно, по низовьям его правобережных притоков, соседя с прасамоедскими группами среднего Енисея. Так, по крайней мере можно судить по территории распространения археологических материалов урало-западносибирского типа. О единообразии черт культуры от саамов на западе и до юкагиров на востоке пи-

[36] В. П. Мошинская, 1965, стр. 14, 37, и рис. 26.
[37] Г. А. Панкрушев, 1964, стр. 96.
[38] Н. Н. Гурина, 1953, стр. 392, 405.
[39] Lagerkrantz, 1941, 336. Цит. по П. Хайду, 1953, стр. 298.
[40] P. Ravila, 1941, S. 7, 8, 20; T. J. Itkonen, 1950, S. 133.
[41] П. А. Аристэ, 1953, стр. 291; П. Хайду, 1953, стр. 308.
[42] П. Хайду, 1953, стр. 308.
[43] Г. Ф. Дебец, 1948, стр. 93 и 317.
[44] М. М. Герасимов, 1955, стр. 319, 345.
[45] И. М. Золотарева, 1964, стр. 6.
[46] Ю. Б. Симченко, 1968, стр. 203.

шет и Ю. Б. Симченко, главным образом на основании этнографических данных, собранных им за последние годы [47]. Принадлежность древних юкагиров к субарктической этно-культурной общности подтверждается и данными языка. В 1940 г. Бьорн Коллиндер выпустил сравнительное исследование юкагирского и уральского языков, в котором приходит к выводу, что «юкагирский язык достаточно близко родствен финно-угорским и составляет с ними общность» [48]. Вскоре после этого на аналогичную тему опубликовал исследование Карл Буда, который не только добавил ряд этимологий, но и много соответствий из области фонетики, лексики и грамматики [49]. Э. Леви положительно оценил эти исследования, а К. Менгес, завершая свою обстоятельную рецензию на книгу Коллиндера, отметил, что автор «доказал несомненную принадлежность юкагирского языка к уральским» [50]. Следующим исследованием по юкагирской проблеме была книга Ангере. Автор ввел большой дополнительный материал, но высказал неуверенность в отношении оценки степени близости юкагирского языка к уральскому, склоняясь к более широким параллелям. В то же время на протяжении своего исследования он отмечает, что рассмотренные им аналогии свидетельствуют о существовании генетической связи между юкагирским языком, с одной стороны, и уральским — с другой. Вслед за Коллиндером он касается и реконструирования тех возможных исторических условий, которые объяснили бы это родство [51]. Следует отметить, что в литературе высказывались и сомнения по поводу существования урало-юкагирского языкового родства, главным образом со стороны языковедов, сторонников несколько устаревшей теперь теории Волго-Камской прародины уральских народов [52]. С таким сомнением вначале отнесся к проблеме и П. Хайду, однако в своей последующей работе он признал перспективность дальнейших исследований [53]. Суммируя все приведенные данные, можно, очевидно, прийти к заключению, что именно предки юкагиров составляли восточную часть очерченной выше этно-культурной общности, некогда существовавшей на пространстве от северной Скандинавии до Таймыра и правобережья Енисея. С ними следует связывать и наскальные изображения нижней Ангары.

Несмотря на протекшие тысячелетия и на достаточно сложные этнические процессы, в результате которых сформировались ныне существующие народности, отдельные черты, отмеченные как специфичные для наскальных изображений всех четырех групп — ангарской, томской, уральской и норвежской — не исчезли полностью и в какой-то степени могут быть прослежены по этнографическим материалам. На рис. 56—59 приведены некоторые из таких характерных черт как по наскальным изображениям, так и по рисункам лопарей, обских угров и юкагиров. К сожалению, пока не удалось еще подобрать «сквозных» примеров, главным образом из-за скудности графического материала по саамам, однако не сомневаюсь, что в дальнейшем это можно будет выполнить. Но даже и те немногие образцы, которые приведены на таблице, достаточно показательны. Так, совершенно аналогичны изображения внутренних органов и «линии жизни» в фигурах животных норвежских писаниц (Эвенхус) и в современных и древних лопарских гравировках на кости [54], а также в рисунках и гравировках обских угров (рис. 57, 58). В одинаковой живой реалистической манере сделаны изображения лосей в норвежских и ангарских петроглифах, обских гравировках и в юкагирской контурной резьбе по дереву (рис. 56) [55]. Наконец, совершенно идентичны изображения животных с открытыми ртами норвежских наскальных фигур, обских гравировок, ангарских петроглифов и «знамен» колымских юкагиров XVII в. (рис. 59) [56]. По поводу последних Ю. Б. Симченко, обработавший очень большой материал по тамгам и «знаменам» народов Сибири, замечает, что «отличительной чертой, весьма характерной для юкагирских изображений, является тщательная прорисовка открытого рта животного. Лосей с открытыми ртами рисовали только юкагиры» [57]. В свою очередь лучший знаток искусства народов Сибири С. В. Иванов считает, что изображение открытого рта у животного встречается вообще редко [58]. В своей монографии, посвященной рисунку народов Сибири, он даже не выделяет этой черты в качестве особого признака. И действительно, среди приводимых им материалов изображение открытой пасти в реалистических изображениях животных почти не встречается ни у одного из народов, за исключением все тех же юкагиров и эвенов (ламутов) [59], в генезисе которых юкагирский субстрат занимал, вероятно, очень значительное место.

Завершая рассмотрение сходных черт в наскальных изображениях Урала, Ангары и Норвегии, хотелось бы еще раз подчеркнуть то значение, которое в ряду других общих признаков имеет направление развития стиля и манеры изображения животных. Можно думать, что характер этого направления отражает развитие представлений, связанных с наскальными изображениями, и, видимо, не является всеобщим и универсальным. В подтверждение последнего можно напомнить петроглифы Карелии, которые с течением времени становились более художественными и приобретали повествовательный характер. В полную противоположность этому в петроглифах и писаницах Ангары и Норвегии ярко выражена тенденция постепенного перехода от живой и реалистической передачи фигур ко все более упрощенной, схематизированной и условной. На Урале указанная тенденция прослеживается не так отчетливо, вероятнее всего, потому, что ранние писаницы, как менее стойкие по сравнению с петроглифами, в большинстве случаев не сохранились до

[47] Ю. Б. Симченко, 1964.
[48] B. Collinder, 1940, S. 13.
[49] K. Bouda.
[50] K. Menges, 1942, p. 164.
[51] J. Angere, 1956.
[52] J. N. Sebestjén, 1958.
[53] P. Hajdú, 1962.
[54] Gr. Gjessing, 1936, S. 144.
[55] Ю. Б. Симченко, 1965, стр. 194.
[56] Со слов С. В. Иванова.
[57] Ю. Б. Симченко, 1965, стр.194.
[58] Со слов С. В. Иванова.
[59] С. В. Иванов, 1954, стр. 209.

нашего времени. Тем не менее отдельные изображения, например, такие, как полная реализма фигура зверя, сохранившаяся в периферийной части тагильского Писаного Камня (рис. 56, *2*), позволяют думать, что и на Урале путь развития не отличался от Ангары и Норвегии, тем более что две последние фазы — схематичные изображения и условные фигуры — выражены здесь достаточно отчетливо. Кроме того, наиболее упрощенные изображения животных встречаются как раз в писаницах западного склона, вероятно, очень поздних — Бурановской, Уфимской и на Моховом Камне на р. Вишере.

Однако кроме общих черт уральские наскальные изображения имеют и одну своеобразную особенность, нигде из более или менее сопредельных районов не встречающуюся. Имеется в виду обилие солярных знаков и изображений небосвода, так тесно связанных с писаницами первого сюжета. Специфичность для Урала этой черты выступает особенно отчетливо при сравнении уральских писаниц с томскими петроглифами. Для культур эпохи бронзы и раннего железа этого района — самусьской и генетически с ней связанной кулайской — очень характерны солярные фигуры как в орнаментации керамики, так и в поделках из меди. И в то же время они полностью или почти полностью отсутствуют среди изображений томского Писаного Камня, хотя последние, как мы видели, имеют отчетливо выраженный кулайский облик и, видимо, принадлежат этой культуре. В противоположность этому солярные фигуры — явление довольно редкое среди археологических материалов Зауралья и Нижнего Обь-Иртышья. В этнографии изображения солнца встречаются среди узоров на бересте, но редко и главным образом лишь у лозвинских манси. Да и в традиционных представлениях и мифологии обских угров солнце не играет сколько-нибудь заметной роли. Таким образом, и с этой стороны объяснения обилию солярных знаков в писаницах мы не находим. Видимо, их надо искать в особенностях местных условий и, вероятно, экологических. Такой локальной особенностью являлись сезонные миграции копытных с западных склонов Урала на восточную — осенью и в обратном направлении — весной. Мы видели, что на этих миграциях и был главным образом основан охотничий промысел и что именно на путях обычных переходов сооружались засеки и устраивались ловушки. Выше говорилось о вероятной связи с календарными обрядами солярных фигур в наскальных изображениях. Отсюда и можно думать, что периодичность миграций, связанных с определенными временами года, обусловливавших благоприятный исход основного вида промысла, от которого зависело все благосостояние людей, а тем более зимний период, и отразилась в виде солярно-космогонических знаков в наскальных изображениях Урала.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук СССР
АИА	— Архив Института археологии
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГАТО	— Государственный архив Тюменской области
ЗРГО	— Записки Русского географического общества
ЗУОЛЕ	— Записки Уральского общества любителей естествознания
ИРГО	— Известия Русского географического общества
ИА	— Институт археологии
ИЭ	— Институт этнографии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАВГР	— Материалы по археологи восточных губерний России
МАР	— Материалы по археологии России
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН	— Международный конгресс антропологических и этнографических наук
ОАК	— Отчеты археологической комиссии
ОРСА РАО	— Отделение Русской и славянской археологии Русского археологического общества
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СОГА	— Свердловский Областной государственный архив
СЭ	— Советская этнография
Тр. ИЭ	— Труды Института этнографии
УОЛЕ	— Уральское общество любителей естествознания
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЭО	— Этнографическое обозрение
JPEK	— Jahrbuch für Prähistorische Ethnographische Kunst
JSFOu	— Journal de la Société Finno-Ougrienne
MSFOu	— Mémores de la Société Finno-Ougrienne
SFOu	— Société Finno Ougrienne

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Андреев А. Н., 1940. Очерки по источниковедению Сибири. Л.

Анучин Д. Н., 1899. К истории искусства и верований приуральской чуди. МАВГР, т. III. М.

Аристэ П. А., 1953. Примечания к книге П. Хакулинен: Развитие и структура финского языка. М.

Бадер О. Н., 1954. Жертвенное место под Писаным Камнем на р. Вишере. СА, т. XXI. М.

Бадер О. Н. и Оборин В. А. 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.

Бадер О. Н., 1967. Капова пещера. М.

Белоусов В. Н., 1915. Опыт исследования соболиного промысла и промысловой охоты вообще в Чердынском и Верхотурском уездах Пермской губ. Материалы к познанию русского охотничьего дела, вып. VII. Пг.

Белявский Ф., 1833. Поездка к Ледовитому морю. М.

Берс Е. М., 1951. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. МИА, № 21.

Берс Е. М., 1959. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск.

Берс Е. М., 1948. Археологическая карта междуречья Исети и Миаса. Сведения о 368 археологических памятниках. Рисунки и карта, рукопись.

Берх В., 1821. Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб.

Бибиков С. Н., 1950. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. СА, т. XIII. М.— Л.

Богораз В. Г., 1901. Очерк материального быта оленных чукоч. Сб. МАЭ, т. II., СПб.

Богораз В. Г., 1913. Чукотские рисунки. Сборник в честь Д. Н. Анучина.

Бортвин Н. Н., 1949. Находка на горе Азов на Урале. КСИИМК, вып. XXV. М.

Булычев Н. П., 1876. Камень писанец (ирбитский). ЗУОЛЕ, т. III, Екатеринбург.

Викторова В. Д., 1962. Археологические исследования по рр. Реж и Ница. ВАУ, вып. 2. Свердловск.

Волков В. В., 1967. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор.

Вяткина К. В., 1949. Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения. Сб. МАЭ, т. XII. Л.

Генинг В. Ф., 1954. Наскальные изображения Писаного Камня на р. Вишере. СА., т. XXI. М.

Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу. «Труды ИЭ», новая серия, т. XXVIII. М.— Л.

Глушков И. Н., 1900. Чердынские вогулы. ЭО, т. XV, № 2. М.

Гурина Н. Н., 1956. Оленеостровский могильник. МИА 47. М.— Л.

Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. «Труды ИЭ», новая серия. т. IV. М.— Л.

Зайцев А., 1892. Геологические исследования в Николае-Павдинском округе и прилегающих местностях Центрального Урала и восточных его склонов. «Труды Геологического комитета», т. XIII, № 2. СПб.

Замятнин С. Н., 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. СА, т. X. М.— Л.

Замятнин С. Н., 1961. Памятники изобразительного искусства эпохи палеолита и их значение для происхождения искусства. (Очерки по палеолиту) М.— Л.

Зеленин Д. К., 1929. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. Сб. МАЭ, т. VIII. Л.

Золотарева И. М., 1964. Распределение групп крови у народов северной Сибири. Доклад на VII МКАЭН. М.

Зуев В. Ф., 1947. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде Иноверческих народов Остяков и Самоедцев. 1773. Материалы по этнографии ИЭ. М.— Л.

Иванов С. В., 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX вв. «Труды ИЭ», новая серия, т. XXII. М.— Л.

Иохельсон В. И., 1898. По рекам Ясачной и Коркодону. ИРГО, вып. III. СПб.

Иохельсон В. И., 1934. Одульский (Юкагирский) язык. Языки и письменность народов Севера, ч. III. Л.

Кошшевский Б. А., 1948. Итоги археологического изучения Башкирской АССР. Историко-археологический сборник Института краеведческой и музейной работы. М.

Кривощеков И. Я., 1910. Словарь Верхотурского уезда Пермской губ. Пермь.

Кривощеков И. Я., 1914. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губ. Пермь.

Крижевская Л. Я., 1962—1. Поселение эпохи железа на северо-востоке Башкирии. Сб. «Археология и этнография Башкирии», т. 1. Уфа.

Крижевская Л. Я., 1962. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии. СА № 2.

Кристенсен А. Э., 1966. Изучение истории судостроения в Дании, Швеции и Норвегии. СЭ, № 3.

Кротов П. И., 1888. Геологические исследования на западном склоне Соликамского и Чердынского Урала. «Труды Геологического комитета». СПб., вып. I.

Крылов Г. В., 1961. Леса Западной Сибири. М.

Лепехин И., 1814. Продолжение дневных записок по разным провинциям Российского Государства в 1771 году. СПб.

Лерберг А. Х., 1819. О Югрии. Исследования, служащие к объяснению древней Русской истории. СПб.

Линевский А. М., 1940. Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск.

Люрсениус И. В. Рисунки Сибирских древностей И(оганна) В(ильгельма) Люрсениуса с письмом его от 29 марта 1736 г. на имя профессора Г. Ф. Миллера. ЦГАДА, ф. 199 (портфели Миллера), оп. 2, д. 794.

Любарских Платон, 1792. Краткое известие о Пермских Чердынских Вогуличах; собранное Свияжского монастыря Архимандритом Платоном; фамилии Любарских. Получено в феврале 1788 года. Российский Магазин. Трудами Федора Туманского. Часть первая. В граде Святого Петра, 1792.

Малахов М. В., 1879. На чудском городище. Древняя и Новая Россия, т. I, № 3. СПб.

Малахов М. В., 1884. Курганы в окрестностях г. Екатеринбурга Пермской губернии. «Труды IV Арх. съезда», т. I, Казань.

Малахов М. В., 1908. Посмертные записки М. В. Малахова. Вторая серия. ЗУОЛЕ, т. XXVII, Екатеринбург.

Мартынов А., 1966. Лодки в страну предков. Кемерово.

Миллер Г. Ф., 1937. История Сибири. М.—Л.

Миллер. Описание см. Müller, Beschreibung.

Мошинская В. И., 1965. Археологические памятники севера Западной Сибири. САИ Д3—8. М.

Мягков И. М., 1929. Древности Нарымского края. «Труды Томского краевого музея», т. II. Томск.

Нейштадт М. И., 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.

Новицкий В. М., 1916. Дюнная стоянка в дельте Оби. «Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете», т. XIX, вып. I. Казань.
Окладников А. П., 1948. К изучению неолита восточного Приуралья и Западной Сибири. Тезисы доклада на 1-м Уральском археологическом совещании. Молотов.
Окладников А. П., 1949. История Якутии, т. I. Якутск.
Окладников А. П., 1957. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, № 1.
Окладников А. П., 1966. Петроглифы Ангары. М.— Л.
Опчуков Н. По Чердынскому уезду. Поездка на Вишеру, на Колву и на Печору (отдельный оттиск).
Павловский В., 1907. Вогулы. «Ученые записки Казанского университета за 1907 год», кн. 6—7, приложение. Казань.
Паллас П. С., 1786. Путешествие по разным местам Российского Государства. ч. II, кн. I, 1770 год. СПб.
Паллас П. С., 1788. Путешествие по разным провинциям Российского Государства, ч. III, половина первая — 1772 и 1773 годов. СПб.
Панкрушев Г. А., 1964. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.— Л., 1964.
Пермский Стефан. Житие святого Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Издание Археологической комиссии. СПб., 1897.
Пелкин, 1855. Капитан Пелкин. Охота на лосей у вогул. Газета лесоводства и Охоты при Лесном департаменте, СПб., № 3.
Попов А. А., 1937. Охота и рыболовство у долган. Сборник памяти В. Богораза. Л.
Попов А. А., 1958. Пережитки древних дорелигиозных верований долганов на природу. СЭ, № 2.
Попов Н., 1876. Об ирбитском Писаном Камне. ЗУОЛЕ, т. III, вып. 2. Екатеринбург.
Прокошев Н. А. Пещерные археологические памятники Урала. Рукопись. Архив ИА АН СССР (Москва), Н-Арх. I.
Равдоникас В. И., 1936. Наскальные изображения Онежского озера. М.— Л.
Равдоникас В. И. 1956. Неолитический могильник на южном Оленьем острове Онежского озера. МИА 47. М.—Л.
Радлов В., 1891. Сибирские древности, т. I, вып. 2. МАР № 5. СПб.
Раушенбах В. М., 1956. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. «Труды ГИМ», вып. 29. М.
Ремезов. Служебная Чертежная Книга Ремезовых. Государственная Публичная Библиотека. Отдел рукописей. Фонд Эрмитажного собрания, № 237а.
Руденко С. И., 1925. Башкиры. Опыт этнологической монографии, часть II. ЗРГО по отделению этнографии, т. XIII, вып. II. Л.
Руденко С. И., 1929. Графическое искусство остяков и вогулов. Материалы по этнографии Гос. Русского музея. Л.
Рыжников Н. А., 1927. Доисторическая жизнь у Исетского озера. Журнал «Округ», изд. Свердловского Окрисполкома и Горсовета. Свердловск, № 18.
Сабанеев Л. П., 1872. Звериный промысел в Уральских горах. Журнал «Беседа». СПб., № 6, отд. 2.
Савватеев Ю. А., 1966. Некоторые вопросы изучения наскальных изображений Карелии. Сб. «Памятники истории древней Карелии». М.— Л.
Савватеев Ю. А., 1967. Рисунки на скалах. Петрозаводск.
Сальников К. В., 1952. К вопросу о неолите степного Зауралья. КСИИМК, XVII.
Сенкевич-Гудкова В. В., 1949. К вопросу о пиктографическом письме казымских хантов. Сб. МАЭ, т. XI. М.— Л.
Симченко Ю. Б., 1964. Основные черты культуры охотников на дикого оленя северной Евразии. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М.
Симченко Ю. Б., 1965. Тамги народов Сибири XVII века. М.
Симченко Ю. Б., 1968. Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии. Сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии». М.
Соловьев С. История России с древнейших времен. Изд. 3-е, кн. 3-я, т. XV.
Спицын А. А., 1906. Шаманские изображения. Записки ОРСА РАО, т. VIII, вып. I. СПб.
Старцев Г., 1928. Остяки (социально-этнографический очерк).
Степанов Н. Д., 1958. Климат Свердловской области. Сб. «Природа Свердловской области». Свердловск.
Тихомиров В. А., 1962. Основные этапы развития растительности севера СССР в связи с климатическими колебаниями и деятельностью человека. Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. М., вып. I.
Теплоухов А. Ф., 1880. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах. ЗУОЛЕ, т. VI, вып. I. Екатеринобург.
Толмачев В. Я., 1913. Древности Восточного Урала, ч. I. ЗУОЛЕ, т. XXXII. Екатеринобург.
Толмачев В. Я., 1914. Древности Восточного Урала, ч. II. ЗУОЛЕ, т. XXXIV, вып. 8. Екатеринобург.
Толмачев В. Я., 1918. О работах В. Я. Толмачева на Урале в 1914 году. ОАК за 1913—1915 гг. Пг., стр. 175.
Толмачев В. Я., АИА. Отчет по командировке В. Я. Толмачева в Пермскую губ. в 1914 году Императорской археологической комиссией для археологических изысканий. АИА, ф. I. д. 351/1914.
Толмачев В. Я. Архив В. Я. Толмачева. СОГА, ф. 139, оп. 1.
Трофимова Т. А., 1968. Еще раз о черепах из Луговского могильника ананьинской культуры. Сб. Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.
Ураев Р. А., 1956. Кривошеинский клад. «Труды Томского областного краеведческого музея», т. V. Томск.
Флоринский В. М., 1890. Первобытные славяне, т. II. Томск.
Формозов А. А., 1967. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее. СЭ, № 3.
Формозов А. А., 1966. Памятники первобытного искусства. М.
Фосс М. Е., 1952. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА № 29. М.
Хайду П., 1953. К этногенезу венгерского народа. Acta Linguistica, t. 11, fasc. 3—4. Budapest, 1953.
Хрущев Н. Н., 1959. Писаница на реке Серге. Уральский следопыт, № 5. Свердловск.
Чернецов В. Н., 1947. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. «Труды ИЭ», новая серия, т. I. М.— Л.
Чернецов В. Н., 1953—1. Бронза усть-полуйского времени. МИА № 35. М.
Чернецов В. Н., 1953—2. Усть-Полуйское время в Приобье. МИА № 35. М.
Чернецов В. Н., 1959. Представление о душе у обских угров. «Труды ИЭ», т. II. М.
Чернецов В. Н., 1964. Наскальные изображения Урала, ч. 1, САИ В 4—12. М.
Чернецов В. Н., 1964—1. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. Доклад на VII МКАЭН. М.
Чернецов В. Н., 1964—2. Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные зубами на бересте у манси). СЭ № 3. М.
Чернецов В. Н., 1968. К вопросу о сложении уральского неолита. Сб. история, археология и этнография Средней Азии.
Чернов Г. А., 1941. Стоянки древнего человека на р. Колве, Колва-Вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре. КСИИМК, IX, М.—Л.
Чернов Г. А., 1948. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. «Труды Комиссии по изучению четвертичного периода», т. VII, вып. I. М.— Л.
Чернов Г. А., 1948—1. Стоянки древнего человека в бассейне р. Печоры. КСИИМК, XXIII. М.
Чупин Н., 1873. Географический и статистический словарь Пермской губ., т. I. Пермь.
Чупин Н., 1880. Географический и статистический словарь Пермской губ. т. II. Пермь.
Шаргородский С., 1895. Об юкагирских письменах. «Землеведение», кн. II—III. М.

Шатилов М. Б., 1931. Ваховские остяки. «Труды Томского краевого музея, т. IV. Томск.
Шишонко В., 1882. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Второй период с 1613 по 1645 г. Пермь.
Эдинг Д. Н., 1940. Новые находки на Горбуновском торфянике. МИА, № 1. Л.
Adelung Johan Christoph, 1806, Mithridates oder allgemeine Sprachkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. I Theil. Berlin.
Adelung F. 1846. Friedrich von Adelung. Kritisch — Literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700. St. Petersburg, 1846.
Angere J. 1956. Die Uralo—Jukagirische Frage. Uppsala—Stockholm, 1956.
Bouda K. Die Finnischugrisch — samojedische Schicht des Jukagirischen. Ungarische Jahrbücher, XX.
Castren A. 1853. A. Castren's Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844, St. Petersburg.
Chernetsov V. 1963. Concepts of the Soul among the Ob-Ugrians Studies in Siberian Shamanism, edited by Henry N. Michael University of Toronto Press.
Collinder B., 1940. Jukagirisch und Uralisch. Uppsala Universitets Arsskrift, N 8.
Csernyecov V. N. 1959. Nyugat-sziberiai sziklarajsok. Ethnographia, 1—3 szám, 1959. Budapest.
Cuper Gisbert. 1742. Lettres de critique d'histoire de literature &c. Poubliées sur les originaux par Monsieur de B. Amsterdam.
Engelstad E. 1934. Eivind Engelstad. Ostnorske ristninger og malinger av den arktiske gruppe. Oslo, 1936.
Galtier Ch. 1963. Current Anthropology, vol. 4, N 5.
Gjessing Gr. 1932. Arktiske Helleristninger i Nord — Norge. Oslo.
Gjessing Cr., 1936. Nordenfjelske Ristninger og Malinger av den Arktiske Gruppe. Oslo.
Giessing G. 1942. Yngre Steinalder i Nord — Norge. Oslo, 1942.
Haidú P. 1962. Finnugor Népek és Nyelvek. Budapest.
Itkohen T. I., 1950. Ostjakisch-Lappische Wörtervergleichungen. MSFUO XCVIII, Helsinki.
Kannisto A., 1933. Über die tatuierung bei den Ob — Ugrischen Völkern. MSFOu, vol. LXVII, Helsinki.
Kannisto A. 1958. Materialen zur Mythologie ler Vogulen, gesammelt von Artturi Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von E. A. Virtanen und Matti Liimola. MSFOu. vol. 113, Helsinki.
Luho V. 1950. Keskikuurnallisten jalasten ikä. Suomén ja eteläisen Uralian seuden välisistä yhteksistä kivikaudella. Suomen Museo LVII, Helsinki.
Manker E., 1960. Fångstgropar och stalotomter. Acta Lapponica, vol. XV. Stockholm.
Menges K., 1942. Jukagirisch und Uralisch by Björn Collinder, Uppsala, 1940. (Language. vol. 18, N. 2, Linguistic Society of America, p. 160).
Messerschmidt IV-cer Rapport. Specimen Philologicum Orientis Hiperborei, oder Abschritte einiger unbekannten Hieroglihphischen caracteren, die Selbige in einer felsichten Höhlen unweit des Festkowskischen Eisenbruchs weiter auch sonst anderverto an der Baschkirischen rothan Farbe geschrieben, befindlich sind. ААН, ф. 98, оп. 1, N 21, лл. 102—107.
Messerschmidt D. G., 1962. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Herausgegeben von E. Winter und N. A. Figurovskij. Berlin.
Moszyński K., 1934. Kultura ludowa slowian. Warszawa.
Müller 1732. Sammlung Russischer Geschichte von Gerard Friedrich Müller. St. Petersburg, 1732—1764, 8 Bände in 8° .B. I, 1732; III Stück.
Müller Beschreibung — Beschreibung von einigen Wogulitschen Götzen so bejn und ohneweit derer Blagodathschen Werke auf hohen Gebürgen und Felsen gefunden worden. ЦГАДА ф. 199 (Портфели Миллера), портфель 509, д. 7, лл. 1, 1 об.
Nordman C. A. 1936/37. Die Steinzeitlichen Tierskulpturen Finnlands. IPEK, Jahrgang 1936—1937. Berlin und Leipzig.
Paasonen H. 1926. Ostjakisches Wörterbuch nach den dialekten an der Konda und am Jugan. Zusammengestellt von Kaj Donner. Helsingfors.
Ravila P. 1941. Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen FUF. XXVII, Helsinki.
Sebestyén J. N. 1958. Jogannes Angere: Die Uralo-jukagirische Sparche. Uppsala — Stockholm, 1956. (Acta Linguistica, t. VIII, fasciculus I, p. 115. Budapest.
Schmidt. Einige Motive der phähistorischen Kunst Transuralens. Artibus Asiae. MCM XXX/XXXII N 1.
Simonsen P., 1958. Arktiske Helleristninger i Nord — Norge. Oslo.
Sirelius U. T. 1904. Ornamente auf Birkenrinde und Felz bei den Wogulen und Ostjaken. SFOu, Travaux Ethnographiques, v. II, Helsingfors.
Sirelius U. T., 1916—1920. Über Art und Zeit der Zähmung des Renntiers JSFOu, col. XXXIII, 2. Helsinki.
Steinitz W., 1939. Osijakische Volksdichtung und Erzählungen. I Teil, Tartu.
Strahlenberg P., 1730. Das nord — und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm.
Witsen. 1705. Noord en Oost Tartarye, ofte Bondig Ontwerp Van eenige dier Lenden en Volken, Welkt voormaels bekent zijn geweeft... in de Norder en Velen, voormaels bekent zijn geweeft... in de Norder en Oosterlykste Gedeelten van Asia en Europa... door Nicolaes Witsen. Tweede Druk. Amsterdam, by Francois Halma.
Witsen. 1785, Noord en Oost Tartaryen: behelxendeene beschryving van verscheidene Tartersche en Naburige Gewesten, in de noorder en oostelykste deelen van Azien en Europa; Door Nikolaas Witsen. Tweede Druk, Nieuwe Uitgaaf. Amsterdam, by M. Schalekamp, 1785.
Wax M. and Wax R., 1963. Murray and Rosalie Wax. The Notion of Magic. Current Anthropology, vol. 4 № 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. Н. Чернецов и изучение древней истории Урала 5

Глава I. Описание отдельных пунктов наскальных изображений Урала 7
Корелинская писаница 7
Ирбитский Писаный камень 9
Писаницы реки Нейвы 23
Писаницы по реке Режу 27
Исетские писаницы 41
Писаницы на озере Большой Аллак 42
Писаница на реке Серге 48
Наскальные изображения по реке Юрюзани 49
Идрисова пещера 50
Писаница по реке Уфе 51
Писаницы по реке Вишере 51

Глава II. Сюжеты и композиции в наскальных изображениях Урала 59

Глава III. Назначение и внутреннее содержание наскальных изображений Урала 83

Глава IV. Писаницы Урала и наскальные изображения других территорий 95

Заключение 107

Список сокращений 116

Литература и источники 117

Валерий Николаевич Чернецов

Наскальные изображения Урала

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян
Технический редактор В. Д. Прилепская

Сдано в набор 1/IX 1970 г. Подписано к печати 6/IV 1971 г. Формат 60×90¹/₈.
Усл. печ. л. 15,0+18 вклеек. Уч.-изд. л. 18.4. Тираж 1500 экз. Т-06419. Бумага № 1. Тип. зак. 1085
Цена 1 р. 39 к.

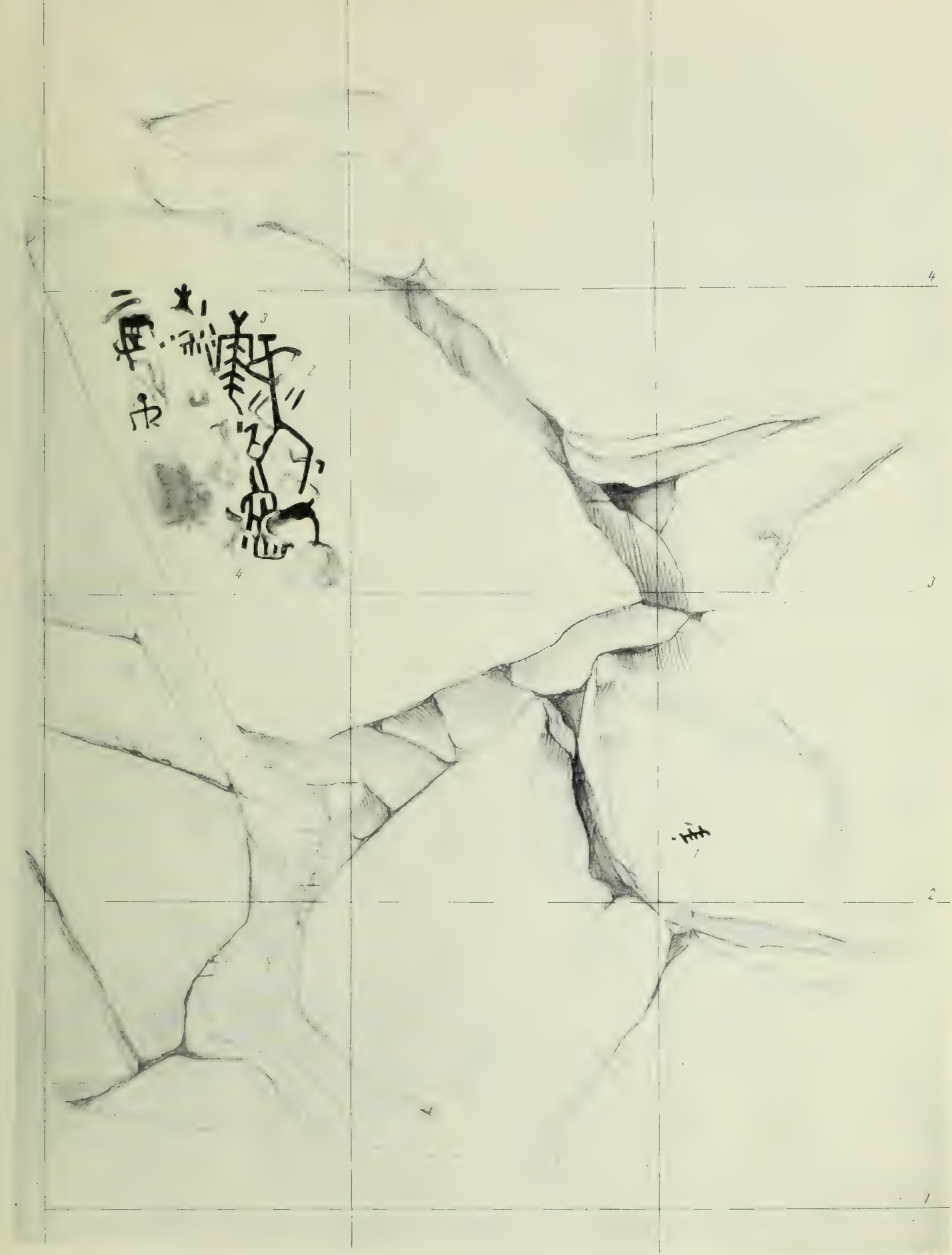
Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Стлб.	Напечатано	Должно быть
7	1 сн.	лев.	8	3
54	27 сн.	лев.	вишнего-красное	вишнево-красное
62	1 св.	подпись под рис.	1—8	1—3
65	5 св.	лев.	эффективны	эффектны
65	15 св.	лев.	фронтиспис	цветная таблица
113	23 сн.	лев.	4360±2000	4360±200
115	22 св.	лев.	уральскому	уральским

В. Н. Чернецов

1 р. 39 к.



ГАБЛИЦА I. Ирбитский Писаный камень, группа I (*1—4*)

ТАБЛИЦА II. Ирбитский Писаный камень, группы II и III (*5—10*)

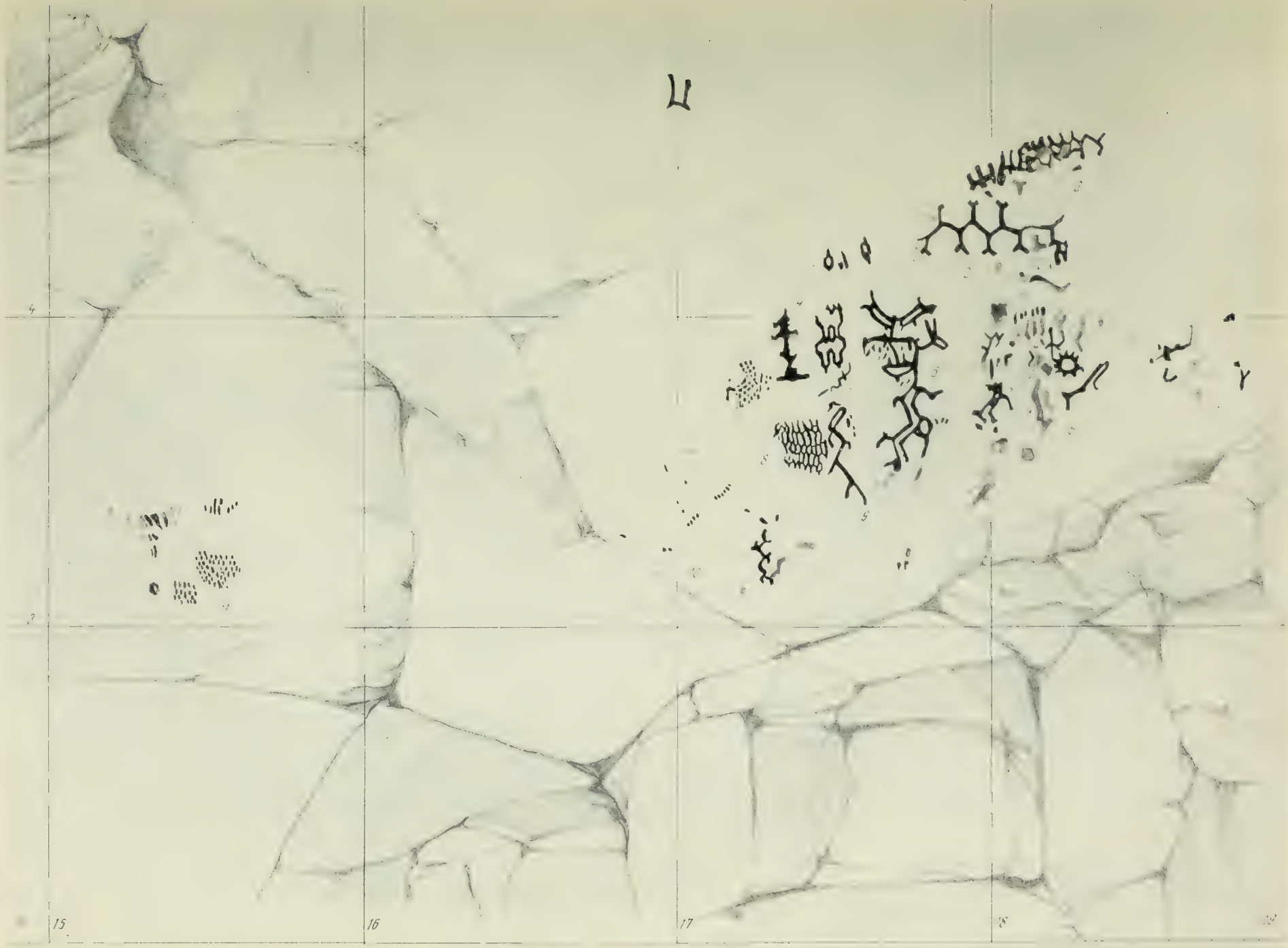
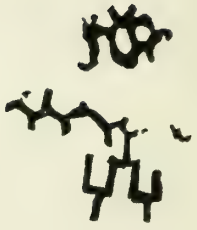


ТАБЛИЦА III. Камень Двуглазый на р. Нейве, группы II, III (*1—11*)

12



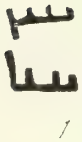
6

13

25

26

4



1

2

3

ТАБЛИЦА IV. Камень Двуглазый, группа I. Камень Коптелов на р. Нейве (*1*, *4*, *6*, *12*, *13*, *25*, *26*)

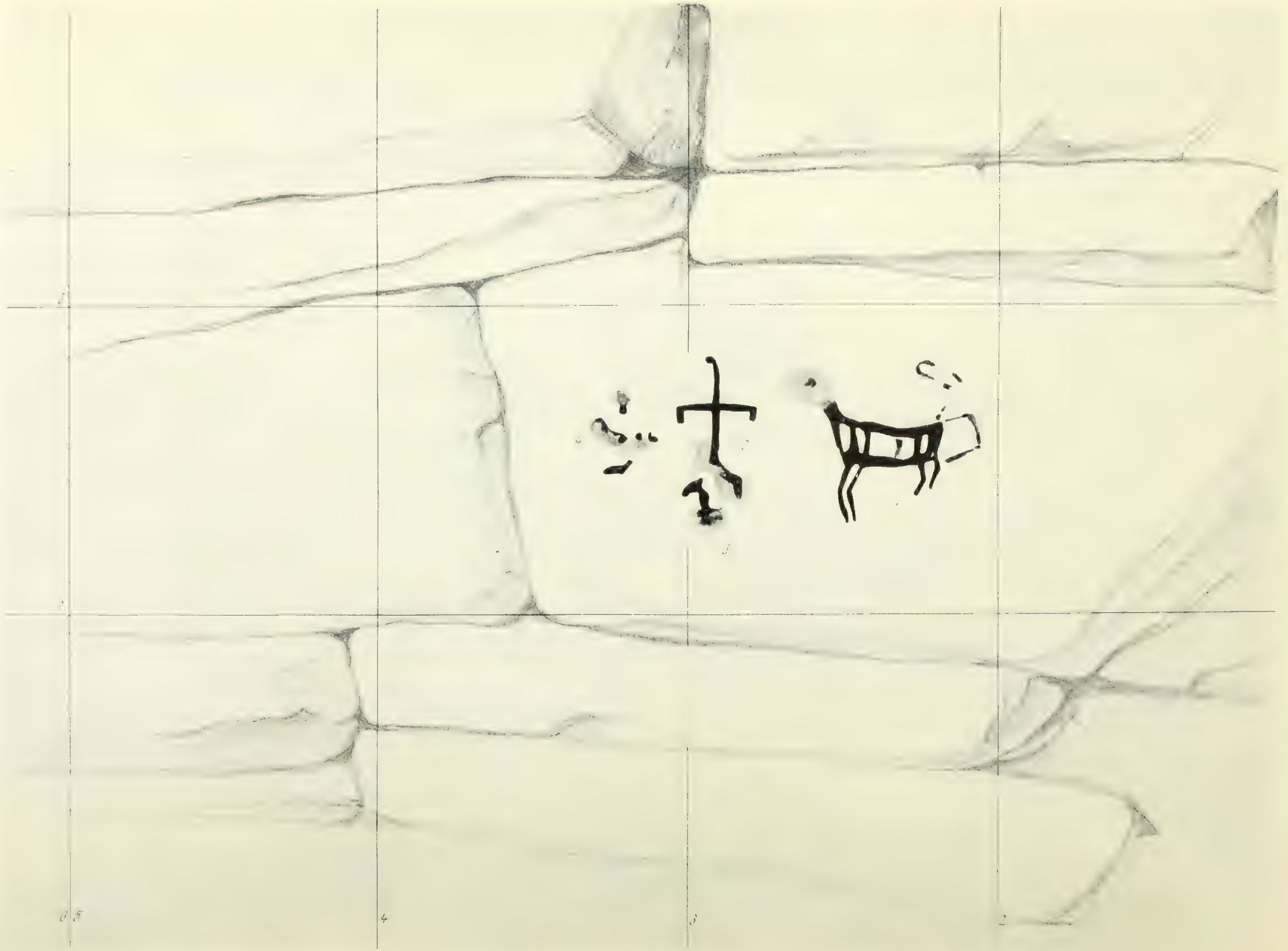


ТАБЛИЦА VI. Бородинская I-я скала на р. Реж, группа I (*1—4*)

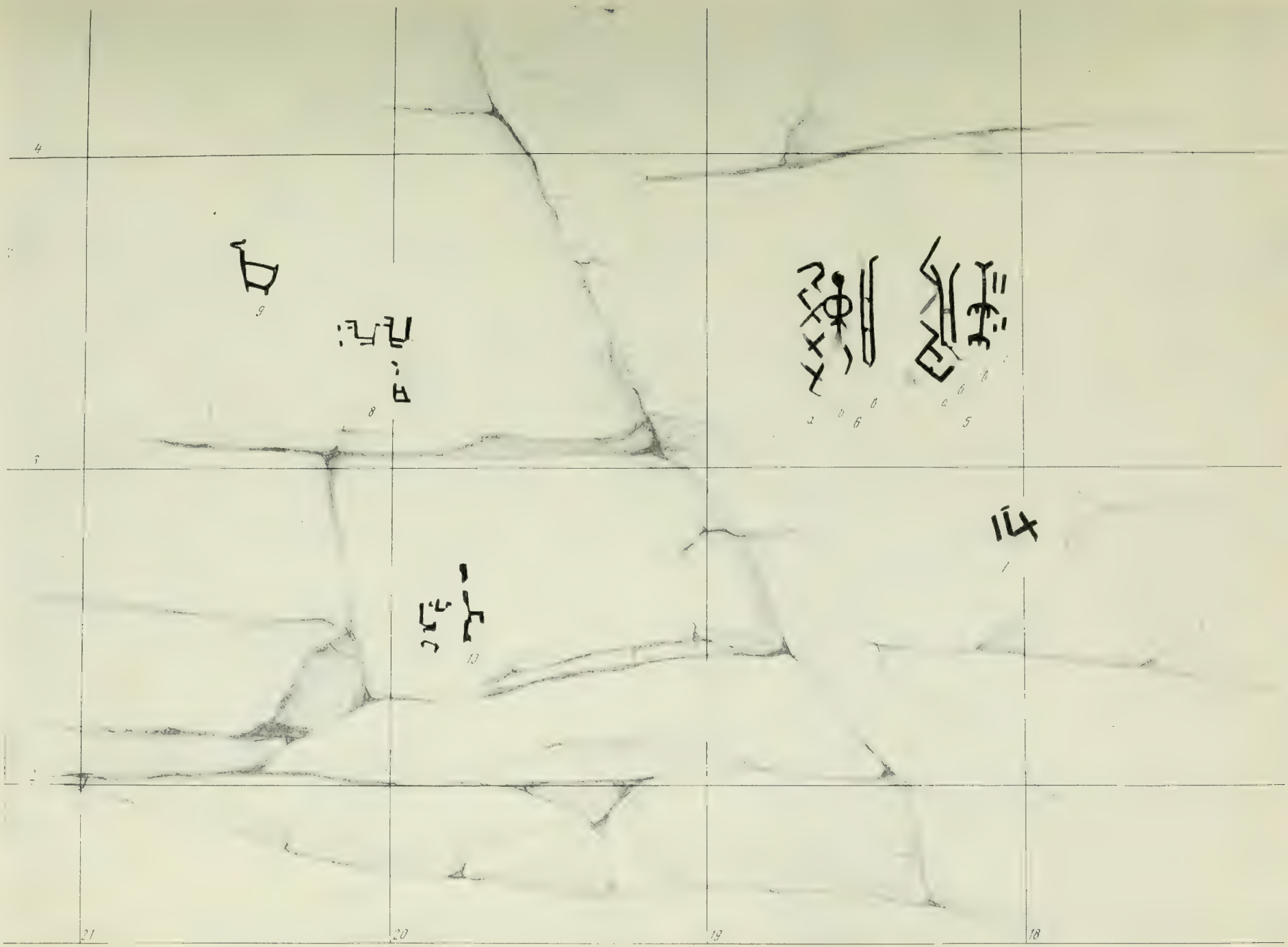


ТАБЛИЦА VII. Бородинская 1-я скала, группа II (*5—10*)

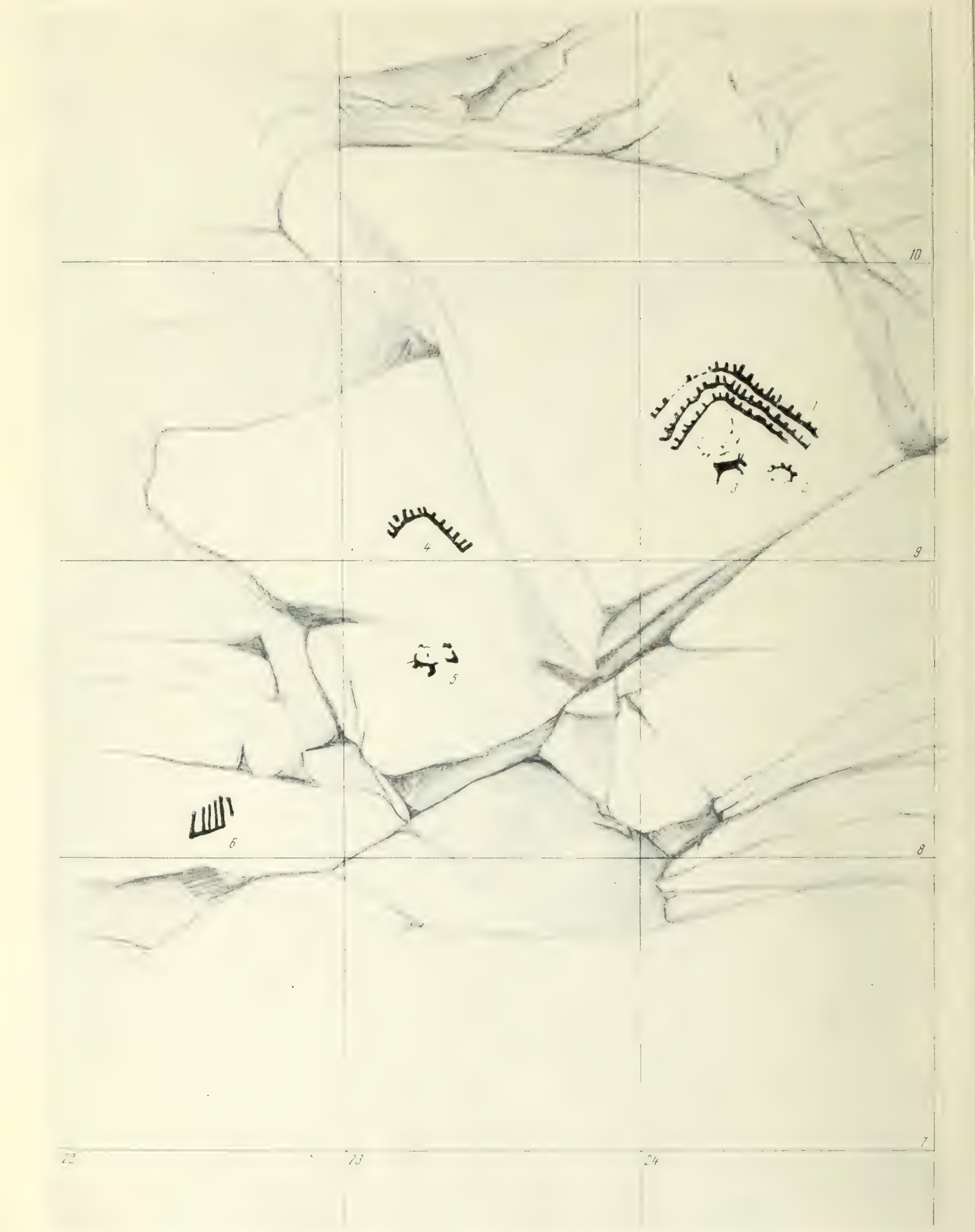
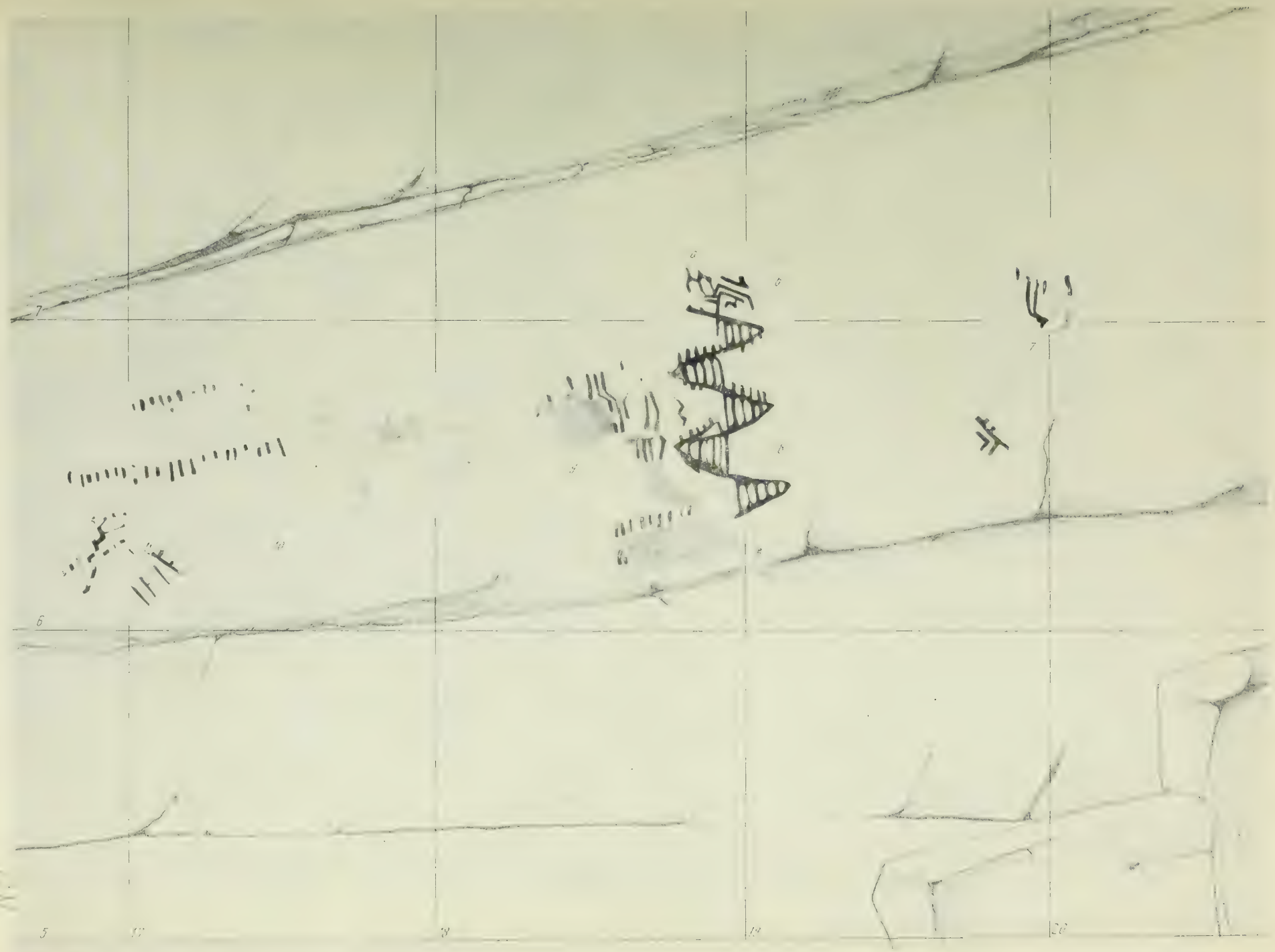


ТАБЛИЦА VIII. Бородинская 2-я скала на р. Реж, лист I (1–6)



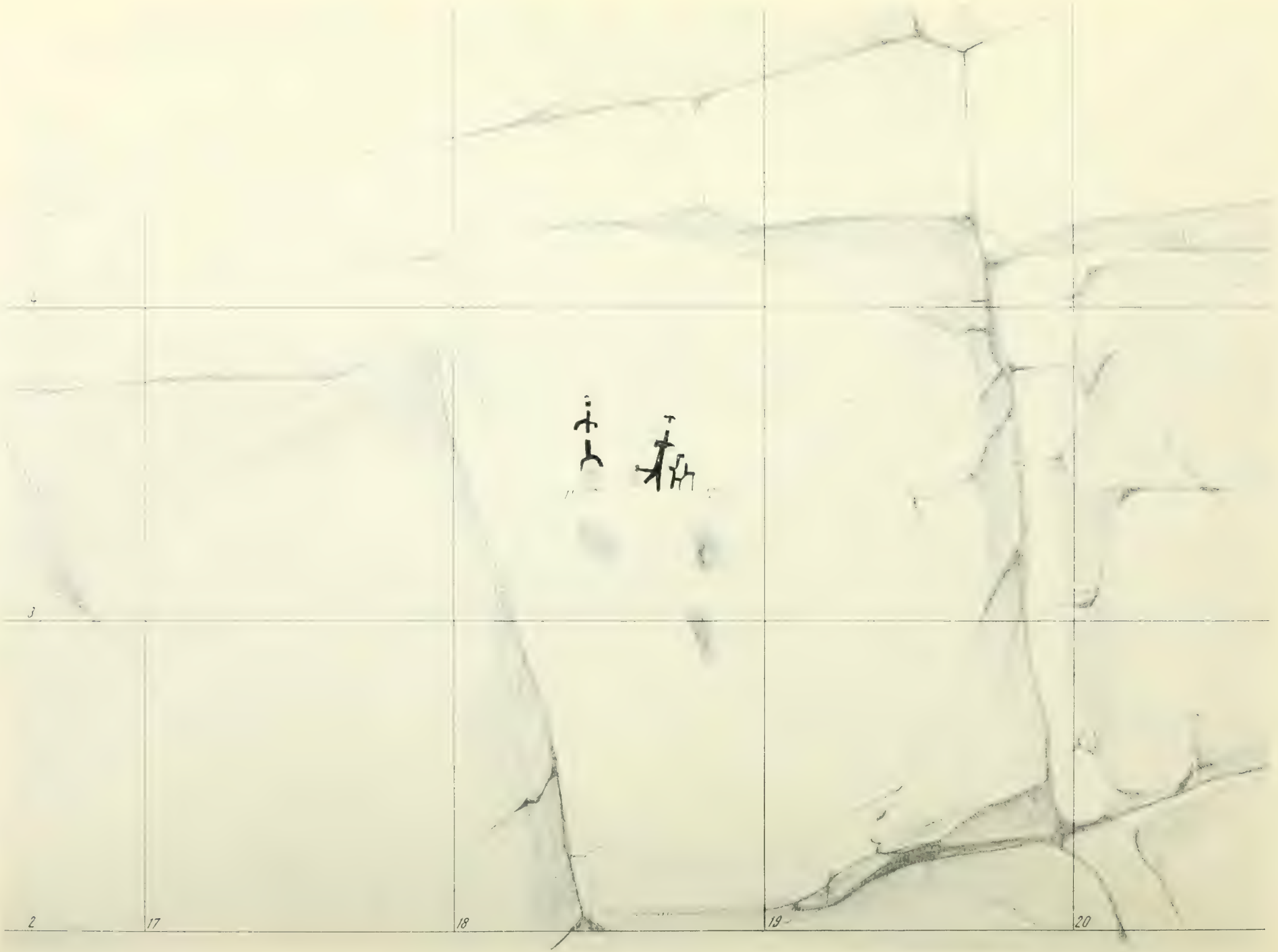


ТАБЛИЦА X. Бородинская 2-я скала, лист 3 (*11—12*)

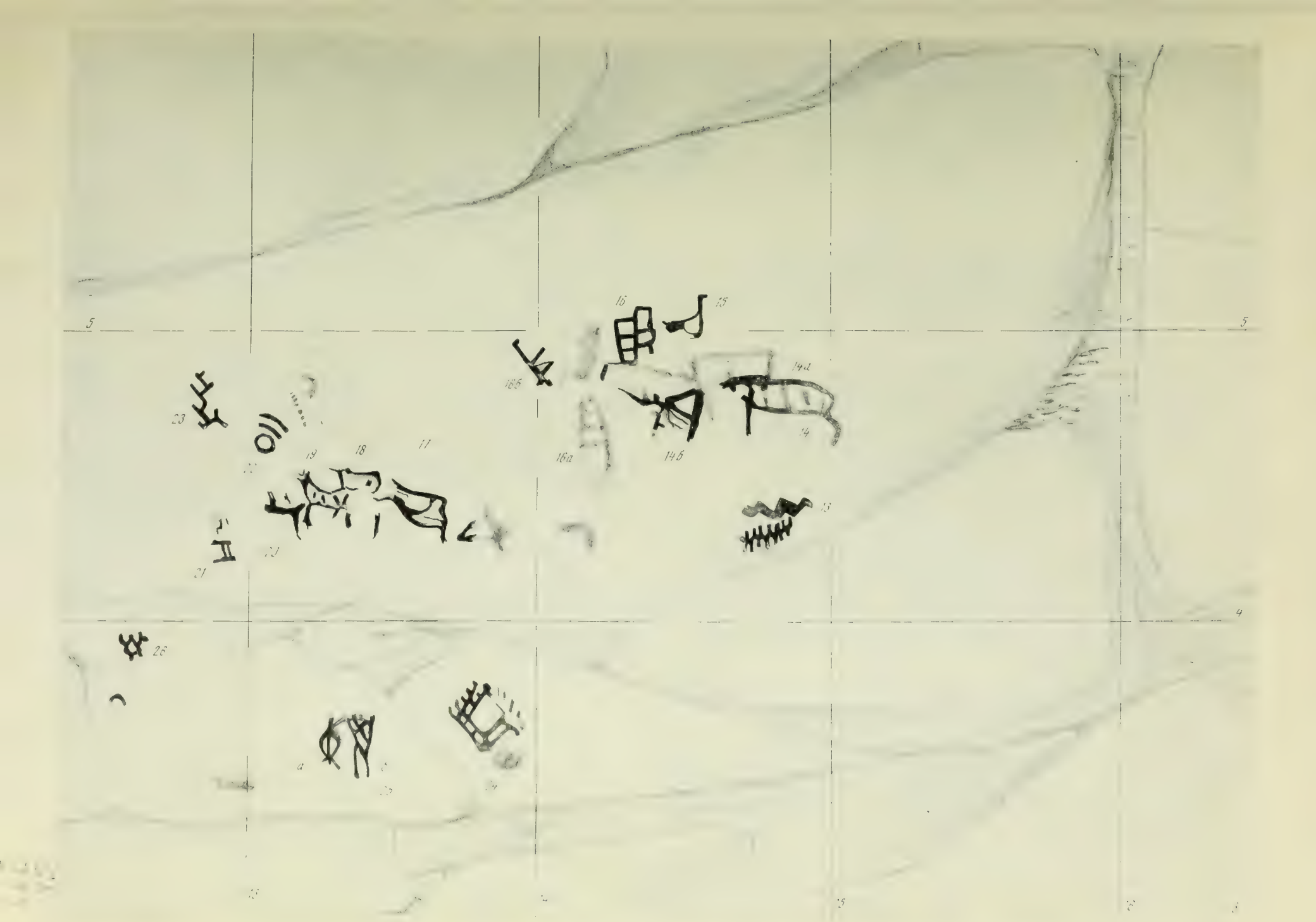


ТАБЛИЦА XI. Бородинская 2-я скала, лист 4. (*13—26*)

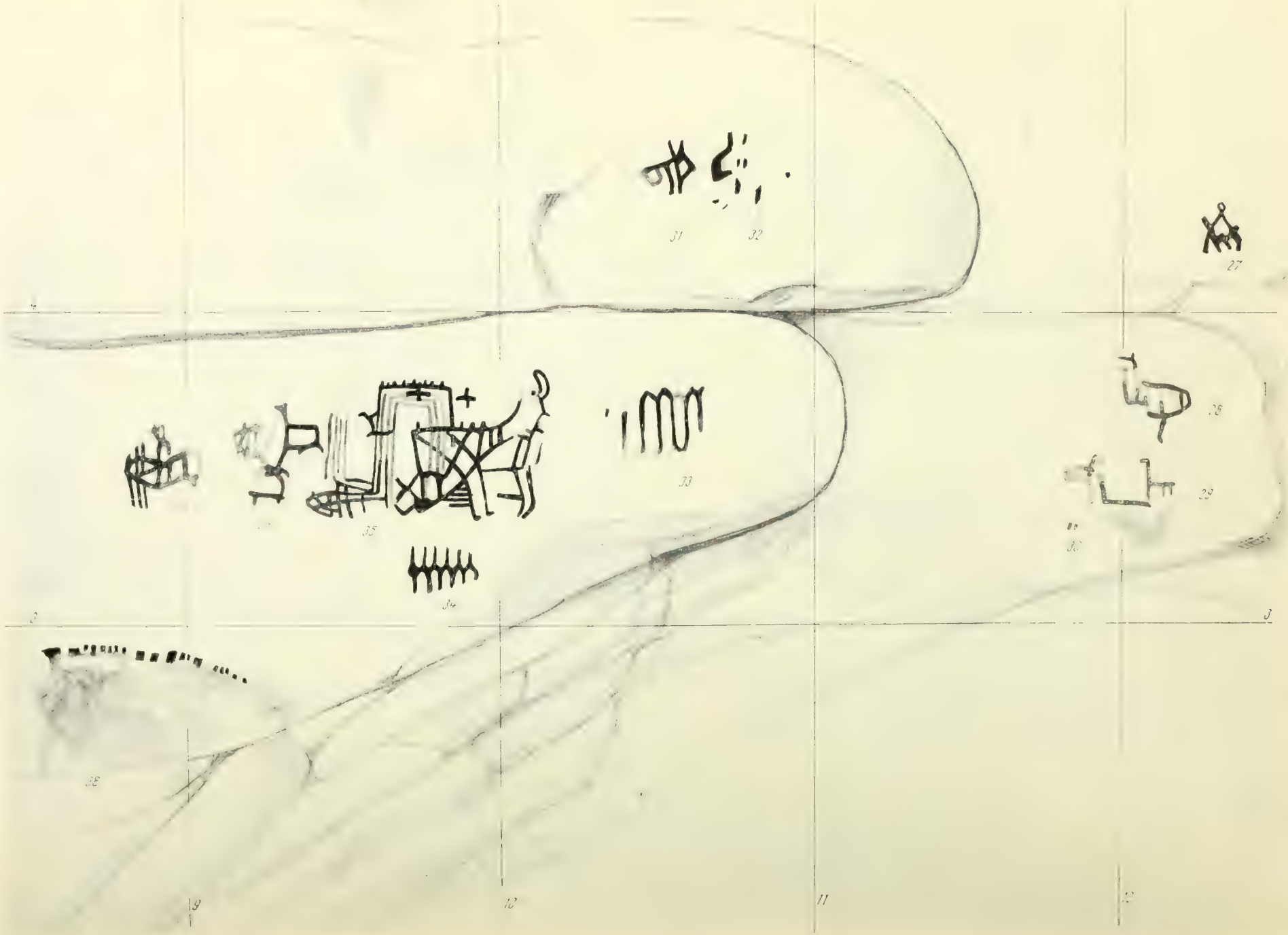


ТАБЛИЦА XII. Бородинская 2-я стада, лист 5 (27—28)

ТАБЛИЦА XIII. Бородинская 2-я скала, лист 6 (*39—44*)

ТАБЛИЦА XIV. Бородинская 2 я скала, лист 7 (15)

ТАБЛИЦА XV. Бородинская 3-я скала на р. Реж (*1—7в*)

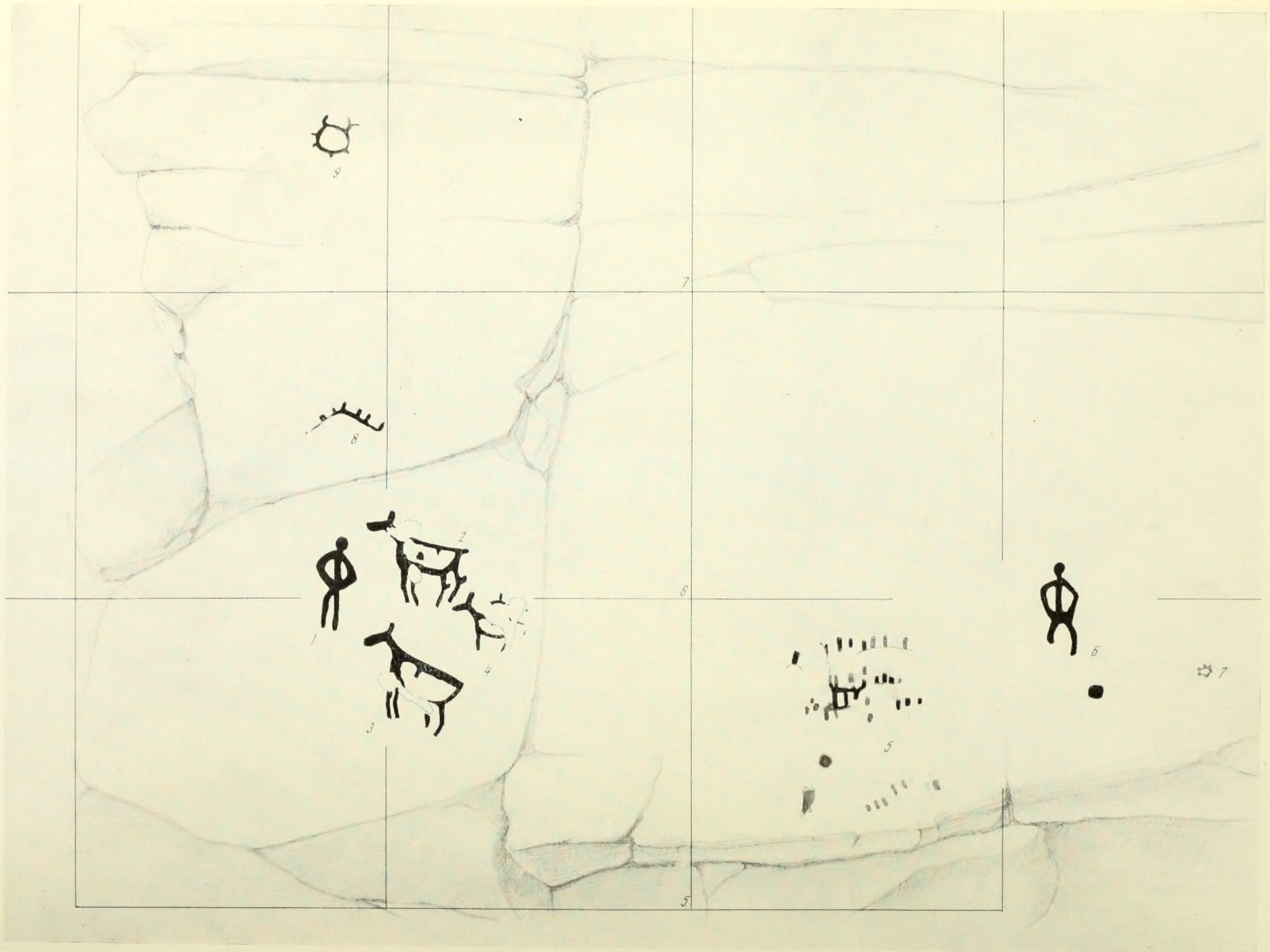


ТАБЛИЦА XVI. Писаный камень на р. Серге (*1—9*)

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

GN
799
P4C44
ch.2

Chernetsov, Valerii
Nikolaevich
Naskal'nye izobrazheniia
Urala

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 12 06 17 07 012 4